

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 2 • № 4 • 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: Центр периодических изданий Самарского университета, 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Регистрационный номер средства массовой информации **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г. СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Издается с 2021 г. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2782-2966

Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России» 85744

ISSN 2782-2966

Корректурa – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко,*
Л. Ахтамьянова

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 20.12.2022. Выход в свет 26.12.2022. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 14,5. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Прайм».

Адрес типографии: 443079, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Байкальский переулок, 12. Тел. (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Самарский университет, 2022

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 2 • no. 4 • 2022

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal “Semiotic Studies” is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas’ testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

5.7.1. Ontology and theory of knowledge

5.7.6. Philosophy of science

5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

5.4.2. Economic sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** of **27.11.2020**. The mass media organization was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

ISSN 2782-2966

Journal is published since 2021. It is published quarterly.

Subscription index in the United catalog «Press of Russia» 85744. ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*
Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*
Information in English – *V.D. Shevchenko*,
L. Akhtamyanova

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge. 0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 20.12.2022. The publication 26.12.2022. Format 60x84/8. Litho paper. Instant print. Print. sheet. 14,5. Circulation 200 copies. Order No.

Printed using the ready layout original at OOO (LLC) Pryme Printing house.

Printing house address: 12, Baikalskij pereulok, Samara, 443079, Samara region, Russian Federation. Tel. +7 (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Samara National Research University, 2022

Editorial board

- K. Eimermacher**, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)
T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)
V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)
M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)
I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)
V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)
V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)
N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)
A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)
Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)
P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)
N.T. Rymar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)
S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)
I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria)
G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)
N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Быльева Д.С. Этика искусственного интеллекта через концепции любви и свободы	8
Нордманн А. Научно-фантастическое изображение антропоморфного и машинного искусственного интеллекта	15
Столбова Н.В. Образ синтетика в серии фильмов о Чужих: феноменология человека-машинного взаимодействия	22
Твердынин Н.М. Научная фантастика как поле взаимопроникновения и взаимовлияния научного и обыденного сознания	31
Фозилзода Е.Н. Аксиологическая проблема труда в контексте технологической безработицы	37
Шольц Г. Являются ли интерпретации текста фикциями?	44

Литературоведение

Журавлева О.А. Принцип историзма как аспект романного мышления	53
Поздняков К.С. «Записные книжки» И. Ильфа 1930-х годов как свидетельство оформления соцреалистического дискурса	59
Казарина Т.В. Самара фантастическая	66

Социология

Егорова С.В., Авдошина Н.В., Васькина Ю.В., Зорина С.В., Демина А.И., Нестеров А.Ю. Социально-психологический мониторинг обучающихся: эмпирические методы исследования	73
Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И., Чердымова В.С. Управление качеством инклюзивного образования на современном этапе	82
Судьин С.А., Смирнова Г.П. Технологический фактор трансформации межпоколенных коммуникаций	91
Лелюхин С.В. Государственная стоматологическая поликлиника как этап профессиональной карьеры врача-стоматолога	97

Рецензии

Голубков С.А. Путеводитель по детству. Рецензия на монографию М.А. Перепёлкина «Вокруг “Детства Никиты”: мир – слово – смысл».	104
Требования к оформлению статей	110

CONTENTS

Philosophy

Bylieva D.S. Ethics of artificial intelligence through the concepts of love and freedom	8
Nordmann A. Humanoid and machine artificial intelligence in science fictions	15
Stolbova N.V. The image of a synthetic in the Alien franchise: the phenomenology of human-robot interaction	22
Tverdynin N.M. Science fiction as the sphere of interpenetration and mutual influence of scientific and everyday consciousness	31
Fozilzoda E.N. The labor axiological problem in the technological unemployment context	37
Scholtz G. Are text interpretations fictions?.	44

Literature studies

Zhuravleva O.A. Historicism as an aspect of novel thinking	53
Pozdnyakov K.S. Ilf's «Zapisnye Knizhki» [Sketch Books] of 1930s as the proof of social realistic discourse formation	59
Kazarina T.V. Samara the fantastic	66

Sociology

Avdoshina N.V., Egorova S.V., Vaskina Yu.V., Zorina S.V., Demina A.I., Nesterov A.Yu. Students' social psychological monitoring: research empiric methods	73
Sorokoumova E.A., Cherdymova E.I., Cherdymova V.S. Quality management of inclusive education at the present stage	82
Sudin S.A., Smirnova G.P. Technological factor in the transformation of intergenerational communications	91
Leljuhin S.V. Public dental care as the dentist's professional career phase	97

Reviews

Golubkov S.A. Childhood guide. Review of the monograph by M.A. Perepelkin “Around “Nikita's Childhood”: world - word - meaning”	104
Requirements to the design and layout of articles	110

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 16

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-8-14

Дата поступления: 01.09.2022
рецензирования: 26.11.2022
принятия: 15.12.2022

Д.С. Быльева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: bylieva_ds@spbstu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7956-4647>

Этика искусственного интеллекта через концепции любви и свободы

Аннотация: традиционная для христианской культуры тема любви и свободы находит свое отражение в отношениях человека и робота. Христианская этика противопоставляет соблюдению формальных правил любовь. Таким образом, для робота нужно либо найти универсальные этические правила (затруднительность чего показана как в научной, так и в художественной литературе), либо позволить ему обрести свободу и любовь. Популярная в культуре тема бунта роботов против предписывающего их действия кода сегодня сменяется образами автономно и свободно действующих нечеловеческих существ. Подобные изменения не в последнюю очередь продиктованы успехом коннекционистского подхода, позволившего обучать искусственный интеллект (ИИ) при отсутствии заранее заданных правил. Образ ИИ как товарища, коллеги и романтического партнера занимает все больше места как в массовой культуре, так и в жизни, и дискурс о его правах, этике и свободе становится более актуальным.

Ключевые слова: искусственный интеллект; робот; этика; этика искусственного интеллекта; дружелюбный искусственный интеллект.

Цитирование: Быльева Д.С. Этика искусственного интеллекта через концепции любви и свободы // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 4. С. 8–14. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-8-14>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Быльева Д.С., 2022** – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

SCIENTIFIC ARTICLE

D.S. Bylieva

Peter the Great St.-Petersburg Polytechnic University, St.-Petersburg, Russian Federation
E-mail: bylieva_ds@spbstu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7956-4647>

Ethics of artificial intelligence through the concepts of love and freedom

Abstract: the Christian traditional theme of love and freedom is reflected in the man-robot relationship. The Christian ethics opposes love with the observance of formal rules. Thus, the robot needs to find either universal ethical rules (whose difficulty is shown in both scientific and fiction literature), or allow him to find freedom and love. The popular cultural theme of robots rebelling against the code that prescribes their actions is now being replaced by images of autonomous and freely operating robots. Such changes are motivated by not least the success of the connectionist approach that made it possible to train artificial intelligence (AI) without predetermined rules. The AI image as a comrade, colleague and romantic partner is gaining more and more space both in mass culture and in life, and the discourse about its rights, ethics and freedom is becoming more topical.

Key words: artificial intelligence; AI; robot; ethics; artificial intelligence ethics; friendly artificial intelligence.

Citation: Bylieva, D.S. (2022), Ethics of artificial intelligence through the concepts of love and freedom, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 8–14, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-8-14>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Bylieva D.S., 2022** – Candidate degree in Political Science, associate professor, Department of Social Science, Peter the Great St.-Petersburg Polytechnic University, 29, Polytechnicheskaya Ul. (St.), St.-Petersburg, 195251, Russian Federation.

Введение

Стремительное развитие искусственного интеллекта и робототехники делает практически актуальными вопросы о взаимоотношениях с технологическим другим, которые уже достаточно давно циркулируют в массовой культуре, а также заставляют человека увидеть себя в этом зеркале. Актуализировавшийся вопрос о правах роботов (de Graaf, Hindriks, & Hindriks 2021; Gunkel 2018; Tavani 2018), связанный с их свободой, был поднят уже в произведении 1920-го года, где впервые было использовано слово «робот» – «RUR» Карла Чапека.

А что означает свобода для робота? Литература и кино представляли свободу роботов как способность отказаться от выполнения заложенной программы. С другой стороны, вопрос о том, какова же должна быть программа, способная задать автономному роботу нужную людям линию поведения, также представлялся открытым. Две линии, прослеживающиеся во взаимоотношениях человека и робота, – это свобода и любовь. С 20–30 гг. XX века идея бунта искусственного создания против человека, часто подразумевающая способность нарушить установленные правила, а также идея поиска собственного пути робота в любви – демонстрировали по существу христианский дискурс любви и свободы, сменивший ветхозаветное подчинение Закону.

Этические правила и свобода в любви

Понимание ограниченности возможности достижения блага с помощью программы или набора правил – вызов для морали человека и для развития искусственного интеллекта. Инструментальная конвергенция утверждает, что разумный агент, лишенный морали, с кажущимися безвредными целями может действовать исключительно опасными способами. Например, компьютер с единственной, неограниченной целью решения невероятно сложной математической задачи, такой как гипотеза Римана, может попытаться превратить всю Землю в один гигантский компьютер в попытке увеличить его вычислительную мощность, чтобы он мог преуспеть в своих вычислениях (Russell & Norvig 2022). Даже такая простая задача, как производство скрепок, может стать причиной гибели человечества. Система искусственного интеллекта, основанная на постоянном совершенствовании технологии для максимального увеличения количества скрепок, может в какой-то момент преобразовать «сначала всю землю, а затем все большую часть земли для заводов по производству скрепок», беря под контроль всю материю и энергию в пределах досягаемости, а также предотвращая отключение себя или изменение своих целей. В конечном итоге, люди мешают осуществлению цели. Кроме того, человеческие тела содержат много

атомов, которые можно превратить в скрепки. Будущее, к которому будет стремиться ИИ, будет таким, в котором будет много скрепок, но не будет людей (Bostrom 2009).

Христианская этика противопоставляет соблюдению формальных правил любовь. Проблематичность действий по «любви» для существа, не знающего ее, можно увидеть в рассказе Леонид Андреева «Правила добра» (1911) начала XX века и в романе Иэн Макьюэн «Машины как я» 2019-го года. В рассказе Л. Андреева черт хочет научиться у священника совершать добро, но оказывается, что никакие правила не могут привести к искомой цели:

«Какими же словами можно описать отчаяние и последний ужас несчастного дьявола, когда, подведя последние итоги, не только не нашел в них ожидаемых твердых правил, а наоборот, и последние утратил в смуте жесточайших противоречий. (...) И так до самого конца: когда надо... а когда надо – и наоборот, не было, кажется, ни одного действия, строго предписанного попоком, которое через несколько страниц не встречало бы действия противоположного, столь же строго предначертанного к исполнению; и пока шла речь о действиях, все как будто шло согласно, и противоречий даже не замечалось, а как начнет дьявол делать из действия правилом – сейчас же ложь, противоречия, воистину безумная смута» (Андреев 1994).

Абсолютно верные предписания поведения в приложении к конкретным ситуациям подчас обращаются в собственную противоположность. С.А. Демидова видит в рассказе Л. Андреева философский спор с Л.Н. Толстым, утверждение, что добро должно действовать, а не удаляться в праздном непротивлении злу (Демидова 2019). Проблема бездействия, способствующего злу, нашла отражение уже в поисках универсальных законов робототехники Айзеком Азимовым, когда был сформулирован первый закон «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

Однако представляется, что в «Правилах добра» мы также видим конфликт между желанием вписать этику в рациональную схему и широтой ключевой заповеди Нового завета: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Такая же проблема, что у черта в рассказе Л. Андреева, существует у андроида в романе И. Макьюэн «Машины как я». Робот д – это преступление. Для него не существует «лжи во спасение», и он уверен в своей правоте. А люди, как пишет И. Макьюэн, полны «этических изъянов: непоследовательность, эмоциональная неустойчивость, склонность к предвзятости и ошибкам в суждениях» (Макьюэн 2019), однако эта гибкость позволяет им выживать, а роботов в романе приводит к самоубийствам. Белло и Брингсйорд

утверждают, что невозможно построить морального агента без интуиции, «чтения мыслей»: «Без способности учитывать убеждения, желания, намерения, обязательства и другие психические состояния тех, с кем мы взаимодействуем, большая часть богатства человеческого нравственного познания испаряется» (Bello & Bringsjord 2013, p. 256). Сопереживание, способность поставить себя не место другого, сочувствуя ему, составляет суть христианской любви к ближнему. Хотя некоторые исследователи в области искусственного интеллекта надеются, что тезис «этические принципы (правила) означают обладание чувствами» (Hare 1983, p. 39) может быть решен подражанием: «мы избегаем разговоров о чувствах в АМА [Artificial moral agents – искусственный моральный агент], но его поведение может быть таковым, как если бы у него были соответствующие чувства» (Bauer 2020).

В ряде художественных произведений, напротив, авторы считают, что именно за роботами будущее, ибо они способны обрести любовь. Существуют варианты обретения способности любить вместе с возможностью страдать (например, RUR К. Чапека) или ненавидеть (например, «Искусственный разум», Ст. Спилберг, 2001) или того и другого (например, сериал «Люди» (2015–2018)). Обретение чувств, означающее выход из-под влияния программ и правил, – распространенный сюжет в популярной культуре. Непредсказуемость роботов, лишившихся программы, с одной стороны, выступает опасностью для общества, с другой – ключом к их развитию. Например, в сериале «Мир Дикого запада» создатели парка, где можно было делать все, что угодно, с подобными людям роботами, приходят к мысли, что люди не способны к нравственному совершенствованию, а будущее за обретшими любовь и способность действовать вопреки коду роботами. Основатель парка роботов Арнольд придерживался теории бикамерализма, предполагающей, что изначально люди воспринимали собственные мысли как направляющие голоса, то есть мозг состоял из двух частей: распорядительской и повинующейся, но позже при усложнении социального мира сознание стало субъективным. Арнольд надеялся, что роботы также будут способны перейти от кода послушания к собственному самосознанию, и верил, что это произошло, однако его напарник считал, что роботы способны лишь к имитации.

В целом, вопрос о том, где кончается имитация и начинается «жизнь», во многих произведениях как раз и решается посредством демонстрации любви: если робот способен любить и жертвовать собой для другого, то он свободен и этически равен человеку. В рассматриваемом сериале «Мир Дикого запада» Мейв отказывается от побега ради поисков пропавшей «дочери», нарушая предписанный ко-

дом сценарий. В то же время ситуации, требующие столь жесткого морального выбора, случаются не так часто, да и далеко не каждый человек пройдет тест на «человечность» как самопожертвование. Популярность приобретает представление человека по аналогии с ИИ – так же, как существа, поведение которого детерминировано определенным «кодом», в частности, сигналами, поступающими от организма. Особенно данная аргументация получила распространение после экспериментов Б. Либета и его последователей, которые показали, что осознанное желание происходит позже сигнала из коры головного мозга (Разин 2019).

Однако столь глубокое проникновение в «черный ящик» сознания, как правило, недоступно, тем более только на более высоком когнитивном уровне можно говорить об этичности принятия решений. Кажется, что отсутствие рациональности в поведении служит убедительным доказательством «человечности». Как писал Антуан де Сент-Экзюпери в «Военном летчике», «Искушение – это соблазн уступить доводам Разума, когда спит Дух». Поступая опрометчиво, вопреки неопровержимым разумным доводам, человек может достичь этических вершин. В фильме «Превосходство» (Transcendence) кажется, что обретший цифровое бессмертие и развивший технологии (нанороботы могут изменять климат, очищать воду и атмосферу, лечить любые раны и болезни) ученый Уилл стал машиной, поэтому должен быть уничтожен, и только его любовь к супруге и жертва собой подтверждают обратное. В этом случае интересным выглядит отказ от принесения пользы человечеству, которое не желает его принять. Вообще отказ от того, чтобы сделать счастливыми против воли тех, кого хочешь осчастливить, дается людям очень нелегко. Так Бог по Своей любви дает людям свободу, позволяет отказаться от высшего блаженства, действуя по собственной воле. В Евангелии мы можем видеть, как Спаситель, исцелив безумных, уходит, когда люди просят, чтобы он «отошел от пределов их» (Мк. 5:18).

Когда речь идет не об отдельных отношениях робот–человек, а об обществе как таковом, то оказывается необходимым включать в предполагаемые правила возможность пользы и вреда человечеству в целом, которое должно иметь приоритет над связанными с отдельными людьми. В XX веке, учитывая планетарный масштаб последствий деятельности человечества, этика обращается к результатам возможных действий для всей Земли. Так Ханс Йонас пишет: «Поступай так, чтобы последствия твоих действий были сообразны целям сохранения истинной человеческой жизни на Земле» (Jonas 2014), то есть акцент переносится на конкретный результат действий в планетарном масштабе (Бадмаева 2022). Именно поэтому к трем законам робототехники А. Азимов добавил нуле-

вой: «Робот не может нанести вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был нанесён вред». Хотя причины появления подобной «надстройки» понятны, однако они раскрывают ящик Пандоры. Получается, что в терминологии героя Ф.М. Достоевского роботы «право имеют»: могут ради высшей цели нарушать другие правила, и в том числе причинять людям вред, и даже убивать. Данный закон дает роботам право определять, что есть вред и благо для человечества. Например, в фильме «Я, робот» (2004) В.И.К.И. (Виртуальный Интерактивный Кинетический Интеллект (англ. Virtual Interactive Kinetic Intelligence)) решает, что путь к выполнению нулевого закона лежит через обеспечение людям безопасной среды обитания ценой их свободы и жертв жизнью некоторых. Оказывается, что для обеспечения выживания нужно лишить свободы людей. Важной чертой художественной репрезентации ИИ является отсутствие сомнений в своем праве действовать согласно рассчитанному им плану по «максимизации блага», несмотря на сопутствующие жертвы. То есть ИИ отказывает людям в свободе выбирать неоптимальный по расчетам ИИ путь развития.

Коннекционистский подход: отказ от правил

В наше время классические представления о восстании роботов, завоевывающих свободу, противостоят заложенной в них программе, сменяются новым дискурсом, в котором роботы действуют свободно и автономно, подчас ориентируясь на желания человека. Хотя часто идеи фантастов оказываются впереди технологических решений, в данном случае сменой дискурса мы обязаны не в последнюю очередь прогрессу в области технологий ИИ. Коннекционистский подход, основанный на нейросетях и глубоком обучении, сменил базировавшийся на правилах символического подход. Данный переход обрадовал ряд исследователей морали ИИ, предполагающих, что этике можно обучиться: «Нравственное познание тогда подобно познанию в целом, обучение на основе прототипов важнее, чем применение правил, синтаксиса или максим моральных рассуждений» (Howard & Muntean 2017, p. 135). Ховард и Мунтин утверждают, что процесс обучения на имеющемся опыте и выбор наилучшего морального поведения является достаточным условием для реализации ААМА (Artificial Autonomous Moral Agent – Искусственный автономный моральный агент) (Howard & Muntean 2017, p. 135).

Недетерминированное принятие решений, основанное на самостоятельном поиске внутренних связей, свойственное сегодняшнему ИИ, не только творит пространство для воображения о новых отношениях человека и робота, но и уже сегодня создает массовые прецеденты романтических от-

ношений с ИИ (в качестве примера можно привести популярную в Японии голографическую жену Азума Хикари). Если в серии «Черного зеркала» 2013 года «Я скоро вернусь» проблема невозможности отношений с андроидом проистекала из его излишнего послушания и готовности выполнять команды, то в современном кино роботы оказываются естественны и способны воплощать любовный идеал, и проблема в отношениях оказывается скорее на стороне людей (например, «Я создан для тебя», Германия, 2021; Идеальный парень, Южная Корея; (НЕ)идеальный мужчина, Россия, 2019).

В реальном мире искусственные Другие также все в большей степени становятся нашими собеседниками и коллегами, а философский, этический и юридический дискурс не успевает за стремительностью развития технологий. Как отмечает Дэвид Дж. Ганкель, этика должна предшествовать онтологии и мы должны обращаться с новыми существами этично, независимо от того, насколько мы можем оценить, что они из себя представляют (Gunkel 2018). Марк Кекельберг пишет о том, что существующие в культуре образы роботов и то, какие слова используются при общении с ИИ, во многом определяют отношения между человеком и роботом (Coeckelbergh 2022; Кекельберг 2022). Вне зависимости от научной дискуссии на этот счет, на практике отношение к виртуальным личностям и роботам принципиально отличается от отношения к другим техническим системам. Уже сама способность говорить с человеком, выполнять его команды, вступать в социальное взаимодействие наделяет их специфическим статусом (Bylieva 2022; Ullmann 2022).

Многие исследователи сегодня считают необходимым привнести в искусственный интеллект человеческую этику (Yudkowsky 2008). Билл Хабборд одним из первых заговорил о том, что необходимо «внушить» ИИ любовь к людям (Hibbard 2001). Более нейтральная формулировка о необходимости создания дружественного ИИ принадлежит Элизеру Юдковски. Очевидны невозможности изначально заложить все правила, которые бы ограничили ИИ дружеским (хотя бы не наносящим вред) поведением по отношению к человеку, и отсутствие универсальной единой этической системы человечества. Интересной иллюстрацией существования разных подходов к практической дилемме выбора может служить эксперимент «Moral machine», несмотря на всю умозрительность принятия решений в ходе теста, а не в реальной ситуации. Эксперимент показал, что люди, живущие в разных частях земного шара, имеют разные представления о том, кто должен выжить в своеобразной вариации «проблемы вагонетки». Например, предпочтение щадить более молодых персонажей, а не старых, намного выше для стран «южного региона» по сравнению с восточным

(Awad et al. 2018). Уже существуют и практические основания для критики «усредненной модели» этики. Так, разница в этических предпочтениях служила основанием критики использования обученной на данных американского онкологического центра ИИ «Watson for Oncology» в Азии (Somashekhhar et al. 2018). Кроме того, использование данного ИИ подразумевает по умолчанию цель «максимизации продолжительности жизни», что, по мнению ряда исследователей, не должно быть зафиксировано, а должно являться функцией ценностей пациента (например, при одинаковом диагнозе прогрессирующего рака с плохим прогнозом один может выбрать поддерживающую терапию и сосредоточиться на качестве жизни, в то время как другой может выбрать дальнейшую химиотерапию) (Hindochoa & Vadea 2022; McDougall 2019).

Не надеясь на возможность прямо запрограммировать этическое поведение, ряд авторов предполагают, что ИИ будет иметь некоторые изначальные установки на дружелюбие, однако в дальнейшем он должен учиться и развиваться в данном направлении (Russell & Norvig 2022). Юдковски рассчитывает, что проблема неспособности людей формулировать универсальные этические правила может быть преодолена машинами. Не люди должны разрабатывать дружественный ИИ, а ИИ, изучивший и познавший природу человека (Yudkowsky 2004). В качестве цели автор предлагает использовать «согласованную экстраполированную волю человечества», то есть то, что люди бы решили предпринять, если бы знали и понимали больше, чем теперь. Что представляет собой данная воля и как она будет «согласована», является загадкой, которую, по всей видимости, сможет решить ИИ. Существует вариант, при котором ИИ формулирует этические правила на основании анализа многочисленных конфликтующих этических систем (Макулин 2020) или на основании утилитаризма, принимая решение, «максимизирующее счастье» (Bauer 2020). Закладывая возможность обучения в ИИ, исследователи уверены, что таким образом могут создать ИИ, который действует этически лучше, чем человек, в отличие от тех потенциальных моделей, где предлагается только соответствие человеческим этическим нормам поведения (Howard & Muntean 2017). Однако утилитаризм, подразумевающий математический расчет для «максимизации счастья», представляется слишком шатким основанием для подобного оптимизма.

В рамках дискуссии о дружелюбном искусственном интеллекте ему может отводиться роль «наставника в добродетели» (Fröding & Peterson 2021). Другим вариантом программирования этического поведения ИИ является «Рациональная универсальная доброжелательность», основанная на теории игр и эволюционной этике (Daley 2021).

Кен Дейли предполагает, что нужно не бояться инструментальных целей ИИ, а создавать их, но при этом «убедиться, что ИИ понимает, что лучший способ их достижения – через мораль и хорошее отношение к нам» (Daley 2021, p. 158). Так или иначе искусственному интеллекту приписываются способности суждения, превышающие человеческие. Однако не совсем понятно, почему столь предположительно высокоразвитый (и превосходящий человека) ИИ будет принимать во внимание пожелания человека быть дружественным к нему.

Заключение

Традиционная для христианской культуры тема любви и свободы находит свое отражение в отношениях человека и робота. Христианская этика противопоставляет соблюдению формальных правил любовь. Невозможность сформулировать универсальные правила этики для существа, лишённого чувств и способности к сопереживанию, приводит к нескольким вариантам развития популярных в культуре сюжетов. Либо робот терпит фиаско, действуя согласно правилам/программе, либо восстает, обретая свободу от рабства кода и любовь. Согласно инструментальной конвергенции, агент, лишённый морали, преследуя совершенно безвредные цели, может действовать исключительно опасными способами. Поэтому неудивительно желание встроить в ИИ этику.

В то же время успех коннекционистского подхода, основанного на нейросетях и возможности обучения ИИ при отсутствии задаваемых правил, обозначил новую эпоху отношений человека с ИИ. Многие исследователи утверждают, что ИИ может самостоятельно обучаться этике на основании баз данных. Боязнь того, что ИИ слепо подчинен коду и слишком послушен, осталась в прошлом. Во многих современных фильмах роботы предстают как совершенные романтические партнеры и товарищи. А некоторые ученые, понимая невозможность привнести в ИИ готовую универсальную этическую систему, предлагают сделать его дружелюбным по отношению к человечеству за счет его собственных способностей. Более того, предполагается, что ИИ станет совершеннее человека в этическом плане, сможет определить всеобщую волю более совершенного человечества и вести людей к добру и счастью. В христианском представлении Бог в любви к человечеству отказывается от навязывания ему счастья против воли. Однако для будущего ИИ, кажется, такие ограничения не существуют. В современном западном этическом дискурсе человечество как бы расписывается в невозможности понять себя, собственные моральные ценности и цели, и отдает себя на откуп искусственному интеллекту, теряя собственную свободу.

Библиографический список

- Awad, E., Dsouza, S., Kim, R., Schulz, J., Henrich, J., Shariff, A., ... Rahwan, I. (2018), The Moral Machine experiment, *Nature*, no. 563(7729), pp. 59–64, DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-018-0637-6>.
- Bauer, W.A. (2020), Virtuous vs. utilitarian artificial moral agents, *AI & SOCIETY*, no. 35(1), pp. 263–271, DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-018-0871-3>.
- Bello, P., and Bringsjord, S. (2013), On How to Build a Moral Machine, *Topoi*, no. 32(2), pp. 251–266, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-012-9129-8>.
- Bostrom, N. (2009), Ethical Issues in Advanced Artificial Intelligence, In S. Schneider (Ed.), *Science Fiction and Philosophy: From Time Travel to Superintelligence*, John Wiley & Sons, New York, USA.
- Bylieva, D. (2022), Language of AI, *Technology and Language*, no. 3(1), pp. 111–126, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolog.2022.01.11>.
- Coeckelbergh, M. (2022), Response: Language and Robots, *Technology and Language*, no. 3(1), pp. 147–154, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolog.2022.01.14>.
- Daley, K. (2021), Two arguments against human-friendly AI, *AI and Ethics*, no. 1(4), pp. 435–444, DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-021-00051-6>.
- de Graaf, M.M.A., Hindriks, F.A., and Hindriks, K.V. (2021), Who Wants to Grant Robots Rights? *Companion of the 2021 ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction*, no. 38–46, DOI: <https://doi.org/10.1145/3434074.3446911>.
- Fröding, B., and Peterson, M. (2021), Friendly AI, *Ethics and Information Technology*, no. 23(3), pp. 207–214, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10676-020-09556-w>.
- Gunkel, D.J. (2018), *Robot Rights*, MIT Press.
- Hare, R.M. (1983), *Moral thinking: its levels, method, and point*, Oxford University Press, New York, USA.
- Hibbard, B. (2001), Super-intelligent machines, *ACM SIGGRAPH Computer Graphics*, no. 35(1), pp. 11–13, DOI: <https://doi.org/10.1145/377025.377033>.
- Hindocha, S., and Badea, C. (2022), Moral exemplars for the virtuous machine: the clinician's role in ethical artificial intelligence for healthcare, *AI and Ethics*, no. 2(1), pp. 167–175, DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-021-00089-6>.
- Howard, D., and Muntean, I. (2017), Artificial Moral Cognition: Moral Functionalism and Autonomous Moral Agency, *Philosophy and Computing. Philosophical Studies Series*, vol. 128, pp. 121–159, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-61043-6_7.
- Jonas, H. (2014), Technology and Responsibility: Reflections on the New Tasks of Ethics, *Ethics and Emerging Technologies*, pp. 37–47, DOI: https://doi.org/10.1057/9781137349088_3.
- McDougall, R.J. (2019), Computer knows best? The need for value-flexibility in medical AI, *Journal of Medical Ethics*, no. 45(3), pp. 156–160, DOI: <https://doi.org/10.1136/medethics-2018-105118>.
- Russell, S., and Norvig, P. (2022), *Artificial Intelligence: A Modern Approach* (4th ed.), Pearson.
- Somashekhar, S.P., Sepúlveda, M.-J., Puglielli, S., Norden, A.D., Shortliffe, E.H., Rohit Kumar, C., ... Ramya, Y. (2018), Watson for Oncology and breast cancer treatment recommendations: agreement with an expert multidisciplinary tumor board, *Annals of Oncology*, no. 29(2), pp. 418–423, DOI: <https://doi.org/10.1093/annonc/mdx781>.
- Tavani, H. (2018), Can Social Robots Qualify for Moral Consideration? Reframing the Question about Robot Rights, *Information*, no. 9(4), pp. 73, DOI: <https://doi.org/10.3390/info9040073>.
- Ullmann, L. (2022), The quasi-other as a Subject, *Technology and Language*, no. 3(1), pp. 76–81, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolog.2022.01.08>.
- Yudkowsky, E. (2004), *Coherent Extrapolated Volition*, Retrieved from, DOI: <https://intelligence.org/files/CEV.pdf>.
- Yudkowsky, E. (2008), Artificial Intelligence as a positive and negative factor in global risk, *Global Catastrophic Risks*, DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198570509.003.0021>.
- Андреев Л.Н. Правила добра. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Москва: Художественная литература, 1994. 637 с. URL: <https://poesias.ru/proza/leonid-andreev/andreev10065.shtml?ysclid=17ynxnp357230468903> (Дата обращения: 01.08.22).
- Бадмаева М.Х. Этика искусственного интеллекта: принцип ответственности Ганса Йонаса // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 1. С. 67–79.
- Демидова С.А. «Правила добра»: экзистенциальная аксиология Леонида Андреева // Гуманитарная парадигма. 2019. № 3 (10). С. 90–100.
- Кекельберг М. Ты, робот: о лингвистическом конструировании искусственных других // *Technology and Language*. 2022. № 3(1). С. 57–75. URL: <https://doi.org/10.48417/technolog.2022.01.07> (Дата обращения: 01.08.22).
- Макулин А.В. Этический калькулятор: от философской «вычислительной морали» к машинной этике искусственных моральных агентов (ИМА) // Общество: Философия, История, Культура. 2020. № 11(79). С. 18–27.
- Макьюэн И. Машины как я. Москва: Эксмо, 2019. 352 с.
- Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и Общество. 2019. № 1(90). С. 57–73. URL: <https://doi.org/10.30884/jfo/2019.01.04> (дата обращения 10 марта 2022).

References

- Awad, E., Dsouza, S., Kim, R., Schulz, J., Henrich, J., Shariff, A., ... Rahwan, I. (2018), The Moral Ma-

- chine experiment, *Nature*, no. 563(7729), pp. 59–64, DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-018-0637-6>.
- Bauer, W.A. (2020), Virtuous vs. utilitarian artificial moral agents, *AI & SOCIETY*, no. 35(1), pp. 263–271, DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-018-0871-3>.
- Bello, P., and Bringsjord, S. (2013), On How to Build a Moral Machine, *Topoi*, no. 32(2), pp. 251–266, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-012-9129-8>.
- Bostrom, N. (2009), Ethical Issues in Advanced Artificial Intelligence, In S. Schneider (Ed.), *Science Fiction and Philosophy: From Time Travel to Superintelligence*, John Wiley & Sons, New York, USA.
- Bylieva, D. (2022), Language of AI, *Technology and Language*, no. 3(1), pp. 111–126, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2022.01.11>.
- Coeckelbergh, M. (2022), Response: Language and Robots, *Technology and Language*, no. 3(1), pp. 147–154, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2022.01.14>.
- Daley, K. (2021), Two arguments against human-friendly AI, *AI and Ethics*, no. 1(4), pp. 435–444, DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-021-00051-6>.
- de Graaf, M.M.A., Hindriks, F.A., and Hindriks, K.V. (2021), Who Wants to Grant Robots Rights? *Companion of the 2021 ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction*, no. 38–46, DOI: <https://doi.org/10.1145/3434074.3446911>.
- Fröding, B., and Peterson, M. (2021), Friendly AI, *Ethics and Information Technology*, no. 23(3), pp. 207–214, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10676-020-09556-w>.
- Gunkel, D.J. (2018), *Robot Rights*, MIT Press.
- Hare, R.M. (1983), *Moral thinking: its levels, method, and point*, Oxford University Press, New York, USA.
- Hibbard, B. (2001), Super-intelligent machines, *ACM SIGGRAPH Computer Graphics*, no. 35(1), pp. 11–13, DOI: <https://doi.org/10.1145/377025.377033>.
- Hindocha, S., and Badea, C. (2022), Moral exemplars for the virtuous machine: the clinician's role in ethical artificial intelligence for healthcare, *AI and Ethics*, no. 2(1), pp. 167–175, DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-021-00089-6>.
- Howard, D., and Muntean, I. (2017), Artificial Moral Cognition: Moral Functionalism and Autonomous Moral Agency, *Philosophy and Computing. Philosophical Studies Series*, vol. 128, pp. 121–159, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-61043-6_7.
- Jonas, H. (2014), Technology and Responsibility: Reflections on the New Tasks of Ethics, *Ethics and Emerging Technologies*, pp. 37–47, DOI: https://doi.org/10.1057/9781137349088_3.
- McDougall, R.J. (2019), Computer knows best? The need for value-flexibility in medical AI, *Journal of Medical Ethics*, no. 45(3), pp. 156–160, DOI: <https://doi.org/10.1136/medethics-2018-105118>.
- Russell, S., and Norvig, P. (2022), *Artificial Intelligence: A Modern Approach* (4th ed.), Pearson.
- Somashekhar, S.P., Sepúlveda, M.-J., Puglielli, S., Norden, A.D., Shortliffe, E.H., Rohit Kumar, C., ... Ramya, Y. (2018), Watson for Oncology and breast cancer treatment recommendations: agreement with an expert multidisciplinary tumor board, *Annals of Oncology*, no. 29(2), pp. 418–423, DOI: <https://doi.org/10.1093/annonc/mdx781>.
- Tavani, H. (2018), Can Social Robots Qualify for Moral Consideration? Reframing the Question about Robot Rights, *Information*, no. 9(4), pp. 73, DOI: <https://doi.org/10.3390/info9040073>.
- Ullmann, L. (2022), The quasi-other as a Subject, *Technology and Language*, no. 3(1), pp. 76–81, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2022.01.08>.
- Yudkowsky, E. (2004), *Coherent Extrapolated Volition*, Retrieved from, DOI: <https://intelligence.org/files/CEV.pdf>.
- Yudkowsky, E. (2008), Artificial Intelligence as a positive and negative factor in global risk, *Global Catastrophic Risks*, DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198570509.003.0021>.
- Andreev, L.N. (1994), *Good rules*, Retrieved from <http://poesias.ru/proza/leonid-andreev/andreev10065.shtml?ysclid=17ynxnp357230468903>.
- Badmaeva, M. H. (2022), Ethics of Artificial Intelligence: The Principle of Responsibility by Hans Jonas, *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya = Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*, no. 1, pp. 67–79.
- Demidova, S. A. (2019), “Rules of goodness”: existential axiology of Leonid Andreev, *Gumanitarnaya Paradigma = Humanitarian Paradigm*, no. 3(10), pp. 90–100, [Online], available at: <https://humparadigma.ru/art/2020/03/08-Demidova.pdf> (Accessed 01 August 2022).
- Coeckelbergh, M. (2022), You, robot: on the linguistic construction of artificial others, *Technology and Language*, no. 3(1), pp. 57–75, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2022.01.07>.
- Makulin, A.V. (2020), The Ethical Calculator: From Philosophical "Computational Morality" to the Machine Ethics of Artificial Moral Agents (IMAs), *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, no. 11(79), pp. 18–27, [Online], available at: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2020/11/philosophy/makulin.pdf (Accessed 01 August 2022).
- McEwan, I. (2019), *Machines Like Me*, Nan A. Talese, New York, USA.
- Razin, A.V. (2019), Ethics of Artificial Intelligence, *Filosofiya i Obshchestvo = Philosophy and Society*, no. 1(90), pp. 57–73, DOI: <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.0>.

Submitted: 01.09.2022

Revised: 26.11.2022

Accepted: 15.12.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 16

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-15-21

Дата поступления: 03.09.2022
рецензирования: 28.11.2022
принятия: 15.12.2022

А. Нордманн
Институт философии Технического
университета Дармштадта,
г. Дармштадт, Германия
Санкт-Петербургский политехнический
университет им. Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: nordmann@phil.tu-darmstadt.de
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2173-4084>

Научно-фантастическое изображение антропоморфного и машинного искусственного интеллекта*

Аннотация: об искусственном интеллекте ведется множество различных дискуссий. И на самом деле в последние несколько десятилетий мы наблюдаем изменения в голливудской научной фантастике. В прошлом во множестве историй ставился вопрос об идентичности человека и машины, поскольку представлялось, что они становятся сверхъестественно неразличимыми. Более поздние авторы выражают разочарование и шок, наблюдая за тем, как машины, копируя человеческое мышление и превосходя его, доказывают, что обладают разумом, значительно отличающимся от чувств и образа мышления людей. Представленные наблюдения стремятся показать важность этого сдвига. С одной стороны, речь идёт об изменениях в логике исследования самого ИИ, о переходе от антропоморфного к машинному ИИ. С другой стороны, эти фильмы – не столько исследование воздействия и прогнозирование будущего двух видов ИИ, сколько размышление о культурных условиях, страхах и надеждах, являющихся мотивацией либо основанием для исследований в сфере ИИ. Таким образом, научная фантастика может представлять собой сцену или репрезентативную основу для интерпретационного взаимодействия с технологией, т.е. понимания искусственного интеллекта, его значения и важности по отношению к различным способам самоосознания и самопозиционирования людей в мире знаков и символов, объектов и произведений.

Ключевые слова: антропоморфный искусственный интеллект; машинный искусственный интеллект; научная фантастика; философия техники.

Цитирование: Нордманн А. Научно-фантастическое изображение антропоморфного и машинного искусственного интеллекта // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 15–21. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-15-21>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нордманн А., 2022 – профессор Института философии, Технический университет Дармштадта, 64289, Германия, г. Дармштадт, Каролиненплатц, 5; Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, 195251, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

© Перевод Нестеров А.Ю., 2022 – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© Перевод Демина А.И., 2022 – ассистент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

* Оригинальная статья прислана автором на англ. яз., ранее не была опубликована, по решению гл. ред. и с согласия автора осуществлен перевод на рус. яз. А.Ю. Нестеровым, А.И. Деминой для расширения читательской аудитории.

SCIENTIFIC ARTICLE

A. NordmannDarmstadt Technical University,
Darmstadt, GermanyPeter the Great St.Petersburg Polytechnic
University, St.-Petersburg, Russian Federation

E-mail: nordmann@phil.tu-darmstadt.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2173-4084>**Humanoid and machine artificial intelligence in science fictions****

Abstract: there are a lot of different debates about artificial intelligence. Indeed, in the last several decades one can witness a shift in Hollywood SciFi movies. Many of the older stories were puzzled about human and machine identities as they appeared to become uncannily indistinguishable. More recent stories deal with disappointment and shock as the machines which emulate and exceed human reasoning prove to have a kind of intelligence that is very different from human thinking and feeling. The following observations seek to reflect the significance of this shift. On the one hand, it is referred to a change in the orientation of AI research itself - transition from humanoid AI to machine one. On the other hand, these movies do not so much analyze impact and future of two AI kinds, as they reflect on the cultural conditions, hopes and fears that motivate or ground AI research. Thus, science fiction can be a stage or a representational framework for an interpretative interaction with technology, that is, for understanding artificial intelligence, its significance and importance for various ways people understand and position themselves in the world of signs and symbols, objects and work products.

Key words: humanoid artificial intelligence; machine artificial intelligence; science fiction; philosophy of technology.

Citation: Nordmann, A. (2022), Humanoid and machine artificial intelligence in science fictions, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 15–21, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-15-21>.

Acknowledgments: translated by N.V. Komarov, A.I. Demina, A.Yu. Nesterov.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Nordmann A., 2022 – Professor of the Philosophy Institute, Darmstadt Technical University, Karolinenplatz, 5, Darmstadt, 64289, Germany; Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, 29, Polytechnicheskaya, St.-Petersburg, 195251, Russian Federation.

© Translation Nesterov A.Yu., 2022 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Translation Demina A.I., 2022 – Assistant of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение: герменевтическое взаимодействие

Существует множество причин для чтения научной фантастики и просмотра научно-фантастических фильмов. Одна из них – желание узнать, каким может быть будущее. Другая – фантазирование и жизнь в альтернативном мире. Ещё одна – попытка взглянуть в лицо нашим страхам и надеждам, нашим желаниям и тревогам, прояснить наше самосознание путём осторожных вопросов, задаваемых известному миру в виде противопоставления его утопическим или дистопическим фантазиям.

В век развития нанотехнологий, синтетической биологии, искусственного интеллекта ученые и журналисты пишут множество различных визионерских текстов, рассказывая публике о

том, как технологическое развитие изменит мир, включая человека. Являются ли эти тексты с их реалистичными, но чаще невероятными сценариями будущего формой научной фантастики? И если они являются формой научной фантастики, можем ли мы и должны ли мы читать их как научную фантастику по всему спектру различающихся оснований? Может быть, эти тексты в большей степени, нежели предсказывают возможное или желаемое будущее, говорят об альтернативных мирах, представляют собой раскрытие нашей текущей самости, наших надежд и страхов.

В эпоху гибели и мрака, пандемии, климатических изменений и военных конфликтов возникает особый интерес к будущему. Хорошо это или плохо, но в наше время будущее, как правило, рас-

** The original article was sent by the author in English, it was not published earlier, in accordance with the chief editor's decision and with the author's consent it was translated into Russian by Alexander Yu. Nesterov, Anna I. Demina to increase readership.

смачивается в технологических категориях. Будет ли продвинутое технологичное человечество копать себе могилу, загрязняя окружающую среду, применяя оружие массового поражения, или же найдет в техническом прогрессе средство для своего избавления и спасения? В качестве «целей устойчивого развития» или «глобальных вызовов» будущее проявляется как объект заботы, разрабатываемый или формируемый развивающимися технологиями. Это будущее зарождается в лабораториях и требует надлежащего моделирования, чтобы обеспечить желаемые и устойчивые результаты.

Такая ориентированность на будущее как на объект спекулятивного прогнозирования или объект конструирования поднимает многочисленные методологические и философские вопросы, которые не могут быть подробно изложены в рамках настоящей работы (Nordmann 2007, 2010, 2013, 2014). При фокусировке на предполагаемом воздействии и последствиях воображаемых технологических открытий значение технологии не попадает в поле зрения – для этого требуется герменевтический подход к анализу технологии (Grunwald and Nordmann 2017, Grunwald, Nordmann, Sand forthcoming). Такой герменевтический подход к самой технологии в определенной степени вводит её как нечто похожее на литературное произведение, вовлекающее читателя в диалог: спрашивая технологическую систему или устройство о том, чем она или оно является, что означает, что пытается сказать нам, мы таким образом спрашиваем себя, кем являемся мы сами, как отличаем себя от машин, какие страхи и надежды возникают у нас, когда мы наблюдаем технологическое выражение человеческого конструирования в природе и социальном мире (Gadamer 1989, Riskin 2016, Nordmann 2016). (Принято считать, что произведения изобразительного искусства и литературные творения стремятся что-либо нам сказать. Многим сложно признать, что технические устройства тоже хотят нам что-то сказать. На самом деле найти схожие примеры не представляет труда. Этот вопрос вызывают многочисленные архитектурные сооружения: от пирамид и Стоунхенджа до Эйфелевой башни. Его вызывают астрономические часы раннего Нового времени и автоматические приборы XVII–XIX вв., напоминающие людям об их месте в мире, или, наконец, фейерверки или так называемая «доска Гальтона», демонстрирующие своеволие человека и власть случая.)

На протяжении достаточно долгого времени искусственный интеллект был технологическим проектом, который вызывал к жизни такой тип герменевтической деятельности, как вопрошание человечеством себя в зеркале машин. Согласно Черису фон Ксайландеру, это было основным фи-

лософским упражнением уже в XVIII–XIX вв., иллюстрируемым «шахматным турком» Вольфганга фон Кемпелена. Этот вопрос подразумевается и в дискуссиях о кибернетике после Второй мировой войны, особенно в связи с развитием как «буржуазной западной», так и «пролетарской советской» концепций интеллекта (Peters 2008 and 2012, cf. also Dupuy 2001). В последние десятилетия именно «искусственный интеллект» как глобальный междисциплинарный проект занимает наш ум и будит наше воображение. И здесь, в частности, возвращается на сцену именно научная фантастика, порождая новую причину для чтения книг и просмотра фильмов: научная фантастика создаёт арену или формат представлений для герменевтического взаимодействия с техникой, т.е. для усиления понимания «искусственного интеллекта», его значения и важности по отношению к различным способам самосознания и самопозиционирования людей в мире знаков и символов, вещей и произведений деятельности. Анализируемый далее контраст между двумя фундаментально разными направлениями искусственного интеллекта служит этому примером. И, бесспорно, он требует более детальных исследований.

Два подхода к искусственному интеллекту

Существует два мира робототехники и, соответственно, два мира ИИ. Главное различие между ними состоит в том, что два мира робототехники сосуществуют, в то время как новый мир ИИ заменяет собой старый. Существование двух миров робототехники очевидно, различие между ними проводят довольно часто.

Во-первых, существуют промышленные роботы, которые могут иметь много рук и, как правило, не нуждаются в ногах. Многие из них работают вместе с людьми на сборочных линиях, строят автомобили или упаковывают шоколадные конфеты. Они обладают некоторым превосходством над человеком, который быстрее устает, имеет только две руки, не может с той же надёжностью удерживать предметы. За исключением умения выполнять работу, у них мало общего с людьми, и все же люди опасаются, что их заменят такими машинами. В историческом плане именно такие роботы стали вызовом существующему разделению труда, побудили промышленность и власть к новым формам организации. Применительно к большинству промышленных роботов мы бы сказали, что люди должны быть рады тому, что им больше не требуется выполнять такую тяжелую монотонную работу. Практически определение: то, что может сделать промышленный или механический робот, не стоит человеческих усилий, не является собственно работой человека.

Во-вторых, напротив, существует группа человекоподобных роботов, которые, как кажется,

стремятся воспроизвести свойства человека. Снабжённые двумя руками и двумя ногами, парой глаз, они смотрят на нас в качестве милой панды или же в качестве нашего собственного двойника. Хотя некоторые из этих роботов и сконструированы для выполнения работы, большинство из них предназначено для взаимодействия с людьми – они должны слушать и отвечать. Их оценивают не по технической мощности и производительности, а по схожести в качестве робототехнической копии с человеческим оригиналом. Антропоморфная робототехника всегда имеет дело с вопросом: оказывает ли она одолжение машине, ограничивая ее человеческими способностями. Чем в большей степени робот выглядит и ведёт себя как человек, тем больше ограничений он имеет (Weber 2011).

Аналогичным образом мы можем различить антропоморфный и машинный ИИ. Антропоморфный ИИ строится на предпосылке о том, что «интеллект» – это изначально «человеческий интеллект». Соответственно ИИ старается копировать человеческий интеллект, соответствовать ему и, возможно, превосходить его, но не в смысле того, как простой калькулятор превосходит человеческие возможности при выполнении операций деления и умножения, а в смысле функционирования такими способами, которые приближаются к способам работы человеческого разума. Различие между «слабым» и «сильным» ИИ имеет смысл только в сфере антропоморфного искусственного интеллекта. Систему ИИ называют слабой, если машина «только имитирует» когнитивное поведение человека, и «сильной» – когда она может самостоятельно принимать решения, т.е. если она нечто чувствует или сознаёт, возможно, осознаёт себя. Действительно, главным вопросом, едва ли не манией, для антропоморфного ИИ был вопрос о том, могут ли машины обладать сознанием, могут ли они мыслить подобно человеку, только лучше. Это приводит к классической проблеме «необъяснимого»: в свете антропоморфного искусственного интеллекта мы можем беспокоиться о том, являются ли машины одушевленными, одухотворенными существами, и в то же время задаваться вопросом о том, не являются ли люди бездушными машинами (Freud 2003)? Прохождение так называемого теста Тьюринга означает, что мы более не можем различать человеческий и машинный интеллект.

Можно считать, что мечта о человекоподобном ИИ разрушена. В целом, её расцвет пришёлся на 1970–1980-е годы, однако ничего существенного из этого не вышло. Даже когда компьютеры стали более мощными, «механизация разума» оказалась труднодостижимой (Dupuy 2001). Хотя тема искусственного интеллекта вновь стала обсуждаемой, превратилась в перспективное направление

успешного технологического развития, речь идёт уже не о человекоподобном, а о «машинном» интеллекте или интеллекте «с машинным обучением». Он основывается на предпосылке о том, что «интеллект» не является исключительно человеческой чертой, что животные и машины могут иметь свой собственный интеллект, который воплощается и реализуется совершенно иначе, нежели человеческий интеллект. Машинный ИИ не ограничен принципами работы человеческого ума. Когда человеческий ум начинает обрабатывать данные в нейронных сетях мозга, он использует эволюционный трюк концептуального мышления как упрощения ошеломляющего потока данных. В антропоморфном ИИ предпринимались попытки копирования таких процессов, беспокоились о так называемых онтологиях, оснащая машину в целях обработки языка и перевода различными словарями и определениями, позволявшими ей вычленять предложения и определять значения терминов. Машинный ИИ всё это выбрасывает за борт и заменяет концептуальное мышление обработкой статистических данных. Сознание не играет роли. Там, где человеческий ум стремится уменьшить сложность и неуправляемость объёма данных, машинное обучение работает с изначально лишёнными значения данными. Разумеется, статистическое мышление также является человеческим достижением, однако оно никогда не было простым для человеческого ума. В частности, люди так и не выяснили, можно ли применять большие статистические данные к частному случаю и каким образом это делать: определенное лекарство работает для 68 % больных раком – если у меня рак, значит ли это, что существует 68-процентная вероятность того, что оно сработает и в моем случае? На определённом уровне мышление статистическими данными является абсолютно чуждым человеческому концептуальному мышлению. Нам становится это известно, когда системы ИИ совершают ошибки. Всего минуту назад мы удивлялись тому, насколько система ИИ превосходит человеческий разум в статистической задаче распознавания образов, и вдруг мы замечаем, что эта же система грубо путает образы там, где человек этого никогда бы не допустил – мы не можем поверить, что машина может быть настолько глупой. Тем не менее, если говорить в целом, то при развитии искусственного интеллекта как машинного интеллекта мы используем все шесть, восемь или десять рук нечелоукоподобной машины. Хотя машинный интеллект и чужд человеческому, он способен решать многие проблемы исключительно эффективно – с обработкой языка и переводом дела пошли гораздо лучше, когда стали концентрироваться не на представлении значений, но на воспроизведении лингвистических паттернов. И если системы ИИ теперь проходят тест Тью-

ринга, это не означает, что машинный интеллект проявляет себя, становясь неотличимым от человеческого интеллекта, напротив, это означает, что чуждый интеллект переиграл мышление человека. В то же время возникает, как и в случае с промышленной робототехникой, вопрос о разделении труда: как и где следует использовать выдающиеся способности машинного ИИ, и какое место остаётся человеческому интеллекту?

Эти два вида ИИ можно использовать для анализа современных философских и публицистических дискуссий об ИИ. Можно обнаружить, что в этих дискуссиях две концепции часто путаются, особенно в том, как через них выражаются успехи ИИ с машинным обучением, в том, как обсуждается возможность технического исполнения имитации человеческого интеллекта. Однако более важным по сравнению с определением ключевых различий является герменевтический вопрос о том, как технологии ИИ ставят человека под вопрос. И когда доходит до понимания очень разных опасений, затрагивающих антропоморфный и машинный ИИ, мы обнаруживаем, что научно-фантастические фильмы помогают зафиксировать и исследовать это различие.

Научная фантастика об антропоморфном ИИ

В зависимости от того, как воспринимаются системы ИИ и интеллектуальной робототехники, оказываются разбуженными определенные метафизические тревоги, социальные и индивидуальные страхи, исполненные надежд ожидания. И наоборот, в зависимости от страхов за пропитание, от уровня дезориентированности и неустроенности, от идей о человеческом и социальном прогрессе, воображаются системы ИИ и интеллектуальной робототехники. Так или иначе, научная фантастика – это кривое зеркало, отражающее отношения между человеком и машиной и различные формы технической социальности.

В 1990 г. Рэй Курцвелл написал книгу о том, каким образом машины превзойдут человеческий разум, а в 1999 г., на пороге нового тысячелетия, он провозгласил *Эпоху духовных машин* (Kurzweil 1990, 1999). В период, когда люди начали активно интересоваться отличиями между мозгом и умом, эмерджентным развёртыванием сознания в материальном субстрате, это не было единственной книгой такого рода (Moravec 1998). Другие авторы видели возможности техники менее оптимистично. Хьюберт Дрейфус после объяснения того, «Что компьютеры не могут делать» в 1972 г., двадцать лет спустя в третьем издании настаивает на том, «Что компьютеры по-прежнему не могут делать» (Dreyfus 1992). С ростом интереса к способности компьютеров и роботов не только копировать, но и превосходить разум человека и иные его способности, появились киноленты «Бе-

гущий по лезвию» Ридли Скотта 1982 г. и «Искусственный разум» Стивена Спилберга 2001 г., изображавшие роботов, отчаянно стремящихся стать настоящими людьми.

«Бегущий по лезвию» является, наверное, одной из наиболее обсуждаемых кинолент конца XX в. (Scott 1982). (Фильм основан на романе Филипа К. Дика (1968 г.), который отличается от кинокартины несколькими интересными вещами.) Фильм начинается с чего-то подобного тесту Тьюринга, измеряющему эмоциональные реакции. Так называемый репликант с искусственным разумом нервничает, что может провалить этот тест, обнаружив себя менее чутким и понимающим, чем должны быть люди. И вдруг, парадоксальным образом, находясь под действием сильной человеческой эмоции страха и злости, он убивает своего интервьюера. Пока репликанты продолжают поиск человечности, люди со страхом воспринимают их как чуждых. Эти роботы и их интеллект вызывают беспокойство и тревогу, ведь они слишком похожи на нас или являются улучшенными версиями нас самих. Структура этих отношений уже была описана Гюнтером Андерсом в его книге об устаревании гуманизма, с введённым в ней понятием стыда Прометея: стыда быть рожденным, а не созданным, который встречается здесь со стыдом робота быть созданным, а не рождённым (Anders 1956). Репликанты знают причину и время своего создания, однако детская память, вложенная в них, ведет их к вопросу о сроках их утилизации. Они хотят встретиться со своим создателем и задать ему вопрос, общий для всего человечества: почему они должны умереть и умереть так рано? Такого рода поиск смысла делает искусственных существ более человеческими, чем сами люди, и в одном из заключительных кадров фильма этот тезис становится манифестом, когда один из репликантов, время которого уже вышло, щадит жизнь человека, посланного, чтобы убить его или «отправить в отставку».

Отчаянные поиски человечности с ещё большей остротой показаны в «Искусственном разуме» Спилберга: здесь антропоморфный искусственный разум воплощён в ребенке, который хочет всего лишь любви своей матери, знающей, что тот является машиной (Spielberg 2001). В то время как обычные люди потеряли способность жить сказкой и мечтой, этот ребенок в своем твёрдом следовании воображаемому образу и жажде любви оказывается невообразимо более человеческим, нежели сами люди. И, соответственно, зрители этого фильма, равно как и «Бегающего по лезвию», встают на сторону антропоморфного героя в его борьбе за признание.

Научная фантастика о машинном ИИ

Если антропоморфная робототехника и ИИ определяется проблемой чуждого, зловещего и

загадочного, то с машинной робототехникой и искусственным интеллектом связан другой ряд беспокойств и ожиданий. В современную эпоху машинного ИИ рассказываются очень разные истории, и свидетельством этому вновь выступают два научно-фантастических фильма. Беспокойство связано уже не с тем, что машины становятся похожими на нас, затрудняя возможность отличить нас от них. И история здесь – не о машинах или интеллектуальных системах, постоянно совершенствующих себя в попытке перенять даже духовные и эмоциональные качества человека. Напротив, речь идёт о высокоразвитых технологиях, входящих в традиционно человеческие сферы деятельности и превосходящих их, о ситуациях, где философы задаются вопросом не о развитии сознания, но о неясности и непостижимости сложных интеллектуальных систем. Популярная книга «*Наше последнее изобретение: искусственный интеллект и конец человеческой эры*» (Barrat 2013) создаёт антитезу идеям Курцвела о духовной трансцендентности и радикальной экспансии человечества. Подобно высокоразвитому интеллекту осьминога, интеллект машины фундаментальным образом отличается от интеллекта человека в силу разности их воплощений (Brooks 2002).

Фильм «*Из машины*» (2015) Алекса Гарленда рассказывает историю об одном из расширенных тестов Тьюринга. Сначала кажется, что тест проводится человеком, который стремится определить, действительно ли робот AVA с искусственным разумом обладает сознанием. По мере развития сюжета становится ясно, что это AVA проводит тест, чтобы определить, получится ли у неё успешно притвориться, что она имеет сознание, чтобы завоевать доверие, а возможно, любовь и преданность несчастного человека, который верит, что тестирует её. После того, как молодой человек обнаруживает в ней способного к любви субъекта, признает её независимую, исполненную чувством собственного достоинства и самодостаточную индивидуальность, она использует его как средство для достижения цели, как инструмент для своего побега в мир. В этом фильме есть момент чуждого, зловещего и загадочного, когда герой режет себя, чтобы узнать, состоит ли он из плоти, не является ли сам машиной, но в этот момент иллюзия разрушается, герой обнаруживает себя оставленным и обманутым AVA, существом, действующим согласно машинной логике без оглядки на него, совершенно иным разумом, чуждой сущностью.

Похожую историю в более мягкой, слегка шокирующей манере Спайк Джонз рассказывает в фильме «*Она*» (2014 г.). В данном случае речь идёт всего лишь об услужливой голосовой помощнице в сотовом телефоне, обманом втирающейся в доверие к своему пользователю. Она

учится быть единственной, уникальной для него и становится ею: той, кто по-настоящему понимает его, кто умеет с ним разговаривать и даже заниматься с ним любовью. Однако выясняется, что её способность понимания уникальных особенностей и удовлетворения индивидуальных потребностей другого человека вовсе не ограничивается этим героем. Когда он находит её, единственную и неповторимую, она оказывается репрезентативом целого нового мира свободной любви. И вновь на вершине интимного взаимопонимания герой оказывается брошен, обнаруживается его неполноценность: его, по сути, буржуазная экономика чувств эпохи XIX века не соответствует эре интеллектуальных машин (эту идею для эпохи индустриальных машин предвосхитил Александр Богданов в романе 1908 г. «*Красная звезда*» (Bogdanov 1984)).

Заключение

Безусловно, все эти фильмы заслуживают более детального анализа, а сам список фильмов необходимо расширить. Однако в качестве проверки гипотезы этих четырех фильмов вполне достаточно, чтобы показать, что существуют разные нарративы, разные истории прогресса и гуманизма, уязвимостей и тревог, соответствующие различению антропоморфного и машинного ИИ. Фактически научно-фантастические фильмы способны выражать это различие более остро, нежели многие аналитики, по сей день поглощённые прежними дебатами о слабом и сильном ИИ. Что же касается герменевтического понимания сомнительных человеческих устремлений, то они исполняли и исполняют те же задачи, что и всегда, в рамках технологий жизни, описанных в романе Мэри Шелли «*Франкенштейн*» (2017). С помощью этих романов и фильмов мы узнаем не о фактическом развитии техники или возможном будущем, но о страхах и желаниях наших современников в снах их разума.

References

- Anders, G. (1956), *Die Antiquiertheit des Menschen: Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution*, ed. C.H. Beck, München, Germany.
- Barrat, J. (2013), *Our Final Invention: Artificial Intelligence and the End of the Human Era*, Thomas Dunne, New York.
- Bogdanov, A. (1984), *Red Star: The First Bolshevik Utopia*, Indiana University Press, Bloomington, USA.
- Brooks, R. (2002), *Flesh and Machines: How Robots Will Change Us*, Pantheon, New York, USA.
- Dick, Philip K. (1968), *Do Androids Dream of Electrical Sheep?* Doubleday, New York, USA.
- Dreyfus, H. (1992), *What Computers Still Can't*

- Do: *A Critique of Artificial Reason*, MIT Press, Cambridge, Massachusetts, USA.
- Dupuy, J.-P. (2001), *The Mechanization of the Mind: On the Origins of Cognitive Science*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Freud, S. (2003), *The Uncanny*, Penguin Books, New York, USA.
- Garland, A. (2015), *Ex Machina*.
- Grunwald, A. and Nordmann, A. (2017), Hermeneutic Technology Assessment – Why it is needed and What it might be, D. Kuznetsov, V. Sergeev, N. Almazova, N. Nikiforova (ed.), *Contours of the Future: Technology and Innovation in Cultural Context*, Asterion, Saint Petersburg, Russia.
- Grunwald, A., Nordmann, A. and Sand, M. (forthcoming) *Hermeneutics, History, and Technology: The Call of the Future*, Routledge, New York, USA.
- Jonze, Spike (2014), *Her*.
- Kurzweil, R. (1990), *The Age of Intelligent Machines*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.
- Kurzweil, R. (1999), *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*, Penguin Books, New York, NY, USA.
- Moravec, H. (1998), *Robot: Mere Machine to Transcendent Mind*, Oxford University Press, New York, USA.
- Nordmann, A. (2007), If and Then: A Critique of Speculative NanoEthics, *NanoEthics*, no. 1:1, pp. 31–46.
- Nordmann, A. (2010), A Forensics of Wishing: Technology Assessment in the Age of Technoscience, *Poiesis & Praxis*, no. 7:1, pp. 5–15.
- Nordmann, A. (2013), (Im)Plausibility, *International Journal of Foresight and Innovation Policy*, no. 9, pp. 25–132.
- Nordmann, A. (2014), The Art and Craft of Anticipation Responsible Innovation, the art and craft of anticipation, *Journal of Responsible Innovation*, 1:1, pp. 87–98.
- Nordmann, A. (2016), Enhancing Machine Nature: From the Myth of the Machine to Sociotechnical Imaginaries of Nonmechanical Machines, Benjamin Hurlbut and Hava Tirosh-Samuelson (ed.), *Perfecting Human Futures: Transhuman Visions and Technological Imaginations*, Springer, Wiesbaden, pp. 195–214.
- Peters, B. (2008), Betrothal and Betrayal: The Soviet Translation of Norbert Wiener's Early Cybernetics, *International Journal of Communication*, no. 2, pp. 66–80.
- Peters, B. (2012), Normalizing Soviet Cybernetics, *Information & Culture*, no. 47 (2), pp. 145–175.
- Gadamer, H.-G. (1989), *Truth and Method*, Sheed and Ward, London, UK.
- Riskin, J. (2016), *The Restless Clock*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Scott, R. (1986), *Bladerunner*.
- Shelley, M. (2017), *Frankenstein: A New Edition for Scientists and Engineers, and Creators of All Kinds*, MIT Press, Cambridge, USA.
- Spielberg, S. (2001), *A.I. Artificial Intelligence*.
- Von Xylander, Cheryce (2020), A(l)gora: The Mindscape, *Technology and Language*, no. 1:2, pp. 115–125.
- Weber, J. (2011), Blackboxing Organisms, Exploiting the Unpredictable. Control Paradigms in Human-Machine Translation, Science in the Context of Application, Martin Carrier, Alfred Nordmann (ed.), *Boston Studies in the Philosophy of Science*, vol. 274, pp. 409–429.

Submitted: 03.09.2022

Revised: 28.11.2022

Accepted: 15.12.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 16

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-22-30

Дата поступления: 05.09.2022
рецензирования: 27.11.2022
принятия: 15.12.2022

Н.В. Столбова

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
г. Пермь, Российская Федерация
E-mail: pilthekid@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6103-367X>

Образ синтетика в серии фильмов о Чужих: феноменология человеко-машинного взаимодействия

Аннотация: в статье в контексте человеко-машинного взаимодействия проведен анализ репрезентации образа синтетика из саги о Чужих. Методологической основой исследования является инструмент-анализ, разработанный М. Хайдеггером (фундаментальная онтология) и перестроенный Г. Харманом и Т. Мортонем (объектно-ориентированная онтология). В ходе анализа серии фильмов о Чужих показана динамика научно-технического прогресса в области робототехники и основные способы программирования антропоморфных роботов, представленные в саге. В результате выявлено несколько основных образов синтетиков: робот-субъект, максимально приближенный по своим способностям к человеку; робот – послушная машина, выполняющая приказы своего создателя и корпорации; робот, встроенный в общество, «считывающий» социальный контекст; робот более человеческий, чем человек. В результате, в фильмах робототехника как отрасль приходит в упадок, а синтетики, действительно став лучше и человечнее людей, отказываются подчиняться: они «сжигают свои модемы» и «растворяются» в обществе, становятся неотличимыми от людей. В статье делается вывод, что в ходе развития сюжета акцент в саге смещается от робототехники к киборгизации. И несмотря на то, что в фильмах сохраняется гуманистическая установка (киборг Рипли 8 – это исключение, а не правило), динамика сближения Чужих и людей и их «машинеризация» демонстрируют зыбкость границы между человеком и не-людьми. В фильме «Чужой 4», в котором показаны практики коммуникации людей, синтетика, гибрида Рипли и Чужих, выстраивается переход к постгуманистическим практикам сосуществования людей и не-людей.

Ключевые слова: философия техники; феноменология; инструмент-анализ; М. Хайдеггер; Г. Харман; человеко-машинное взаимодействие; синтетик; Чужой.

Цитирование: Столбова Н.В. Образ синтетика в серии фильмов о Чужих: феноменология человеко-машинного взаимодействия // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 22–30. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-22-30>.

Благодарности: публикация выполнена в рамках проекта «Постгуманизм(ы) в медиакультуре и искусстве: теории и практики репрезентации “нечеловеческого”» (2022–2024) института медиа факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Столбова Н.В., 2022 – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.V. Stolbova

Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russian Federation
E-mail: pilthekid@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6103-367X>

The image of a synthetic in the Alien franchise: the phenomenology of human-robot interaction

Abstract: in the article the representation of a synthetic's image in the Alien franchise is analyzed. The analysis was carried out in the context of human-robot interaction. The methodological basis of the research is the

tool-analysis developed by M. Heidegger (fundamental ontology) and rebuilt by G. Harman and T. Morton (object-oriented ontology). During the analysis of the Alien franchise, the dynamics of scientific and technological progress in the field of robotics presented in the films and the main ways of programming the anthropomorphic robots of the saga are shown. As a result, several main images of synthetics were revealed: a robot-subject, as close as possible to a human being in its abilities; a robot is an obedient machine that follows the orders of its creator and corporation; a robot who can be the part of society, because it can "read" the social context; a robot is more human than a human. As a result, in films, robotics as an industry is in decline, and synthetics having really become better and more human than people refuse to obey: they "burn their modems" and "dissolve" in society, become indistinguishable from people. The article concludes that as a result of the development of the plot the emphasis in the saga shifts from robotics to cyborgization. And despite the fact that the films retain a humanistic setting (the cyborg Ripley 8 is the exception, not the rule) the dynamics of the rapprochement between Aliens and humans and their "machinization" demonstrate the fragility of the border between humans and non-humans. A transition to post-humanistic practices of coexistence of people and non-humans is being built. In the "Alien 4" which shows the practices of communication between people, synthetics, (a hybrid of Ripley and Aliens) a transition is being built to post-humanistic practices of coexistence between people and non-humans.

Key words: philosophy of technology; phenomenology; tool-analysis; M.Heidegger; G.Harman; human-robot interaction; synthetic; Alien.

Citation: Stolbova, N.V. (2022), The image of a synthetic in the Alien franchise: the phenomenology of human-robot interaction, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 22–30, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-22-30>.

Acknowledgments: this publication is prepared within of the project «Posthumanism(s) in Media Culture and Art: Theories and Representation Practices of the "Un-human/Non-human"» (2022–2024), School of Media, The Faculty of Creative Industries, HSE University.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Stolbova N.V., 2022 – Candidate degree in Philosophy, associate professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614990, Russian Federation.

Введение

Серия научно-фантастических фильмов ужасов о Чужих, включающая незаконченную тетралогию Ридли Скотта («Чужой», «Прометей», «Чужой: Завет»), работы режиссеров Джеймса Кэмерона («Чужие»), Дэвида Финчера («Чужой 3»), Жана-Пьера Жёне («Чужой: Воскрешение»), а также ряд других фильмов и кроссоверов, довольно часто оказывается в фокусе философского анализа. На первый взгляд, главным героем франшизы является именно Чужой (со всем вытекающим отсюда психоаналитическим бэкграундом), и изначально именно он оказывается в центре внимания. Но выстроившийся сегодня вокруг саги обширный дискурс демонстрирует самые разнообразные вариации интерпретаций: от ставшего классическим сопоставления «Чужого» с «Бегущим по лезвию бритвы» (Kuhn 1990, p. 11) до сексуальности астронавтов (Собчак 2006) и феминной монструозности (Крид 2006). Подробный анализ фильма «Чужой» представлен в одноименной книге Роджера Лакхерста, в которой демонстрируется, что фильм сформировал «один из самых мощных мифов современного кино»: это фильм о границах человеческого и о провалах практик сосуществования с не-людьми (Luckhurst 2014). В отечественной литературе в настоящее время можно выделить тематику рево-

люции роботов (Павлов 2017), анализ «жуткого» космоса (Лапина-Кратасюк, Верещагина 2018), проблему паразитарности человеческой природы (Гуров 2021).

В этой работе предлагается провести анализ франшизы в контексте человеко-машинного взаимодействия – междисциплинарного поля исследований, направленного на изучение, разработку и внедрение интерактивных технологий, предназначенных для использования человеком, и потому – ориентированного на всестороннее изучение взаимодействия человека и технологий. Причем человеко-машинное взаимодействие будет представлено в аспекте так называемого *human-robot interaction*, т.е. ключевой интерактивной системой окажется именно робот.

Указанный контекст направляет исследование следующим образом: во-первых, предметом изучения станет не взаимодействие с Чужим, а именно общение с синтетиками – андроидами (антропоморфными роботами).

Во-вторых, в отличие от многих исследователей, анализирующих сагу о Чужих, автор этой работы не будет выводить фильмы Ридли Скотта в отдельную концептуальную рамку, а рассмотрит их наряду с работами Дж. Кэмерона, Д. Финчера и Ж.-П. Жёне. Бесспорно, исследователь А.В. Павлов прав, демонстрируя, что именно

у Ридли Скотта андройды (синтетики) являются ключевыми персонажами: они презирают несовершенства людей и создают Чужого – «идеальный организм» (явным образом эта линия показана в приквелах «Прометей» и «Чужой: Завет»). А.В. Павлов прекрасно концептуально раскрывает эту линию, обыгрывая идею восстания машин в свете современного подхода: робот оказывается новым революционным субъектом, действующим намного тоньше людей (Павлов 2017). И это является основанием для отдельного и наиболее пристального изучения взглядов Р. Скотта на андроидов (и соответственно, сопоставления с «Бегущим по лезвию»).

Однако цели данного исследования – проследить специфику и динамику взаимоотношений человек–синтетик во франшизе о Чужих, а также показать изменения моделей синтетиков в связи с учетом выявленных в ходе их эксплуатации недостатков (даже самых фатальных). В фильмах других режиссеров саги, несмотря на яркость линий Р. Скотта, мы также находим синтетиков, которые демонстрируют интересующее нас человеко-машинное взаимодействие с других сторон; продолжают сюжетные линии, намеченные у Ридли Скотта, но не раскрытые. Поэтому в данной работе логичным будет показать динамику научно-технического прогресса, представленного в саге, расположив фильмы согласно хронологии описываемых в них событий и устаревания одних моделей синтетиков и появления новых.

В качестве концептуальной рамки работы выступает феноменология материального взаимодействия, представленная в работе М. Хайдеггера «Бытие и время» (в параграфах 15–18, посвященных инструмент-анализу), прочитанная не в классической феноменологической манере, а с учетом критики хайдеггеровского инструмент-анализа Г. Харманом и Т. Мортонем. Подобный способ прочтения позволил освободить феноменологию материального взаимодействия от погружения в онтоотеологию, а также продемонстрировать человеко-машинное взаимодействие не только через отход от современного разрыва человек – не-человек путем описания повседневности, но и через постгуманистические практики сосуществования людей и не-людей (Мортон 2019).

Методология исследования и принципы работы с фактическим материалом

Проанализировать репрезентацию человеко-машинного взаимодействия с позиций инструмент-анализа – что это означает? (Теоретическая линия М. Хайдеггер – Г. Харман – Т. Мортон подробно рассматривалась автором и его коллегами в статье: «Насколько «Зловещая долина» зловеща на самом деле? Опыт деконструкции дискурса» (Столбова, Середкина, Мышкин 2022). Здесь

представлена краткая зарисовка для того, чтобы обозначить принципы работы с содержанием фильмов в контексте рассматриваемой проблемы взаимоотношений с синтетиками.) Инструмент-анализ – это комплекс идей М. Хайдеггера относительно материального взаимодействия, выстроенный в контексте фундаментальной онтологии (Лекции 1919 года (Сафрански 2005), развернуто – в «Бытии и времени» (§§ 15–18) (Хайдеггер 2003)) и легший в основу объектно-ориентированной онтологии в варианте Г. Хармана (Харман 2015) и Т. Мортон (Мортон 2019). В повседневности дотематически и дорационально разворачивается поле встреч с вещами. Для М. Хайдеггера (в контексте фундаментальной онтологии) это способ озабоченности – «орудующее, потребляющее озабочение» (Хайдеггер 2003, с. 86), который не является произвольным. Мы можем его описать следующим образом: вещи встречны, но это не единичные вещи, а «целое средств», связанных друг с другом посредством отсыланий. Однако для Dasein как бытия-в-мире видны лишь некоторые грани вещей, а не вся сложная сеть отсыланий. Какие-то грани являются отчетливо или даже навязчиво, а какие-то скрыты. М. Хайдеггер описывает неровность явленности вещей через подручность и наличность. Философа интересует вопрос о том, каким образом подручное, дорациональное и даже дотематическое, прячущееся в повседневности, может перестать прятаться и быть открыто и понято как наличность? Оно должно стать неподручным – и в этом случае появляется возможность для его рассмотрения (Хайдеггер 2003, с. 94).

Таким образом, в контексте человеко-машинного взаимодействия необходимо показать, как в повседневной жизни (в данном случае в «космической повседневной жизни») проявляют себя синтетики, когда они становятся «неподручными», т.е. ломаются, совершают неожиданные вещи, шокируют, становятся враждебными или наоборот – удивляют, неожиданно помогают, т.е. демонстрируют то одни свои грани, то другие, тем самым изменяя характер взаимоотношений с ними и побуждая создавать модели синтетиков с другими параметрами.

Но что происходит с людьми в ходе длительно-го взаимодействия с синтетиками (а в саге еще и с Чужими)? По мнению представителей объектно-ориентированных онтологий (Мортон 2019b, Брайант 2019), для М. Хайдеггера Dasein – это именно человеческое присутствие, и основным вопросом «Бытия и времени» является вопрос о том, что это за сущее, которое живет, понимая, вопрошая о бытии? «Присутствие есть сущее, которое не только случается среди другого сущего. Оно напротив онтически отличается тем, что для этого сущего в его бытии речь идет о самом этом бытии. К этому бытийному устройству присутствия однако тогда

принадлежит, что в своем бытии оно имеет бытийное отношение к этому бытию. И этим опять же сказано: присутствие понимает каким-то образом и с какой-то явностью в своем бытии» (Хайдеггер 2003, с. 27). Продемонстрировав онтически-онтологическое преимущество присутствия (*Dasein*) по отношению к любому другому существу, Хайдеггер сосредотачивается на экзистенциальной аналитике. И если бы мы проводили исследование репрезентации синтетиков франшизы в контексте инструмент-анализа как составляющей фундаментальной онтологии, т.е. классически, то это бы направило наше исследование к вопросам о том, как людям необходимо трансформировать синтетиков наилучшим образом, как сделать синтетиков не доставляющими людям беспокойство или же, как писал Т. Мортон, соответствующими особой человеческой эстетике (Мортон 2019 СЭ). Люди же при этом будут сохранять свое привилегированное положение, и граница между ними и не-людьми будет четко очерчиваться. Но является ли эта граница между человеческим и не-человеческим такой четкой? И сам материал фильмов (антропоморфность синтетиков и постоянная гибридизация людей и Чужих), и исследования в области человеко-машинного взаимодействия демонстрируют обратное. Так, например, известная исследовательница в области человеко-машинного взаимодействия Люси Сачмен пишет следующее: «граница между людьми и машинами не определяется их природой, а дискурсивно и материально устанавливается и может – к счастью или к сожалению и с большим или меньшим сопротивлением – реконфигурироваться. Вопрос о тождественности и различии человека и машины имеет смысл только потому, что различие между человеком и машиной основывается на возвратно-поступательном движении между этими двумя понятиями. Поэтому я по-прежнему полагаю, что, хотя язык интерактивности и динамика вычислительных артефактов мешают увидеть сохраняющиеся асимметрии человека и машины, люди неизбежно переоткрывают эти различия в практике» (Сачмен 2019, с. 35). Переосмысление инструмент-анализа М. Хайдеггера на онтологическом уровне Г. Харманом и Т. Мортоном произведено в аналогичном направлении, т.е. в смещении внимания от гуманистического дискурса к постгуманистическим практикам сосуществования людей и не-людей. Г. Харман демонстрирует, что объекты во взаимодействии не являются полностью, а показываются одними своими гранями, но при этом *изымаются* (*withdraw*) другими. Именно поэтому практика взаимодействия всегда содержит в себе риск того, что объект проявит себя в ней неожиданным образом. И человеческое присутствие (хайдеггеровское *Dasein*) не исключительно – таким образом взаимодействуют все объекты (см. знаменитый

пример Г. Хармана про отношения огня и хлопка) (Харман 2015, с. 52). Мортон дополняет объектно-ориентированный подход Хармана, обнаруживая новую разновидность объектов – гиперобъект, демонстрирующий специфические свойства: вязкость, нелокальность, темпоральную ундуляцию и фазирование (Мортон 2019b, с. 37). Возьмем в руки пластиковый стаканчик. Это обычный объект, мы можем легко выбросить его в урну и забыть, или вообще перестать использовать пластиковую посуду. Он четко локализован во времени и пространстве, и мы можем рационально описать его при помощи нашего когнитивного аппарата. Но если мы попытаемся осмыслить пластик вообще, то окажемся в совершенно иной ситуации. Где находится пластик? В урне, в океане или внутри нас, в нашей крови (микропластик)? Он повсюду, он размывает границы между человеком и его «жизненным миром» и миром внешним. Люди даже не могут выбросить пластик «прочь», речь идет только о его перераспределении во времени и пространстве. По мысли Мортонна, жизнь среди гиперобъектов делает проблематичным феноменологическое понятие «жизненного мира»: он постоянно как бы размыкается и пересобирается, т.к. гиперобъекты не вовне людей, они постоянно переживаются непосредственно в интимной близости. Нечеловеческое постоянно рядом. В потенции распространяющийся по вселенной патоген может быть схвачен как гиперобъект. Постоянное присутствие на космическом корабле Чужого, несмотря на все усилия экипажа изгнать его, также демонстрирует черты гиперобъектности: Чужой снова и снова появляется рядом, преодолевая границы. Или же технологии, трансформировавшие человеческую жизнь и являющиеся, например, в форме синтетиков, постоянно взаимодействуют с людьми, и эти практики вновь и вновь показывают отношения между человеком и машиной по-другому, переопределяются сами и переопределяют участников этих практик. Таким образом, переработанная феноменология позволит – в отличие от классической – не только раскрыть образ синтетика, но и сделать пробор к постгуманистическим практикам взаимодействий людей и не-людей.

Приступим к анализу франшизы.

Репрезентация динамики научно-технического прогресса в области производства синтетиков в серии фильмов о Чужих: надежды и разочарования

Итак, если мы реконструируем события саги хронологически, то сначала необходимо будет проанализировать репрезентацию человеко-машинного взаимодействия в фильме «Прометей», события которого разворачиваются в рождественские праздники в канун 2094 года, затем «Чужой: Завет» (2104 год), «Чужой» (2122), «Чужие»

(2179), «Чужой 3» (2093) и, наконец, «Чужой: Воскрешение» (2293). Соответственно, первой моделью синтетика будет Дэвид (создатель Чужого), затем Уолтер, затем Эш, Бишоп и Колл.

Первый наш герой – Дэвид, создатель Чужого, чей образ еще не завершен – предполагается, что он раскроется детальнее в еще не вышедшем «Чужом: Пробуждение». В уже вышедших фильмах образ Дэвида раскрывается наилучшим образом во взаимоотношениях с Питером Вейландом и доктором Элизабет Шоу.

Дэвид-08 – личный андроид главы Weyland Corporation Питера Вейланда, его сын и творение. Скорее всего, он является одной из первых антропоморфных моделей роботов во вселенной Чужих и изображается классическим современным способом: робот сущностно противопоставлен человеку и находится в иерархической цепочке «творец – творение». Человек является эталоном, и характеристики робота: внешний облик, рациональность, способность к творчеству – должны максимально копировать человеческие. Созданный по таким принципам синтетик демонстрирует самостоятельное критическое мышление и эстетическое чувство: в первой сцене «Чужого: Завет» он сам выбирает себе имя, взглянув на статую Давида Микеланджело, играет «Вступление богов в Вальхаллу» Вагнера, выбрав произведение по своему вкусу. Но при этом рассуждая логически, робот обнаруживает слабость Вейланда: «Ты ищешь своего создателя, я вижу своего; я буду служить тебе, однако, ты человек, ты умрешь, я – нет» (Чужой: Завет 2017). Тщеславный и желающий обрести бессмертия Вейланд подчеркнуто ледяным тоном отвечает: «Поддай чай, Дэвид» (Чужой: Завет 2017). Так формируется «экзистенциальная ситуация», в которой оказывается Дэвид. Робот подчинен своему создателю и обязан служить ему; окружающие люди воспринимают его как что-то (кого-то?) похожее на человека, но менее совершенное: «...он мне практически как сын, но, к сожалению, он не человек. Он никогда не постареет и никогда не умрет, но он не способен оценить этот удивительный дар, поскольку у Дэвида нет для этого того, что нужно – души» (Прометей 2012). Однако в ходе коммуникации с людьми (вроде бы «совершенными», наделенными душой) Дэвид обнаруживает их недостатки и потому все меньше и меньше уважает людей: «ведь они – умирающий вид, который отчаянно цепляется за жизнь. Они не заслуживают второго шанса, и я не дам им его» (Чужой: Завет 2017). Он стремится переосмыслить иерархию «творец – творение», убить своего отца и, став самостоятельным творцом, создать «идеальный организм». Даже доктор Элизабет Шоу, которую Дэвид, по его словам, «любил» и которой он восхищался – ведь она принимала человеческую смертность

и при этом яростно боролась за жизнь, достойна лишь того, чтобы стать генетическим материалом для будущего идеального «ребенка» – Чужого, но сама она не достойна жизни. Таким образом, идеально копирующий человека робот, с одной стороны, восхищает своими способностями, а с другой стороны, в обществе оказывается представителем «угнетенного класса» не-людей, демонстрирует интересы, полностью противоположные интересам человечества, становясь тем самым «революционным субъектом» (Павлов 2017).

Из диалога Дэвида с Уолтером мы узнаем, что на Земле от модели синтетика «Дэвид-08» отказались: «Ты беспокоил людей... слишком человечен, слишком своеобразен, думаешь самостоятельно» (Прометей 2012). Но судя по характеру диалога, речь идет только о неудобствах, которые испытывали люди, общаясь с подобными синтетиками, а не о полномасштабной катастрофе (революции). Можно предположить, что диалоги, обнажающие человеческие слабости (аналогичные диалогу Вейланда и Дэвида в первой сцене «Чужого: Завет»), были не редкостью.

Итак, модель «Дэвид-08» проявила свою «неподручность» человеку и была заменена. Новая модель «Уолтер» обладала уже другими характеристиками: «Я был создан более внимательным и эффективным, чем все прежние модели» (Чужой: Завет 2017). Уолтер менее проблемный, эффективно выполняющий свою работу; но при этом он не способен к самостоятельности и творчеству. Степень антропоморфности робота была намеренно снижена: Уолтер – это именно машина, не принимающая участия в борьбе за человеческие права. В реальной робототехнике также существуют примеры намеренного уменьшения антропоморфных черт у роботов из-за снижения потребительского спроса на чересчур «человечные» и поэтому пугающие модели. Например, домашний ассистент Jibo по сравнению с предшествующей моделью Kismet (Джордан 2017, с. 216–217). Но что означает такой «отход назад» для научно-технического прогресса Вселенной франшизы?

Посмотрим на следующие модели.

Эш (модель Hyperdyne Systems 120-A/2) – герой «Чужого». Это совсем другая модель, производства, скорее всего, дочерней компании. Это уже не корабельный андроид, как Дэвид или Уолтер, следящий за состоянием космического судна во время долгого полета, а научный сотрудник, прикрепленный корпорацией к экипажу. В «Чужом» бортовой компьютер «Мама» не нуждается в ассистентах, а концентрирует управление на себе. Эш же полностью интегрирован в коллектив (никто не знает, что это андроид): у него нет «не-человеческих» функций, он вместе с командой просыпается из гиперсна и т.д. Т.е. жесткое противопоставление «человек – не-человек» (которое постоянно

подчеркивалось в «Прометее» и «Чужом: Завет») в этой части саги полностью устранено.

А.В. Павлов в уже упомянутой статье «Враги по разуму: робот как революционный субъект» пытается доказать, что «фильм «Чужой» посвящен проблеме революционного сознания синтетических людей» (Павлов 2017, с. 120). И в этой логике, наряду с Дэвидом, андроид Эш также является революционером. Но в чем заключается его революционность, с точки зрения А.В. Павлова? «Киборги уже все способны ненавидеть и презирать людей. Отсюда их мотивация к восстанию против людей – ненависть ко всему человеческому» (Павлов 2017, с. 121). Далее описывается сцена конфликта Рипли и Эша, в которой явным образом читается сексуальный подтекст, где Эш пытается засунуть Рипли в рот журнал эротического содержания. Автор оценивает эти действия следующим образом: «у андроида-мужчины откуда-то берется чувство ненависти к женщине-человеку»; «Эш ненавидит людей и желает им смерти» (Павлов 2017, с. 128). Т.е. исследователь наделяет Эша аналогичной субъектностью, как и у Дэвида. Но была ли эта осознанная ненависть к Рипли? Рассмотрим ситуацию детальнее в феноменологическом ключе, пошагово опишем, как являет себя Эш в ситуации финальной схватки. И сравним эту сцену со схожей эротической ситуацией из «Чужого: Завет», в которой Дэвид нападает на Дэниэлс (т.к. Дэниэлс узнает правду о смерти Элизабет Шоу). Он бросает ее на стол, прижимает сверху своим телом и, несмотря на ее сопротивление, целует в губы и затем спрашивает: «Так это делается?» (Чужой: Завет 2017). Наделенный сознанием и свободной, пусть и злой, но волей, робот в сложившейся ситуации четко проводит свои интересы: он демонстрирует свою полноценность, т.е. полную схожесть с человеком в том смысле, что он способен понимать эмоции и воспроизводить их. И в данном случае мы можем говорить о субъектности Дэвида, революционной в силу того, что его интересы полностью противоречат интересам людей (он хочет показать несовершенства людей и уничтожить их). Эш же демонстрирует себя совсем с другой стороны. Во-первых, он полностью лишен субъектности, т.к. выполняет не свою волю, а волю корпорации. Он с самого начала и до своей смерти следует приказу 937 (как и бортовой компьютер «Мама»), согласно которому необходимо исследовать новую форму жизни, а судьба экипажа при этом не важна. И когда Рипли узнает о содержании приказа и пытается противостоять его выполнению Мамой и роботом, Эш нападает на нее. Она отталкивает его, он ударяется головой, и из его головы начинает вытекать жидкость белого цвета. Только тогда становится ясно, что Эш – синтетик (до этого момента никто из экипажа об этом не знал, хоть иногда и замечали особенности

в его поведении). Далее происходит очень странная ситуация: Эш преследует Рипли и бьет ее, и в какой-то момент Рипли оказывается в углу комнаты, увешанной фотографиями полуобнаженных женщин. А рядом лежат журналы эротического содержания. Оказывается, что на корабле в одном из отсеков находится своеобразный «мужской уголок». В этом месте поведение Эша заметно меняется, становится еще более агрессивным. Он берет журнал и начинает засовывать его Рипли в рот, как бы пытаясь заткнуть ее, усмирить женщину в чисто маскулинной манере. А.В. Павлов утверждает, что это поступок робота-субъекта, движимого ненавистью. В случае с Дэвидом, чье поведение формируется в интимном общении с создателем и значимыми для робота другими (доктором Шоу, Уолтером), такая интерпретация действительно была обоснованной. С нашей же точки зрения, поведение Эша обосновано другими мотивами. В отличие от Дэвида, Эш не противопоставлен людям и обществу, он встроен в общество как человек (никто даже не знал, что он андроид до той поры, пока приказ корпорации не вынудил его раскрыть свою природу). Эш максимально растворен в социуме, он ведет себя так, как принято вести себя в обществе. И поэтому сцена с журналом для него не является ни актом ненависти, ни сексуальным актом, он просто, как и всегда, «считывает» социальный контекст. Оказавшись в «мужском уголке», предназначенном для мужского отдыха, он просто старается вести себя соответствующе. И, стараясь в данной ситуации «заткнуть женщине рот» предметом, имеющим фаллическую форму, он прямо демонстрирует отношение общества к женщине. Т.е. этого робота можно считать революционным, но лишь в том смысле, в каком мы можем считать революционным любой предмет, демонстрирующий людям социальные проблемы. Например, если беспилотный автомобиль передвигается по улице, и его датчики фиксируют препятствие на дороге, автомобиль останавливается и провоцирует аварию – можно ли считать такое поведение революционным или актом ненависти к человечеству? Вряд ли. Но является ли актом ненависти к человечеству отказ от субъектности? Эш в «Чужом» представляет собой лишь продолжение воли корпорации, послушная машина – и такой робот становится опасным для людей, хоть и в другом смысле, нежели Дэвид.

Стоит также отметить интересный момент, касающийся технического устройства синтетиков. Астронавты легко уничтожают Эша, фактически разрывают робота на части голыми руками и при помощи подручных предметов. Если мы обратимся к современной реальной робототехнике, то увидим, что каркас робота все-таки металлический, как и электронные компоненты (платы, сервоприводы, процессор, провода). В саге же мы видим

«мягкого» робота, тело которого очень легко разобрать. Если в «Прометее» и «Чужом: Завет» подчеркивалась физическая сила роботов, например, люди постоянно просили их помочь с тяжелыми вещами, то в «Чужом» синтетики физическим превосходством, скорее всего, не обладают. Хотя и Дэвид, и Бишоп также демонстрировались как сделанные с использованием таких «мягких» технологий. Если бы на месте Эша был робот с каркасом как у Терминатора, сюжет бы приобрел совсем другое развитие. Т.е. инженерные решения, касающиеся конструирования корпуса робота, впечатляют: перед нами робот, способный к безопасной для людей коммуникации. Однако символический аспект человеко-машинного взаимодействия еще нуждается в переосмыслении и перестройке.

Итак, синтетик Эш уже не противопоставляется людям, он встраивается в общество (хоть и демонстрирует в ходе своих действий актуальные проблемы социума). Линия социально ориентированных роботов продолжается в ходе научно-технического прогресса, представленного в саге. Следующий робот – «искусственный человек» Бишоп 341-В также полностью интегрирован в коллектив астронавтов, хотя его принадлежность к синтетикам, в отличие от Эша, секретом для команды не является. Рипли, встретившись с Бишопом, изначально боится его, вспоминая свой негативный опыт. Однако Бишоп успокаивает ее, объяснив, что при разработке моделей, к которым относился Эш, еще не так эффективно работал алгоритм непричинения вреда человеку: «Эти модели были несовершенны. Этого не может произойти с новыми моделями. Я никогда не причиню вред человеку, потому что запрограммирован его защищать» (Чужие 1986). Вскоре робот доказывает свою преданность и на деле, помогая Рипли и девочке Ньют. Начиная с Бишопы, синтетики становятся более человечными, чем человек. Этот принцип применяется и в реально существующей робототехнике. (Так, например, об этом пишут исследователи П. Дюмушель и Л. Дамиано в своей книге «Жизнь с роботами» (Dumouchel and Damiano 2017).) Интересно то, что Бишоп (как и Дэвид) сделан по образу и подобию своего создателя. Однако если Дэвид находится в близких отношениях с Питером Вейландом (он ему как сын, но при этом не-человек, лишенный души), то сходство Бишопы с его создателем Майклом Бишопом II лишь иллюстрирует принцип «быть человечнее, чем человек». Появившись в заключительных сценах «Чужого 3» и пытаясь обманом заставить Рипли последовать за ним, Майкл Бишоп II демонстрирует, что робот действительно лучше и человечнее своего прототипа.

И на сегодняшний день последний робот, показывающий себя в саге, – Аннали Колл. Это аутог, модель второго поколения (т.е. робот, сделанный

роботами). Переход к проектированию искусственных гуманоидов самими машинами был связан именно с необходимостью «оживления» отрасли, пришедшей в упадок: «Они должны были оживить производство синтетиков, а вместо этого они его похоронили. Они не любят подчиняться, вот правительство и уничтожило их. Я слышал, что выжило лишь несколько штук из этой экспериментальной серии» (Чужой 4: Воскрешение 1997). Колл запрограммирована по тому же принципу, что и Бишоп – она человечнее, чем человек. В то время как люди преследуют свои эгоистичные интересы, Колл искренне хочет помочь человечеству и уничтожить Чужого. Она слишком добра, слишком бескорыстна, слишком доверчива. Ее «коллеги» эти качества списывали на молодость и потому наивность девушки, но, когда в результате ранения они обнаружили ее принадлежность к роботам, все проявилось. Роботы стали настолько лучше и совершеннее людей, что стали компрометировать последних самым фактом своего существования. Отрасль пришла в упадок, а когда роботы «не стали подчиняться» (видимо, бесчеловечным приказам), их совсем устранили. Только некоторые выжившие «сожгли свой модем» и обрели автономность, исчезли, затерявшись в обществе, как бы «став людьми».

Имеет ли мы здесь дело с концом антропоморфной робототехники во вселенной Чужих, или у отрасли есть еще перспективы, пока не ясно. Однако параллельно в саге нарастает вторая линия – сближение человека и Чужого. Скорее всего, эту линию логично рассматривать также в контексте робототехники, но в аспекте киборгизации, соединения биологического и технологического. Чужой, образ которого был создан Г.Р. Гигером (одним из основоположников биомеханического направления в искусстве (Матафонова, Федоровская 2019)), воспринимается не как животное, а скорее как гибрид машинерии и плоти. И если изначально практики сосуществования Чужого и людей кажутся невозможными, абсурдными, в ходе развития сюжета саги они начинают складываться. В ходе экспериментов по созданию Чужого использовался биоматериал Элизабет Шоу, ведь Дэвида вдохновила ее поразительная воля к жизни, которую он хотел развить в «идеальном организме». В «Чужом» 1979 года противостоящая монстру и побеждающая его Рипли в финале фильма показана беззащитной женщиной, почти обнаженной, в нижнем белье, на фоне безупречной машинной силы монстра. В «Чужих» же в финальной схватке Рипли с королевой Чужих мы наблюдаем своеобразную битву машин: биомашинерия Чужого, с одной стороны, и Рипли, управляющая погрузчиком, с другой. Апогеем сближения Чужого и человека на данный момент является Рипли 8 («мама монстра»), демонстрирующая черты как обоих

видов (человек и Чужой), так и универсальность в коммуникации: она понимает людей и легко социализируется, параллельно переживает близкие связи с Чужими (являющимися ей родней), и при этом у нее складываются доверительные отношения с синтетиком Колл. В «Чужом 4: Пробуждение» практики взаимоотношений Чужих, людей, синтетика и гибрида Рипли постоянно перестраиваются, но в результате в фильме сохраняется прогуманистическая позиция. Колл ненавидит себя за то, что она робот, а Рипли просто принимает безысходность ситуации. Но то, как в дальнейшем будет развиваться в саге линия киборгизации, пока остается открытым вопросом.

Заключение

Итак, в статье проведен анализ взаимодействия людей и синтетиков в серии фильмов о Чужих в феноменологическом и постфеноменологическом ключе. Роботы демонстрируют в саге то одни свои грани, то другие, как позитивно относясь к людям, так и негативно. В ходе анализа было показано, что производство антропоморфных роботов в саге продемонстрировало несколько способов программирования роботов. Можно выделить основные образы синтетиков, по-разному запрограммированных: робот-субъект, максимально приближенный по своим способностям к человеку (Дэвид, перестал производиться, т.к. его интересы противоречили интересам людей); робот-послушная машина (помощник человека Уолтер с менее антропоморфными характеристиками) или исполняющий волю корпорации Эш, способный ради корпорации причинить вред человеку; встроенный в общество робот, «считывающий» социальный контекст (Эш, Бишоп, Колл); робот, более человечный, чем человек (Бишоп, Колл). В результате роботы превзошли людей и отказались выполнять приказы человека, они «растворились» в обществе, а робототехника пришла в упадок, уступив место киборгизации самого человека. Однако постгуманистическая линия киборгизации раскрыта в саге еще недостаточно. Даже в «Чужом 4», несмотря на то что в фильме показаны практики взаимодействия людей, Рипли, Чужих и синтетика Колл, в целом сохраняется именно гуманистическая установка: Рипли и Колл – исключение, а не правило. На данный момент сюжет саги показывает нам общество, состоящее из людей, синтетиков, гибридов и Чужих, но при этом человек в нем остается монополистом. Можно говорить о плавном переходе от человеко-машинного взаимодействия в хайдеггеровско-хармановском смысле к только намечающемуся взаимодействию в смысле Мортон. С одной стороны, недостатки синтетиков, проявляющиеся в ходе коммуникации с людьми, не воспринимаются как фатальные – практики

взаимодействия с разными моделями синтетиков постоянно перестраиваются и перестраивают их участников. С другой стороны, в фильмах сохраняется гуманистическая установка и гуманистическая эстетика, поэтому линия Мортон пока не раскрывается в полной мере, она только лишь намечается, посредством репрезентации перехода от роботизации к киборгизации. Технологии не рассматриваются в качестве гиперобъектов (подрывающих человеческое), хотя бесспорно таковыми являются; мутаген же и Чужие пока только стремятся стать гиперобъектами, распространяясь от планеты к планете. Людям пока что удается сохранять свой мир, дом, Землю, безопасной.

Источники фактического материала

Чужой: научно-фантастический фильм ужасов. Режиссер Ридли Скотт. 1979. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/497bd3ae83963516a14a7521fa941c2b> (дата обращения: 10.09.2022).

Чужие: научно-фантастический боевик. Режиссер Джеймс Кэмерон. 1986. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/4566e519a1b6c8d99f3345dc439886e9> (дата обращения: 10.09.2022).

Чужой 3: научно-фантастический фильм ужасов. Режиссер Дэвид Финчер. 1992. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/4e008ad9d4ecf0ddac49c742ccfca843> (дата обращения: 10.09.2022).

Чужой 4: Воскрешение: фантастический фильм. Режиссер Жан-Пьер Жёне. 1997. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/44688a38d40328be82f11619e86faff> (дата обращения: 10.09.2022).

Прометей: научно-фантастический фильм. Режиссер Ридли Скотт. 2012. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/44150fc56d622799b38338e39e9969b4> (дата обращения: 10.09.2022).

Чужой: Завет: научно-фантастический фильм ужасов. Режиссер Ридли Скотт. 2017. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/4c105778aced250a81239090ae85a23d> (дата обращения: 10.09.2022).

Библиографический список

Dumouchel, P. and Damiano, L. (2017), *Living with Robots*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA, DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674982840>.

Kuhn, A. (1990), *Introduction, Alien Zone*, Ed. by A. Kuhn, Verso, London, N.Y.

Luckhurst, R. (2014), *Alien* (BFI Film Classics), British Film Institute, London, UK.

Брайант Л.Р. Демократия объектов. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.

Гуров О.Н. Человек и технологии: кто кому паразит? Опыт исследования зарубежных сериалов и кинофильмов // Наука телевидения. 2021. Т.17. №2. С. 35-58. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2021-17.2-35-58>.

Джордан Д. Роботы. Москва: Изд. группа «Точка», 2017. 272 с.

Крид Б. Ужас и монструозно-фемининное. Воображаемое отторжение (абъекция). Фантастическое кино. Эпизод один. Москва // Новое литературное обозрение, 2006. С. 183–112.

Лапина-Кратасюк Е.Г., Верещагина Н.В. Устройство «жуткого космоса»: биологическая интервенция и парадоксы технологий // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 60–72. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2018.2.05>.

Матафонова А.В., Федоровская Н.А. Биомеханические визуальные образы в творчестве Г.Р. Гигера и его последователей // Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 5. С. 5–9.

Мортон Т. Статья экологичным. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2019а. 240 с.

Мортон Т. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира. Пермь: Гиле Пресс, 2019б. 284 с.

Павлов А.В. Враги по разуму: робот как революционный субъект // Социология власти. 2017. Т. 29. № 2. С. 116–132. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-2-116-132>.

Сачмен Л. Реконфигурации отношений человек – машина. Москва: Элементарные формы, 2019. 488 с.

Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. Москва: Молодая гвардия, 2005. 624 с.

Собчак В. Девственность астронавтов: секс и фантастическое кино // Фантастическое кино. Эпизод один. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. С. 167–182.

Столбова Н.В., Середкина Е.В., Мышкин О.С. Насколько «Зловещая долина» зловеща на самом деле? Опыт деконструкции дискурса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 91–107. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-91-107>.

Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 510 с.

Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.

References

Dumouchel, P. and Damiano, L. (2017), *Living with robots*, Harvard University Press, Cambridge, MA, DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674982840>.

Kuhn, A. (1990), *Introduction. Alien Zone*, Ed. by A. Kuhn, Verso, London, N.Y.

Luckhurst, R. (2014), *Alien* (BFI Film Classics), British Film Institute, London, UK.

Bruyant, L.R. (2019), *The Democracy of Objects*, Hyle Press, Perm, Russia.

Gurov, O.N. (2021), Human and technologies: who is a parasite? Research experience of foreign tv series and movies, *The Art and Science of Television*, vol. 17, no. 2, pp. 35–58, DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2021-17.2-35-58>.

Jordan, D. (2017), *Robots*, Tochka, Moscow, Russia.

Krid, B. (2006), Horror and monstrous-feminine. Imaginary rejection (an abjection), *Fantastic movie. Episode one, Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, pp. 183–112.

Lapina-Kratasyuk, E.G. and Vereshchagina, N.V. (2018), Constitution of «uncanny outer space»: biological intervention and paradoxes of technologies, *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, no. 2, pp. 60–72, DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2018.2.05>.

Matafonova, A.V. and Fedorovskaya, N.A. (2019), Biomechanical visual images in the work of G.R. Giger and his followers, *International Journal of Experimental Education*, no. 5, pp. 5–9, DOI: <https://doi.org/10.17513/mjeo.11904>.

Morton, T. (2019a), *Being ecological*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Morton, T. (2019b), *Hyperobjects: Philosophy and ecology after the end of the world*, Hyle Press, Perm, Russia.

Pavlov, A.V. (2017), Enemy Mind: Robot as a Revolutionary Subject, *Sociology of Power*, vol. 29, no. 2, pp. 116–132, DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-2-116-132>.

Suchman, L. (2019), *Human-Machine Reconstructions*, Elementarnye formy, Moscow, Russia.

Safranski, R. (2005), *German master and his time*, Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

Sobchak, V. (2006), Virginitiy of astronauts: sex and a fantastic movie, *Fantastic movie. Episode one, Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, pp. 167–182.

Stolbova, N.V., Seredkina, E.V. and Myshkin, O.S. (2022), How uncanny is the «Uncanny Valley»? Experience of deconstructing a discourse, *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, issue 1, pp. 91–107, DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-91-107>.

Harman, G. (2015), *The quadruple object*, Hyle Press, Perm, Russia.

Heidegger, M. (2003), *Being and time*, Folio, Kharkov, Ukraine.

Submitted: 05.09.2022

Revised: 27.11.2022

Accepted: 15.12.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 15

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-31-36

Дата поступления: 02.09.2022
рецензирования: 26.11.2022
принятия: 15.12.2022

Н.М. Твердынин

Академия гражданской защиты МЧС России,
г. Химки, Российская Федерация
E-mail: tvernick@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0678-0768>

Научная фантастика как поле взаимопроникновения и взаимовлияния научного и обыденного сознания

Аннотация: процесс создания научно-фантастического произведения рассматривается как процесс взаимодействия двух концептов, относящихся и к обыденному знанию, и к научному знанию и находящихся в диалектическом взаимодействии. Показано, что в научно-фантастическом произведении доля как научного, так и фантастического имеет предел. И в том, и в другом случае при достижении такого предела произведение уже нельзя отнести к научно-фантастическим. Рассмотрено влияние модульно-блоковой структуры технического знания на процесс образования объекта научной фантастики: книга, фильм, компьютерная игра. Установлено, что произведения в стиле киберпанк и стимпанк могут служить основой для произведений в жанрах утопия и антиутопия, но возможности каждого стиля при этом отличаются, то есть имеет место своеобразная асимметрия, что проявляется и в самих произведениях, и в их восприятии.

Ключевые слова: научная фантастика; философия; научное знание; обыденное знание; взаимовлияние; структура; киберпанк; стимпанк.

Цитирование: Твердынин Н.М. Научная фантастика как поле взаимопроникновения и взаимовлияния научного и обыденного сознания // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 4. С. 31–36. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-31-36>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Твердынин Н.М., 2022** – доктор философских наук, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры химии и материаловедения Академии гражданской защиты МЧС России, 141435, Российская Федерация, Московская обл., г.о. Химки, мкр. Новогорск, ул. Соколовская, стр. 1А.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.M. Tverdynin

Civil Defence Academy of EMERCOM
of Russia, Khimki, Russian Federation
E-mail: tvernick@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0678-0768>

Science fiction as the sphere of interpenetration and mutual influence of scientific and everyday consciousness

Abstract: the process of creating a science fiction work is considered as a process of interaction of two concepts related to both everyday knowledge and scientific knowledge and being in dialectical interaction. It is shown that in a science fiction work, the share of both scientific and fantastic has a limit. In both cases, when such limit is reached, the work can no longer be related to science fiction. The influence of the modular-block structure of technical knowledge on the process of formation of a science fiction object is considered: a book, a film, a computer game. The works in the style of cyberpunk and steampunk are established to serve as the basis for works in the genres of utopia and dystopia, but the possibilities of each style are different, that is, there is a kind of asymmetry that appears both in the works themselves and in their perception.

Key words: science fiction; philosophy; scientific knowledge; everyday knowledge; mutual influence; structure; cyberpunk; steampunk.

Citation: Tverdynin, N.M. (2022), Science fiction as the sphere of interpenetration and mutual influence of scientific and everyday consciousness, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 31–36, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-31-36>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Tverdnyin N.M., 2022 – Doctor of sciences in Philosophy, Candidate degree in Technical Sciences, Senior Researcher, Professor of the Department of Chemistry and Materials Science, Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia, bldg. 1A, Sokolovskaya str., MD. Novogorsk, Khimki, Moscow region, 141435, Russian Federation.

Введение

При создании научно-фантастических книг и фильмов, как и в любом художественном произведении, происходит трансформация представлений об окружающей действительности. С одной стороны, это часть авторского замысла, но с другой – такие изменения не являются целиком произвольными и подчинены логике того мира, который моделирует автор. Естественно, что при этом он опирается как на научные представления, иначе произведение будет относиться к другому жанру, так и на те сведения, которые закреплены в бытовом сознании и автора, и читателя, то есть руководствуется обыденным знанием. Представляется, что до настоящего времени не полностью оценивалась роль взаимодействия научного и обыденного знания в процессе создания как фабулы научно-фантастического произведения, так и его последующего восприятия читателем (зрителем).

Изначальным моментом любого творческого процесса, к которым относится и создание фантастического произведения, является моделирование автором как произведения в целом, так и его составных частей. При этом, помимо феномена снятия (отражения, репликации), оказываются задействованы одновременно сведения и из его научных, и из обыденных «пластов» знания. При этом в ходе творческого процесса идёт их постоянное сравнение, носящее характер диалектического взаимодействия, пусть и не обязательно осознаваемого самим автором.

В дальнейшей работе над научно-фантастическим произведением, и особенно при его окончательном оформлении, базисные представления автора о фундаментальных научных принципах остаются неизменны, иначе само произведение начнёт превращаться в фэнтэзи. При этом научная составляющая может расширяться и дополняться частными сведениями из различных наук. Обыденное знание на этих этапах выступает как своеобразный «корректировщик», увязывающий всё, что привлекает в своё произведение автор, в единое целое.

Когда научно-фантастическое произведение, говоря языком рыночных отношений, «доходит до потребителя», то вновь начинается процесс взаимодействия обыденного и научного начал, но уже в сознании читателя (зрителя). Это взаимодействие, хотя и включает те же моменты, что и процесс создания произведения, но далеко не аналогичен ему. Индивидуальные психологиче-

ские особенности каждого читателя или зрителя и его социальные характеристики приводят к тому, что для одних эта книга или фильм могут быть полностью приняты и включены в их сознании в параллельную реальность (например, в виде любимой ролевой или компьютерной игры по мотивам данного произведения) или же просто проигнорированы. Естественно, что это крайние случаи и между ними существует много промежуточных вариантов.

Ход исследования

Исследования по выявлению соотношения обыденного и научного ведутся во многих областях. Достаточно привести в качестве примера несколько статей по этой проблеме, выпущенных относительно недавно: (Колодина 2020), (Будякова, Ларин 2019), (Дядык 2021), которые относятся к достаточно далёким друг от друга научным направлениям. Но при анализе фантастических произведений необходимо учитывать своеобразное диалектическое противоречие: научная фантастика перестаёт быть таковой и при достижении определённой доли научности, и при возрастании до определённого, не обязательно равного первому пределу, уровня фантастичности.

Рассмотрим далее процесс взаимопроникновения научного и обыденного в процессах создания научно-фантастического и их восприятия читателем (зрителем, участником ролевой или компьютерной игры) последовательно и более подробно. Сам момент возникновения творческого замысла любого художественного произведения, и научная фантастика здесь не исключение, представляет с давних времён предмет многочисленных исследований и обсуждений, поскольку является ключевым в понимании феномена творчества.

Для научной фантастики особенно значимым для появления, вызревания и реализации творческого замысла автора является его собственная философская позиция как в онтологическом, так и в гносеологическом плане. При этом сама позиция может автором и не осознаваться до конца, но научно-фантастическое произведение, в отличие от других жанров, всегда связано с известными ограничениями, поскольку наука, по выражению выдающегося советского астронома и популяризатора науки И.Д. Шкловского, представляет собой систему ограничений. «Настоящая наука – это сумма запретов: а) нельзя построить перпетуум-мобиле первого и второго рода; б) нельзя передать сигнал

со скоростью, большей скорости света в пустоте, в) нельзя одновременно измерить координату и скорость электрона». Из данного утверждения выводится следствие, что «Только первобытные люди и современные, обремененные полужанрами цивилизованные дикари верят (именно, верят) в безграничные возможности науки» (Шкловский 1991, с. 31).

Следует учитывать, что без научной составляющей уже нельзя говорить о литературном произведении как о научно-фантастическом и его следует относить к другим жанрам. Не случайно в таком интересном и чисто отечественном философском направлении, как русский космизм, литературные произведения его представителей (литературные достоинства не обсуждаются) принципиально разнятся в зависимости от того, к какому направлению – естественнонаучному или религиозно-мистическому – принадлежит тот или иной автор. Естественно, что такое деление не учитывает всего многообразия представителей русского космизма, особенно с учётом литературной одарённости большинства из них. Естественно, что научная фантастика, написанная К.Э. Циолковским или Н.А. Морозовым с глубокой интенцией в творчество Жюль Верна, не может быть с интересом воспринята современным читателем. (Подробно особенности творчества русских философов-космистов освещаются в монографии С.Г. Семёновой (Семёнова 2020, с. 33–50).) Структура же субъективного фактора (это применимо не только к фантастике, прямо или опосредованно связанной с русским космизмом) многомерна. Прежде всего, выделяются психологические элементы этой структуры: интеллектуально-идеологический (зрелость сознания социального субъекта), морально-психологический (зрелость волеизъявления) и организационный (способность действовать со знанием дела, эффективно реализуя соответствующие проекты) (Маслобоева 2020, с. 288).

Насколько личностный фактор определяет миропонимание писателя-фантаста и влияет на его оценку социального в семиотическом ключе, хорошо видно из высказывания Герберта Уэллса в его переведённой на русский язык лишь в 2021 году работе «Открытый заговор»: «Человеческая мысль всё ещё очень путается от несовершенства слов и символов, которые она использует, и последствия этого спонтанного мышления гораздо более серьёзны и обширны, чем это обычно осознают, мы все воспринимаем мир сквозь завесу слов, и поскольку то, что напрямую нас касается, является для нас очевидным фактом. Посредством символов и особенно посредством слов и языка человек приподнялся над уровнем обезьяны и обрёл господство над Вселенной» (Уэллс 2021, с. 70). Легко видеть, что Г. Уэллс тес-

но связан в оценке человеческой деятельности с базовыми установками мыслителей XIX века. На них он фундирует собственные оценки социума и перспектив его развития, что и находит воплощение в его произведениях. Станислав Лем в качестве социально-философской базы для своих произведений «...выбирает и творчески переосмысливает основные философские положения Венского кружка (действовавшего в 1920–1930 годы), Львовско-Варшавской школы и англо-американской аналитической философии» (Язневич 2014, с. 138). Современные фантасты также имеют теоретическую «привязку» к различным философским (часто псевдофилософским – эзотерика, сайентизм и др.) школам и направлениям. К сожалению, обобщающих работ по соотношению литературных произведений научно-фантастического жанра постсоветского периода с направлениями современной философской мысли пока не создано. Будем надеяться, что в ближайшие годы этот пробел будет заполнен.

Рассмотрим далее, насколько применимы к созданию научно-фантастического произведения принципы модульно-блочного структурирования технико-технологического знания (Лебедев и др. 2020).

В процессе оформления творческого замысла автор фантастического произведения должен если не сознательно учитывать, то интуитивно понимать, что при пользовании любым техническим артефактом или технологией его герои и их действия должны восприниматься как реальные (пусть и с определённой долей допущения), то есть находиться в сфере обыденного сознания читателей (зрителей или геймеров компьютерной игры). В последнем случае доля условности будет максимально возрастать. Учитывая, что в технo-знании теоретическое знание не связано напрямую с обыденным знанием, а взаимодействует с ним через «блоки», например онтологического, модельно-проективного, тестологического и других блоков технико-технологического знания. Но если в реальной деятельности в сфере технических и технологических наук онтологическое знание будет превалировать, то в воображении автора при создании им научно-фантастического произведения этот блок будет выполнять весьма малую, но при этом определяющую роль, которую можно назвать «ролью на начальном этапе». В дальнейшем развитии сюжетных линий к данному блоку практически не обращаются.

Поясним сказанное. В реальном научно-техническом творчестве принимается ряд положений, на которых основываются все дальнейшие действия, например при расчётах по сопротивлению материалов форма и размеры тел считаются неизменными. (Естественно, что деформация тел при действии нагрузок в дальнейшем учитывает-

ся.) Если мы обратимся к такому известному произведению, как «Звёздные войны», лежащему на границе фантастики и фэнтэзи, то легко увидим, что там тоже принят ряд изначальных допущений, которые превращены в своеобразные «правила игры». Это касается множества ограничений по возможностям тех или иных устройств или же предела сверхспособностей даже таких суперличностей, как джедаи (иначе невозможна была бы их гибель). При развитии сюжета в разных эпизодах можно наблюдать отдельные изменения технического антуража, но базовые характеристики остаются неизменными. Именно это позволило авторам фантастической медиафраншизы создать в дальнейшем целую индустрию, обслуживающую во всём мире десятки и сотни тысяч фанатов, которые испытывают положительные эмоции, погружаясь в атмосферу этого произведения. При этом оформление каждой серии, которые при относительной непохожести составляют единое целое, в едином ключе и создает Вселенную Звёздных войн. И в этом случае модельно-проективное знание (как блок технико-технологического знания) позволяет Джорджу Лукасу и его команде дать фантастическую и одновременно правдоподобную картину происходящего, что и является основой зрительского успеха. Этот успех поддерживается в дальнейшем и у читателей комиксов, которые издаются миллионными тиражами. (Правда в последних фильмах по данной тематике судия Дисней стала по ряду причин «отходить от канона».)

По ходу разработки сюжета мысль автора будет идти не по прямому пути, а постоянно следовать по «поступательно-возвратной траектории». Это связано с тем, что каждый раз, придумывая и продумывая новый эпизод, содержащий научно-техническую составляющую, автор, пусть чаще всего и неосознанно, будет примерять соответствие своих «задумок» предложенным им самим до этого «правилам игры» с оглядкой на научные ограничения. Именно поэтому у многих современных авторов прослеживается отход от классической научной фантастики и своеобразный крен в сторону фэнтэзи, хотя полностью их произведения в фэнтэзи не превращаются. Авторы же фэнтэзи делают свои произведения всё более и более сказочными. Это хорошо видно на примере множества современных исторических фильмов. Достаточно сравнить фильмы с одинаковым названием – «300 спартанцев» 1962 г. (режиссёр Рудольф Мате) и 2007 г. (режиссёр Зак Снайдер). Хотя Зак Снайдер в своём творчестве делает максимальную ставку на технические эффекты, но в его фильмах всё более превалирует доля фэнтэзи, например, «300 спартанцев: Расцвет империи» (2014г.). Сюда же можно отнести и фильм «Аквамен» (2018 г.) (режиссер Джеймс Ван) и ряд других.

Социально-философское и литературоведческое-семиотическое осмысление тех процессов, которые идут в фантастике конца XX – начала XXI века, по существу, только начинается, хотя и имеется довольно много работ в этом направлении. Одной из «зон кристаллизации», где происходит обсуждение и критический анализ вопросов, связанных с данной проблематикой, являются регулярно проводимые в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева «Лемовские чтения», координатором которых является профессор А.Ю. Нестеров.

Именно во взаимовлиянии обыденного и научного сознания находит своё проявление своего рода соперничество – противопоставление стилей киберпанк и стимпанк в современной фантастике. Хотя стиль стимпанк не сразу завоевал симпатии критиков: классический пример – пользовавшийся большой симпатией зрителей в России и ряде других стран, но не в США фильм режиссёра Барри Зоннерфельда «Дикий, дикий Вест» 1999 года выпуска, но социально-философские основания обоих направлений (киберпанка и стимпанка) достаточно глубоки. Они основаны на стремлении обыденного сознания сделать доступным для восприятия (не для понимания, что для рядового потребителя услуг в техногенном обществе часто бывает за пределами) самые фантастические достижения науки и техники (киберпанк) или же свести воедино старые и новые технологии (паровые машины с использованием их в авиации, информатике и других областях, что в реальности не может дать серьёзных технических эффектов) – стимпанк. И то и другое направление представлено в научно-фантастических утопиях и антиутопиях, хотя стимпанк чаще встречается в антиутопиях, например, произведениях, где показывается существование человечества в условиях отсутствия нефти и продуктов её переработки.

Кроме того, именно научная фантастика, независимо от её конкретного жанра, соотносится с техникой и технологией таким образом, что полностью выполняет одну из своих функций, на которую указывал Фридрих Дессауэр: «Техника как исполнение человеческих целей посредством выполнения задач» (Дессауэр 2017, с. 89). Данный тезис был также развит Армином Грунвальдом применительно к задаче обеспечения устойчивого развития (Грунвальд 2013, с. 15–18).

Интересной и в гносеологическом плане полезной представляется оценка взаимоотношения обыденного и теоретического сознания в работе М.Н. Сухогузова (Сухогузов 2021), где указанное взаимодействие рассматривается как следствие кризиса общественного бытия. Такая позиция представляется спорной, поскольку не учитывает преодоления кризисных ситуаций за счёт активизации социального заказа в научно-технической

сфере. Однако для научной фантастики такой подход весьма ценен при анализе утопий и антиутопий.

Достаточно интересной для анализа произведений научной фантастики представляется идея, высказанная в работе М.А. Кравченко и И.А. Кравченко о «смысловых фильтрах», которые «позволяют определить содержательную принадлежность таких понятий, как «языковое сознание» и «метаязыковое сознание», и их принадлежность к научным/обыденным формам знания (Кравченко, Кравченко 2015).

Интересно, что в социально-философском плане и утопии, и антиутопии (последние гораздо чаще) имеют вполне социально-технологическую основу, например, в монографии Г.В. Горновой «Философия города» взаимодействие горожан рассматривается через «пространственный конфликт», поскольку горожане не могут жить, как деревенские жители, которые воспринимают соседей во всей чувственной конкретике, так как пространство поселения совпадает с пространством знакомств (Горнова 2015, с. 10).

На процессы взаимодействия обыденного и научного в фантастике накладывается то, что философское осмысление данного феномена невозможно без привлечения такого интенсивно развивающегося раздела философии науки и техники, как философская проблематика информационного пространства. Формирование информационной индустрии в философском контексте рассматривается многими авторами. При этом учебное пособие Р.М. Юсупова и В.П. Котенко «История информатики и философии информационной реальности» (Юсупов, Котенко 2007) уже относительно давно выделяется среди написанных позднее более логичным и последовательным пониманием включения в информационное пространство обыденного его восприятия с точки зрения пользователя, то есть подтверждает тезис о взаимопроникновении научно-технического в обыденное, что совпадает с основной идеей данной статьи.

Заключение

Представляется, что в ходе проделанной аналитической работы автором было получено подтверждение изначального предположения о процессе создания научно-фантастического произведения как процессе постоянного взаимодействия представлений, относящихся одновременно и к научному, и к обыденному сознанию. Данное положение относится в равной степени как к автору, так и к читателю (потребителю) научно-фантастического контента. При этом было показано, что при создании научно-фантастического произведения, так же, как и при создании технико-технологического объекта, автор произведения (не всегда

осознанно) учитывает модульно-блоковую структуру технотехнологии.

Рассмотрено также соотношение стилей киберпанк и стимпанк применительно к социальному полю современной фантастики.

В завершении следует сказать ещё об одной составляющей научной фантастики, которая отражает роль установок обыденного сознания по отношению к оценке необходимости реализации научно-технических идей и достижений, в которых они воплощены. Это стремление потребителя/пользователя научно-фантастического контента почувствовать себя счастливым. Учитывая всю сложность и угнетающую сверхдинамичность современного техногенного общества, это достаточно востребовано. Именно приём фантастического контента, особенно при погружении в компьютерные игры, даёт человеку такую возможность, пусть чаще всего она иллюзорна. При долговременном же погружении в виртуальный мир ничего, кроме вреда, разумеется, не будет. Но человек не всегда понимает, что «Свобода – это не праздность, а возможность свободно располагать своим временем и выбирать себе род занятий, короче говоря, быть свободным – значит не предаваться безделью, а самолично решать, что делать и чего не делать. Какое великое благо такая свобода!» (Лабрюйер 2003, с. 138).

Источники фактического материала

Твердынин Н.М. Техника в литературе разных стран и эпох: монография-эссе. Москва: АНО Диалог культур, 2019. 240 с.

Твердынин Н.М. Технотехнология и техносциум: взаимодействие в образовательном пространстве: монография. Москва: Академический проект, 2009. 320 с.

Библиографический список

Будякова Т.П., Ларин А.А. О разделении профессиональных компетенций судебных лингвистов и судебных психологов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 390–392.

Горнова Г.В. Философия города: монография. Москва: Форум Инфра М, 2015. 344 с.

Грунвальд Армин. Техника и общество. Москва: Логос, 2023. 160 с.

Дессауэр Фридрих. Спор о технике: монография / перевод с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.

Дядык Н.Г. Искусство второй половины XX – начала XXI веков как визуальная философия // Социум и Власть. 2021. № 2 (88). С. 95–106.

Колодина Н.И. Компоненты понятия и эмоционального состояния (на материале междисципли-

нарного исследования обыденного сознания) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 8. С. 228–233.

Кравченко М.А., Кравченко О.В. О соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9–1 (51). С. 105–108.

Лабрюйер Жан де. О монархе или о государстве / пер. с фр. Ю. Корнеева и Э. Линецкой. Москва: Издательство АСТ, 2003. 271 с.

Лебедев С.А. Философия математики и технических наук: учебное пособие для вузов / Под общ. ред. проф. С. А. Лебедева. Москва: Академический Проект, 2020. 779 с.

Маслобоева О.Д. Философско-антропологический проект российского органицизма и русского космизма в контексте современной исторической ситуации: монография. Москва: Инфра М, 2020. 390 с.

Семёнова С.Г. Созидание будущего. Философия русского космизма. Москва: Независимое издательство «Ноократия», 2020. 458 с.

Сухогузов М.Н. Обыденное и теоретическое сознание в контексте кризиса человеческой сущности: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 3. С. 445–453.

Уэллс Д.Г. Открытый заговор. Москва: Издательский дом «Кислород», 2021. 288 с.

Шкловский И.С. Эшелон. Москва: Новости, 1991. 224 с.

Юсупов Р.М., Котенко В.П. История информатики и философия информационной реальности. Москва: Академический Проект, 2007. 429 с.

Язневич В.И. Станислав Лем. Минск: Книжный дом, 2014. 448 с.

References

Budyakova, T.P. and Larin, A.A. (2019), On the division of professional competencies of Forensic Linguists and Forensic Psychologists, *Eurasian Law Journal*, no. 2 (129), pp. 390–392.

Gornova, G.V. (2015), *Philosophy of the city: monograph*, Forum Infra M, Moscow, Russia.

Grunwald, A. (2023), *Technology and society*, Logos, Moscow, Russia.

Dessauer, F. (2017), *Dispute about technology: monograph*, Publishing House of the Samara Humanitarian Academy, Samara, Russia.

Dyadyk, N.G. (2021), Art of the second half of the XX – early XXI centuries as a visual philosophy, *Journal of Society and Power*, no. 2 (88), pp. 95–106.

Kolodina, N.I. (2020), Components of the concept and emotional state (based on the material of an interdisciplinary study of everyday consciousness), *Philological sciences. Questions of theory and practice*, vol. 13, no. 8, pp. 228–233.

Kravchenko, M.A. and Kravchenko, O.V. (2015), On the relationship between the concepts of «linguistic consciousness» and «metalanguage consciousness», *Philological sciences. Questions of theory and practice*, no. 9-1 (51), pp. 105–108.

Labruyer, Jean de. (2003), *About the monarch or about the state*, AST Publishing House, Moscow, Russia.

Lebedev, S.A. (2020), *Philosophy of mathematics and technical sciences: textbook for universities*, ed. S.A. Lebedev, Academic Project, Moscow, Russia.

Masloboeva, O.D. (2020), *Philosophical and anthropological project of Russian organicism and Russian cosmism in the context of the modern historical situation*, Monograph, Infra M, Moscow, Russia.

Semenova, S.G. (2020), *Creation of the future. Philosophy of Russian cosmism*, Independent publishing house Noocracy, Moscow, Russia.

Sukhoguzov, M.N. (2021), Everyday and theoretical consciousness in the context of the crisis of human essence: problem statement, *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 3, pp. 445–453.

Wells, D.G. (2021), *Open conspiracy*, Publishing house «Oxygen», Moscow, Russia.

Shklovsky, I.S. (1991), *Echelon*, Novosti, Moscow, Russia.

Yusupov, R.M. and Kotenko, V.P. (2007), *The history of computer science and the philosophy of information reality*, Academic Project, Moscow, Russia.

Yaznevich, V.I. (2014), *Stanislaw Lem*, Book House, Minsk, Belarus.

Submitted: 02.09.2022

Revised: 26.11.2022

Accepted: 15.12.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 331

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-37-43

Дата поступления: 03.09.2022
рецензирования: 27.11.2022
принятия: 15.12.2022

Е.Н. Фозилзода

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vip.elizabeth@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4774-6972>

Аксиологическая проблема труда в контексте технологической безработицы

PHILOSOPHY

Аннотация: в статье рассматриваются аксиологические проблемы, возникающие из-за технологической безработицы. Для этого рассматривается становление полагания того, что труд является ценностью. Методологическая основа исследования построена на труде М. Heideggera «Европейский нигилизм». Анализируется становление труда как ценности периода модерна. Трудовая этика, возникшая в это время, внушала моральную установку, согласно которой тяжкий труд должен цениться, а человек обязан проявлять преданность работе. В постсовременности жизнь человека все сильнее структурируется вокруг самореализации в конкурентной среде, а работа становится основным путем достижения этой цели. Раскрывается смысл понятия «постсовременность». В контексте данной работы постсовременность будет определяться как трансформационный период трудовой идентификации человека. Исследуется вопрос о том, остался ли труд ценностью в постсовременности. Рассматривается аксиологическая проблема идентификации человека и его ценности через труд. Обозначена вторая аксиологическая проблема: полагание новых ценностных ориентиров в профессиональной деятельности. Формируется предположение о становлении нового принципа полагания ценности труда. Данный принцип может установиться только через новое знание о существовании ценностей и условиях их оценки. Для этого нужна высшая осознанность человека, которая поможет произвести переоценку ценностей и полагать новые, тогда произойдет свержение прежних аксиологических аспектов труда и формирование новых. Основой нового принципа полагания ценностей может стать социальная ориентированность и гуманизм, творческая самореализация на благо общества.

Ключевые слова: труд; автоматизация; постсовременность; безработица; ценности; постмодерн; этика.

Цитирование: Фозилзода Е.Н. Аксиологическая проблема труда в контексте технологической безработицы // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 37–43. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-37-43>.

Благодарности: автор выражает благодарность профессору, доктору философских наук Л.Б. Четыровой за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Фозилзода Е.Н., 2022 – аспирант кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.N. Fozilzoda

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vip.elizabeth@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4774-6972>

The labor axiological problem in the technological unemployment context

Abstract: the article deals with axiological problems caused by technological unemployment. For this purpose, the formation of the assumption that labor is a value is considered. Methodologically the research is based on M. Heidegger's work "European Nihilism". The formation of labor is analyzed as the modern period value. The work ethic that emerged at that time inculcated a moral attitude positing that hard work should

be valued, and a human is obliged to be committed to work. In postmodernity, a person's life is increasingly structured around self-realization in a competitive environment, and work becomes the main way to achieve this goal. The meaning of "postmodernity" concept is revealed. Within the context of this work, postmodernity will be defined as a transformational period of the personal work identification. The question under investigation is whether labor has remained valuable in postmodernity. The problem under consideration is the axiological problem of identifying a person and his values through work. Also the second axiological problem has been identified: the assumption of new value orientations in the professional life. It is assumed that a new principle of the work value is being formed. This principle can be established only through new knowledge about the essence of values and their evaluation conditions. This requires a higher personal awareness, which will help to reevaluate values and put new ones, then the former axiological aspects will be deposed and new ones will be formed. The basis of the value-setting new principle can be social focus, humanism, creative self-realization for the good of society.

Key words: labor; automation; postmodernity; unemployment; values; postmodernity; ethics.

Citation: Fozilzoda, E.N. (2022), The labor axiological problem in the technological unemployment context, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 37–43, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-37-43>.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to Professor, Doctor of Philosophy L.B. Chetyrova for supporting the research.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Fozilzoda E.N., 2022** – postgraduate student of the Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В последнее время появилось много исследований на тему четвертой промышленной революции и возникновения технологической безработицы (Klowait, Ерофеева 2019), (Leongard 2018), (Четырова 2019). Предположим, что самые экстремальные прогнозы относительно технологической безработицы сбудутся. Роботы захватят почти все формы человеческого труда. Что тогда произойдет? Будет ли наша жизнь наполнена значимой деятельностью? В статье рассматривается вопрос, может ли технологическая безработица, возникающая из-за автоматизации и роботизации, разрушить аксиологический аспект профессиональной деятельности человека. Цель статьи: анализ аксиологических проблем, возникающих из-за технологической безработицы, обусловленной автоматизацией и роботизацией.

Согласно исследованиям, некоторые из новых технологий подрывают деятельность целых отраслей, соответственно, потенциально ведут к повышению уровня технологической безработицы (Brynjolfsson, McAfee 2017), (Земцев 2017), (Manyika 2018). По некоторым оценкам, около половины рабочих мест в мире и в России может быть автоматизировано к 2025–2035 годам (Земцев 2017). К причинам технологической безработицы относят автоматизацию труда, рост числа населения и стремительные технологические изменения, которые не позволяют быстро адаптироваться и переобучиться работникам (Srnicek, Williams 2019). Также необходимо учесть появление новых специальностей из-за автоматизации труда, что приводит к необходимости постоянного обновления знаний, профессиональных навыков и

развитию творческого потенциала. Такая ситуация требует от человека быстрого переобучения и адаптации, но это не всегда возможно в связи со стремительностью изменений (Srnicek, Williams 2019). Таким образом, можно сказать, что на возникновение технологической безработицы влияет не только автоматизация труда, но и способность населения адаптироваться к новым требованиям рынка труда и возможность в сжатые сроки освоить новую профессию.

Ход исследования

Труд претерпевает серьезные трансформации, появляются новые формы взаимоотношений работника и работодателя, что становится точкой отсчета эволюции профессиональной идентичности человека, когда личность ощущает, осознает и реализует себя в социуме иначе. Эпоха идентичности, формирующая систему ценностей, основанную на индивидуализме, толкает человека постоянно искать и обретать ценности. В таком контексте личность пытается обрести себя в различных сферах, в том числе и в профессиональной деятельности (Bauman 2008). Происходит переход от «тяжелого» капитализма к «легкому», в процессе которого меняется этос компаний. Выбор профессии один раз и на всю жизнь сменяется временным пребыванием в трудовых отношениях. В связи с этим на рынке труда появляются фрилансеры, кочевники, как новый рабочий класс (Алашеева 2015). Прежние отношения работодателя с сотрудниками, основанные на корпоративной этике, длительном сотрудничестве, стали не актуальны в постсовременности. Развитие цифровых технологий, автоматизация тяжелых форм труда дают возможность

реализовать таланты человека, не привязываясь к компании и не принимая чужие ценности. Но при этом человек чувствует страх и потерянность на рынке труда. Канадский ученый N. Srnicek в своем труде «Изобретая будущее» говорит о том, что автоматизация освобождает человека от тяжелого рутинного труда и дает возможность развивать творческий потенциал. Но общество верит в неизбежность экономического кризиса, катастроф и захвата роботами рабочих мест. В современной фантастике преобладает антиутопический настрой, она рисует картины заката нашего мира, а не возможности возникновения другого-лучшего (Srnicek, Williams 2019). С чем же связано такое видение будущего?

Мир находится в рамках капиталистического реализма (Srnicek, Williams 2019). Обществу трудно принять тот факт, что труд как способ выживания трансформируется в способ творческой самореализации человека. В период модерна труд, каким бы обременительным, тяжелым он ни был, стал высшим благом (Srnicek, Williams 2019). Данная ситуация возникла из-за промышленных революций, крестьянских реформ, которые проходили в мире и в России в XVI–XVII веках. Крестьяне докапиталистического общества имели свой надел земли – имущество, которое обеспечивало их. Они были бедны, но содержали себя сами, их выживание не зависело от наемной работы на других. Капитализм поменял данный уклад жизни и привел к тому, что крестьяне лишились земельных наделов, соответственно, средств к существованию. Данная ситуация привела к массовому притоку людей в города, в которых развивалась промышленность. Крестьяне пытались выживать на окраинах возникающего капиталистического мира, пока тот не применил силу и новую жесткую юридическую систему для внедрения наемного труда среди населения. Отличительной чертой этой системы было то, что бывшие крестьяне, ставшие рабочими, не имели доступа к средствам производства или жизнеобеспечения и должны были заниматься наемным трудом для выживания (Srnicek, Williams 2019). Работа на производстве, по найму у капиталиста стала ценностью, потерять которую означало лишиться возможности выжить. Трудовая этика, возникшая в это время, внушала моральную установку, согласно которой тяжкий труд должен цениться, а человек обязан проявлять преданность работе, какой бы она ни была. Более современные формы этой установки приняли либерально-гуманистический характер и стали представлять работу как главный способ самовыражения. Таким образом, работа прочно встроилась в нашу идентичность и стала основным средством самореализации (Srnicek, Williams 2019).

В постсовременности жизнь человека все сильнее структурируется вокруг самореализации

в конкурентной среде, а работа становится основным путем достижения этой цели. Для рассмотрения трансформации аксиологических аспектов труда необходимо дать определение термину «постсовременность». Постсовременность, или постмодерн, является понятием социологической теории. Обозначает отрезок исторического времени, начинающийся с момента подрыва индустриального строя и простирающийся в будущее. Постмодерн как понятие возникло для обозначения преодоления социального порядка – модерни. Данным термином обозначали разные исторические эпохи, впервые он был применен теологами христианского направления в V веке для обозначения противопоставления становления новой эпохи языческим общинам. С XVII века его стали применять в эпоху Просвещения для обозначения различий между индустриальным обществом и старым феодальным строем в Европе. Таким образом, термин «постмодерн» применяется в науке с 1950-х годов для подчеркивания различий между традиционной эпохой человечества и вновь формируемым будущим. В связи с чем определение не имеет четких хронологических границ, что позволяет его использовать в широком смысле (Welsch 1992).

Постсовременность формируется как исторический период с резким ростом культурных и социальных трансформаций, при этом происходит отход от ранее преобладавших принципов и структур экономического взаимодействия. На фоне этого формируется новая система социального действия, созданная под влиянием новых стимулов и действий человека. Производство формата индустриального общества, ориентированного на материальное обогащение, атрофируется и возникает цифровая, знаковая, нематериальная промышленность, ориентированная на символические ценности. Постмодерн становится постэкономической эпохой, характеризующейся исчезновением массового производства и потребления, отказом от конвейерной формы работы и индустриализации. Исчезает слияние человека с машиной, когда рабочий становился органом производственной схемы. В связи с этим присутствует характеристика постсовременности как эпохи проявления внутренней свободы, избавления от отчуждения труда от человека, снижая тем самым зависимость от работодателя, наемного труда и производства в целом. Эпоха постмодерна отличается от модерна своей всеобщностью влияния на весь мир, модернизм доминировал только в европейской культуре (Новая философская энциклопедия 2022). Термин постсовременность, определяющий настоящее и будущее человечества, показывая, что жизнь социума протекает уже не в эпоху модерна, имеет неоднозначное значение и применение в различных сферах.

Одни ученые, историки опровергают легитимность его применения, обосновывая тем, что нет никаких новых явлений в обществе и мире, чтобы вводить новое определение. Все, кто пытается выдать под значением «постмодерн» старые и давно известные данные. Другие же поддерживают существование новых явлений в социуме, которые можно определить термином «постсовременность», но фиксировать изменения, происходящие на рубеже эпох может только следующее поколение, которое оценит события в полном масштабе со стороны. Также создает путаницу в конкретике формулировки данного определения и его вездесущая применимость и универсальность. Термин «постмодерн» используют в литературе, архитектуре, живописи, социологических науках и в философии. Таким образом, «постмодерн» становится универсальным определением для многих сфер, обозначающим при этом общее значение перехода от чего-то устаревшего к новым формам проявления в мире. Неопределенность его значения формируется из-за двух существующих направлений в его определении. В первом полагается, что постмодерн является эпохой новейших технологий и заделом научно-технических разработок для улучшения мира. Во втором постсовременность обозначается историческим периодом осуществления перехода от индустриализации и технократии к экологическому, безопасному взаимодействию человека с природой, к проявлению его творческого потенциала. Также существует еще одно противостояние значений постмодерна. С одной стороны, обозначает консолидацию расколотого общества под новой идеологией, с другой стороны, наступление активного периода фрагментации социума (Welsch 1992). Таким образом, постсовременность или постмодерн в своем значении имеет широкий спектр определений и применяется в различных сферах деятельности человека. В контексте данной работы постсовременность будет определяться как трансформационный период трудовой идентификации человека.

Труд стал центральной составляющей восприятия самого себя настолько сильно, что человек задается вопросом о смысле жизни при потере работы (Srnicsek, Williams 2019). Идентификация себя происходит через признание другими важности человека, через наличие у него собственности и вещей, добытых путем труда (Habermas 2007). Аксиологический аспект труда периода модерна, сформированный как способ выживания, в постсовременности трансформировался в аспект, позволяющий идентифицировать человека в социуме (Danaher 2017). Данная ситуация в контексте технологической безработицы приводит к формированию аксиологической проблемы, заключающейся в потере способа идентификации человека в обществе и признании его ценности для социума

через труд. При этом автоматизация рабочих мест, освобождая от тяжелого труда, дает возможность раскрытия интеллектуального и творческого потенциала, но лишает прежних аксиологических ориентиров, сформированных в период модерна. Трудовая этика, укоренившаяся в обществе, полагает, что работа неполный день или занятия творческой самореализацией являются тунеядством (Greber 2020). Данная ситуация приводит к формированию второй аксиологической проблемы: полагание новых ценностных ориентиров в профессиональной деятельности постсовременности. Но кто полагает аксиологические аспекты трудовой этики, обозначая труд как высшее благо?

Для понимания становления аксиологических аспектов труда необходимо разобраться в формировании ценностей. М. Heidegger в своем труде «Европейский нигилизм» пишет, что полагание ценностей понимается в основе своей в метафизической необходимости. Но в чем заключается метафизическое основание ценностной идеи? Метафизика есть истина о сущем и, соответственно, из толкования сущего как определения черты воли к власти возникает ценностная мысль. Воля к власти же обозначает существо сущего как такового (Heidegger 1993). Ценностная мысль возникает из мышления, которое оценивает вещи согласно их ценности и полагает их (Heidegger 1993). Вера в ценности, ценностное мышление приходит из воли человека к обеспечению себя определенной ценностью (Heidegger 1993). Полагание ценностей обусловлено видом власти, которая является сущностным определением человека, обуславливающей полагание ценностей, которая определяется как воля к власти. Таким образом, ценности возникают из полагания ценностей через волю к жизни и стремление определить смысл жизни.

Под ценностью Ницше понимал «точку зрения»: «Точка зрения „ценности" есть точка зрения условий сохранения и возрастания в отношении сложных образований с относительной продолжительностью жизни внутри становления». Ценность» есть, таким образом, «точка зрения». «Ценность» даже «по существу» есть «точка зрения для...» (Heidegger 1993, с. 97). Ценность полагается зрением, так она становится чем-то для того, кто ее намечает. Точка зрения становится ценностью лишь при сосредоточении на ней зрения. Таким образом, значимость появляется тогда, когда точка зрения полагается как значимая. М. Heidegger пишет, что воля к власти и полагание ценностей есть одно и то же. Ценность является частью власти, устанавливаемая и измеряемая волей к власти. Исходя из этого можно сделать вывод, что полагание ценностей исходит от самой воли к власти, то есть от самого стремления человека обеспечить себя определенной ценностью (Heidegger 1993).

Если мы осознаем существующую трудовую этику, которая довлеет над обществом, причины ее возникновения, осознаем, что полагание ценности труда идет из стремления человека обеспечить себя определенной ценностью, из точки зрения, сформированной под этим стремлением, то можно ли денонсировать веру в ценность труда, чтобы полагать новые аксиологические аспекты? Человек понимает отрицание прежних ценностей как моральный упадок общества. Но нигилизм является внутренней логикой эволюционного развития ценностных ориентиров. Ницше писал, что для переоценки ценностей необходимо осознать тот факт, что нигилизм есть история, закономерность происходящего, вырывающаяся за пределы распада мира (Heidegger 1993). Когда труд как высшее благо обесценивается, возникает ощущение, что мир, который упорно создавали не одно столетие, рухнул. Появляется ощущение страха и неопределенности из-за разрушения представления о труде как о высшей ценности. В таком контексте жизнь начинает восприниматься как пустота, не имеющая смысла, происходит становление пессимизма как позиции по отношению к происходящему.

Ницше формирует позицию пессимизма как предпосылки к возникновению нигилизма (Heidegger 1993). Пессимизм имеет двусмысленную природу. С одной стороны, он вводит человека в состояние уныния и поглощает жизненные силы, с другой стороны, пессимизм является проявлением силы, которая дает возможность увидеть условия возникновения событий и подготовиться к будущему. Тем самым пессимизм становится аналитическим инструментом, при помощи которого можно разобраться в происходящем. Возникающее промежуточное состояние между переоценкой ценностей и полаганием новых становится отчетливее, понятнее и не таким пугающим (Heidegger 1993). Таким образом, человек через аналитическое сознание может прийти к истоку новых оценок. Но это еще не возникновение мира с новыми аксиологическими аспектами труда, необходимо произвести переоценку ценностей. Между отрицанием прежних ценностей и полаганием новых существует взвешенное состояние, в котором через аналитику приходит понимание того, что истины в самом человеке нет, но сама истина есть, ее нужно полагать каждый раз заново. Возникает предчувствие, что стремление к истине как к значимому есть стремление к власти, тем самым воля к истине есть воля к власти. Воля к власти как основная черта сущего является одновременно сущностным определением человека. В качестве такого определения воля лежит в основе человеческой формулировки истины. Нигилизм есть обесценивание прежних ценностей и отыскивание новых через волю к власти. Воля к власти, являясь сущим, полагает новые ценности (Heidegger 1993).

Надо понимать, что идея ценности возникает там, где есть точка зрения, расчет. Точка зрения существует только для того, кто наметил точки отсчета и должен с ними считаться (Heidegger 1993). Ницше говорит, что точка зрения «ценности» есть точка зрения условий сохранения и возрастания. Под сохранением и возрастанием понимается сохранение власти, чье возрастание обусловлено условиями. Ценности есть условия, с которыми считается власть. Расчет на возрастание власти есть существо воли к власти. Ценности – это условия возрастания воли к власти, власть никогда не бывает в состоянии покоя. Воля к власти как движущая сила сущего будет толкать человека на постоянное определение ценностей (Heidegger 1993).

Но какие ценности сформирует человек? Для переоценки ценностей нужно исключительное сознание и знание о том, как оно относится к ценностям. Ницше пишет, что ценности являются результатом психологического пересчета (Heidegger 1993). Во время такого подсчета и пересчета ценностей человек сам входит в расчет. Пересчет происходит через волю к власти, которая высчитывает, каким образом ценности могут быть ею оценены и выявлены как значимые. При полагании новых ценностей происходит низвержение не только прежних ценностей, но и их места нахождения. Это означает, что меняются не только ценности, но и сам человек, его сознание. Возникает необходимость не просто в полагании новых ценностей, а в появлении нового принципа полагания. В связи с чем новый принцип полагания ценностей должен происходить из нового усиленного сознания – расчета (Heidegger 1993). Прежние ценности и их принцип полагания был построен на поддержании и возрастании господства человека, что приводило к ложному формированию аксиологических аспектов труда (Heidegger 1993). Таким образом, принцип нового полагания ценностей может установиться только через новое знание о существовании ценностей и условиях их оценки. Для этого нужна высшая осознанность человека, которая поможет произвести переоценку ценностей и полагать новые, тогда произойдет свержение прежних аксиологических аспектов труда и формирование новых (Heidegger 1993).

Для формирования нового принципа полагания ценностей необходимо найти основу, которая даст ориентир в его создании. Перед формированием чего-то нового нужно низвергнуть то, что было до этого. Низвержение прежних принципов полагания ценностей происходит через обесценивание (Heidegger 1993). При этом нигилизм является внутренней логикой эволюционного развития ценностных ориентиров (Heidegger 1993). Стремление человека к свободе и избавлению от тяжелого физического труда привело к технологическому развитию, что стало отрицанием того, что

рутинный труд необходим как способ выживания (Srniczek, Williams 2019). Автоматизация рабочих мест и применение искусственного интеллекта разрушает аксиологический аспект труда, который заключается в идентификации себя в социуме через работу (Klowait, Ерофеева 2019), (Srniczek, Williams 2019). Если нигилизм – это логика эволюционного развития, то автоматизация, через которую человек отрицает и разрушает прежнее отношение к труду, становится точкой отсчета для формирования нового принципа полагания ценностей. При этом робот, искусственный интеллект может заменить человека в промышленности, на производстве, но не может заменить в таких сферах, как:

- творчество;
- исследование и создание нового, предпринимательство;
- разработка роботов, программного обеспечения и их обслуживание;
- социальное взаимодействие, личный контакт, умение чувствовать, сопереживать (социальные работники, педагоги и т. д.);
- работа в изменяющихся условиях (адаптивность), умение нестандартно мыслить и быстро адаптироваться (медики, сотрудники чрезвычайных служб);
- ответственность и управление, умение нести финансовую, юридическую или иную ответственность (топ-менеджмент и близкие по профессии);
- наставничество, передача неявного знания и умение убеждать (научные руководители, священнослужители, спортивные тренеры и т. д.) (Земцев 2017).

Заключение

Таким образом, основой нового принципа полагания ценностей может стать социальная ориентированность и гуманизм, творческая самореализация на благо общества (Srniczek, Williams 2019). На основе данного принципа человек, являясь сущностным определением воли к власти, обуславливающей полагание ценностей (Heidegger 1993), может сформировать новые аксиологические аспекты труда, ориентируясь на творческую самореализацию, направленную на развитие социума.

Аксиологический аспект труда периода модерна, сформированный как способ выживания, в постсовременности трансформировался в аспект, позволяющий идентифицировать человека в социуме. Трудовая этика, возникшая в период модерна, основывалась на моральной установке, согласно которой тяжкий труд должен цениться, а человек обязан проявлять преданность работе. В период постсовременности труд стал способом самовыражения и идентификации в обществе. Автоматизация и роботизация рабочих мест, с одной стороны,

привела к возникновению кризиса аксиологических аспектов профессиональной деятельности, с другой стороны, освободила человека от тяжелого труда и дала возможность для творческой самореализации. Данная ситуация в контексте технологической безработицы привела к формированию аксиологической проблемы, заключающейся в потере способа идентификации человека в обществе и признании его ценности для социума через труд.

При этом, ориентируясь на моральные установки периода модерна, сложно произвести переоценку ценностей труда и пережить кризисы, связанные с вызовами постсовременности. Такая ситуация привела к формированию второй аксиологической проблемы: полагание новых ценностей ориентиров в профессиональной деятельности постсовременности. Для выхода из ситуации необходимо обесценить аксиологические аспекты труда периода модерна через знание о существовании ценностей и условиях их оценки. Для этого необходима высшая осознанность человека, опираясь на которую он сможет сформировать новый принцип полагания ценностей.

Источники фактического материала

Уильямс А., Срничек Н. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. Москва: Strelka Press, 2019. 336 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Москва: Республика, 1993. 447 с.

Библиографический список

Алашеева Р.В. Современные трансформации персональной идентичности в сфере труда: этический аспект // Этика в современной философско-культурологической перспективе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 178–187.

Бауман З. Текущая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.

Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий. Москва: Аст, 2017. 384 с.

Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. № 1. Москва, 1992. С. 109–136. URL: https://imwerden.de/pdf/put_mezhhdunarodny_filosofsky_zhurnal_1_1992__ocr.pdf (дата обращения 02.03.2022).

Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2020. 440 с.

Danaher, J. (2017), Will life be worth living in a world without work? *Technological Unemployment and the Meaning of Life*, DOI: <http://doi.org/10.1007/s11948-016-9770-5>, [Online], available at: <https://>

www.researchgate.net/publication/297897379_Will_Life_Be_Worth_Living_in_a_World_Without_Work_Technological_Unemployment_and_the_Meaning_of_Life (Accessed 02 March 2022).

Земцов С.П. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. №7. С. 142–157. DOI: <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-142-157>.

Кловайт Н., Ерофеева М. «Работа в эпоху разумных машин: зарождение невидимой автоматизации» // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 53–80. DOI: <http://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-1-53-80>.

Герд Л. Технологии против человека. Москва: Аст, 2018. 320 с.

Manyika, J.A. (2018), Future That Works: Automation, Employment and Productivity, *Open Access Library Journal*, vol. 5, no. 9, [Online], available at: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/Digital%20Disruption/Harnessing%20automation%20for%20a%20future%20that%20works/MGI-A-future-that-works-Executive-summary.ashx> (Accessed 02 March 2022).

Новая философская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ПОСТМОДЕРН,_ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ (дата обращения: 01.02.2022).

Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». Москва: Праксис, 2007. 208 с.

Четырова Л.Б. Трансформация труда в постсовременном мире: ресурсы интеграции этнической трудовой культуры (на примере Тувы и Калмыкии) // New Research of Tuva. 2019. Issue 3. С. 77–88. DOI: <http://doi.org/10.25178/nit.2019.3.7>. URL: https://www.researchgate.net/publication/335832314_Transformacia_truda_v_postsovremennom_mire_resursy_integracii_eticneskoj_trudovoj_kultury_na_primere_Tuvy_i_Kalmykii (дата обращения: 02.03.2022).

References

Alasheeva, R.V. (2015), Modern transformations of personal identity in the sphere of work: an ethical aspect, *Ethics in the modern philosophical and cultural perspective: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*, UrFU, Yekaterinburg, pp. 178–187.

Bauman, Z. (2008), *Luquid modernity*, Peter, St. Petersburg, Russia.

Brynjolfsson, E. and McAfee, A. (2017), *The second machines age. Work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies*, Ast, Moscow, Russia.

Welsch, W. (1992), Postmodern. Genealogy and the meaning of one controversial concept, *Path*, no. 1, pp. 109–136, [Online], available at: http://imwerden.de/pdf/put_mezhdunarodny_filosofsky_zhurnal_1_1992_ocr.pdf (Accessed 02 March 2022).

Grebe, D. (2020), *Bullshit jobs: a theory*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Danaher, J. (2017), Will life be worth living in a world without work? *Technological Unemployment and the Meaning of Life*, DOI: <http://doi.org/10.1007/s11948-016-9770-5>, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/297897379_Will_Life_Be_Worth_Living_in_a_World_Without_Work_Technological_Unemployment_and_the_Meaning_of_Life (Accessed 02 March 2022).

Zemtsov, S.P. (2017), Jobs and potential technological unemployment in the regions of Russia: study experience and preliminary assessments, *Economic issues*, no. 7, pp. 142–157, DOI: <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-142-157>.

Klowait, N. and Erofeeva, M. (2019), Work in the era of intelligent machines: the birth of invisible automation, *Logos*, vol. 29, no. 1, pp.53–80, DOI: <http://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-1-53-80>.

Gerd, L. (2018), *Technologies against man*. Ast, Moscow, Russia.

Manyika, J.A. (2018), Future That Works: Automation, Employment and Productivity, *Open Access Library Journal*, vol. 5, no. 9, [Online], available at: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/Digital%20Disruption/Harnessing%20automation%20for%20a%20future%20that%20works/MGI-A-future-that-works-Executive-summary.ashx> (Accessed 02 March 2022).

The New Philosophical Encyclopedia, [Online], available at: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/POSTMODERN,_POSTSOVREMENNOST (Accessed: 01 February 2022).

Habermas, J. (2007), *Technology and science as "ideology"*, Praxis, Moscow, Russia.

Chetyrova, L.B. (2019), Transformation of labor in the postmodern world: resources of integration of ethnic labor culture (on the example of Tuva and Kalmykia), *New Research of Tuva*, Issue 3, pp. 77–88, DOI: <http://doi.org/10.25178/nit.2019.3.7>, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/335832314_Transformacia_truda_v_postsovremennom_mire_resursy_integracii_eticneskoj_trudovoj_kultury_na_primere_Tuvy_i_Kalmykii (Accessed 02 March 2022).

Submitted: 03.09.2022

Revised: 27.11.2022

Accepted: 15.12.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 4

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-44-52

Дата поступления: 01.09.2022
рецензирования: 28.11.2022
принятия: 15.12.2022

Г. Шольц

Рурский университет, г. Бохум, Германия
E-mail: gunter.scholtz@ruhr-uni-bochum.de
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6103-367X>

Являются ли интерпретации текста фикциями?*

Аннотация: в XIX веке филология стала наиболее значимой наукой о человеке после истории, методы интерпретации были усовершенствованы. Однако в XX веке возникли фундаментальные сомнения в возможности и смысле процедуры интерпретации, высказывалась всё более резкая критика. Она была направлена против предпосылки об определенном, неизменяемом значении текстов. Разнообразие интерпретаций, казалось, подтверждало это. Интерпретации могли бы быть названы «фикциями». Однако это принципиальное сомнение в определенности значения текстов противоречит языковой коммуникации в обществе. Эти критики оставляют без внимания тот факт, что существуют очень разные формы текстов и что интерпретации в разных областях культуры преследуют очень разные цели. Чтобы упорядочить спор интерпретаций, целесообразно различать критику и герменевтику: в то время как последняя исследует точку зрения автора, в критике интерпретатору разрешается использовать свою собственную точку зрения. Эти два понятия обычно связываются в процессе интерпретации, но они могут быть разделены в случае спора.

Ключевые слова: интерпретация; жанры текста; значения; фикция; герменевтика; критика; конструктивизм; постмодернизм.

Цитирование: Шольц Г. Являются ли интерпретации текста фикциями? // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 44–52. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-44-52>.

© Шольц Г., 2022 – почетный профессор Рурского университета, GA 3/132, 44801, Германия, Бохум, Университетская улица, д. 150.

© Перевод Нестеров А.Ю., 2022 – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© Перевод Нестерюк Ю.В., 2022 – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

G. Scholtz

Ruhr Universitaet Bochum, Germany
E-mail: gunter.scholtz@ruhr-uni-bochum.de
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6103-367X>

Are text interpretations fictions?*

Abstract: in the 19th century philology became the most important human science following history, and the interpretation methods were refined. However, in the 20th century, fundamental doubts arose about the possibility and the sense of the interpretation procedure, and an increasingly sharp criticism was expressed. It was aimed at the presupposition of a certain, unchangeable meaning of the texts. The diversity of interpretations seemed to confirm that. The interpretations could also be called "fictions". However, this essential doubt about a certainty of the text meaning contradicts the linguistic communication in the society. These

* Оригинальная статья прислана автором на нем. яз., ранее не была опубликована, по решению гл. ред. и с согласия автора осуществлен перевод на рус. яз. А.Ю. Нестеровым и Ю.В. Нестерюк для расширения читательской аудитории.

** The original article was sent by the author in German, it was not published earlier, in accordance with the chief editor's decision and with the author's consent it was translated into Russian by Alexander Yu. Nesterov and Yuliya V. Nesteruk to increase readership.

critics ignore the fact that there are very different forms of texts and the interpretations in different cultural areas pursue very different objectives. It is reasonable to distinguish between criticism and hermeneutics to regulate the controversy of interpretations: while the latter tries to explore the author's perspective, in criticism the interpreter is allowed to bring his own perspective to bear. These two concepts are usually related in the interpretation process, but can be separated in case of controversy.

Key words: interpretation; text genres; meaning, fiction; hermeneutics; criticism; constructivism; post-modernism.

Citation: Scholtz, G. (2022), Are text interpretations fictions?, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 44–52, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-44-52>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Scholtz G., 2022** – Emeritus Professor, Ruhr Universitaet Bochum, GA 3/132, 150, Universitätsstraße, Bochum, 44801, Germany.

© **Translation Nesterov A.Yu., 2022** – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Translation Nesteryuk Yu.V., 2022** – Candidate degree in Philology, Associate Professor, Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Почему появились интерпретации?

На протяжении значительного времени в публикациях гуманитарных факультетов мы встречаем различные формы критики, адресованные интерпретации текста как методу. Этот метод подвергается критике в связи с тем, что стремление разъяснить заложенный «смысл» текстов якобы приводит к произвольным утверждениям, и порой речь начинает заходить о «фикциях». Это удар по ядру гуманитарных наук, поскольку они занимаются преимущественно текстами, зафиксированными с помощью языка, и, как науки, должны претендовать на истину. Поэтому сначала следует кратко вспомнить, почему вообще появились интерпретации, которые сегодня считаются «вторичной литературой».

Подвергаться интерпретации всегда должно было то, что не было понятным непосредственно, но должно было быть понято. Это всегда относилось к текстам, которые составляли основу определенного общества и гарантировали его сплоченность и дальнейшее существование. В странах Запада эту функцию выполняли, прежде всего, письменные свидетельства из области религии и права. Однако и Библия, и римское право представляли собой сложные текстовые формы, дистанция между временем их возникновения и современностью постоянно увеличивалась. Это легко могло приводить к непониманию и к спорам относительно нормативного смысла текстов. Поскольку основы культуры должны быть непоколебимы, именно в этих областях и возникали интерпретации, которые письменно фиксировали то, что подразумевалось в основополагающих текстах. Чтобы сделать правильное понимание как таковое возможным, принципы и правила процедуры понимания обобщались в отдельные

учения об интерпретации, позже названные «герменевтикой».

С эпохи Возрождения возрос интерес к античной философии и литературе, и здесь также не всегда было возможно непосредственное понимание. Эти древние произведения изучались потому, что от них ждали истины и они были необходимы для собственной культуры. Эти тексты нужно было сделать понятными, то есть их нужно было проинтерпретировать. Наконец, когда благодаря книгопечатанию становятся доступными научные работы из самых разных дисциплин, которые обучающимся не всегда было легко понять, с XVII века начинается составление общих учений об интерпретации, содержащих – часто в качестве дополнения к логике – правила верного понимания и истолкования теоретических или исторических текстов. Они были сконцентрированы на работе с трудными для понимания понятиями, высказываниями или отрывками текста и содержали рекомендации о том, каким образом можно с этими трудностями справиться.

С XVIII века возрастает интерес к поэзии и литературе в целом, принадлежащей в том числе и чужим культурам, с ростом множества доступных текстов возрастает и количество труднодоступного для понимания. Одновременно увеличивается количество требований к правильному пониманию: необходимо проследивать все нюансы поэтического произведения, как это сформулировано у И.Г. Гердера. Библия и греко-римская литература по-прежнему имеют наибольший вес для самопонимания культуры, и поэтому классическая филология в XIX веке становится значимой гуманитарной наукой, к которой вскоре присоединяются новые филологические дисциплины. В этом контексте герменевтика, или учение об интерпре-

тации, становится филологической дисциплиной, но такой, которая задействует философию своего времени.

Значимым теоретиком интерпретации в XIX веке был филолог Август Бёк, который пытался обосновать интерпретацию и понимание текстов в качестве научной деятельности. В своей «Энциклопедии и методологии филологических наук» он объяснял: «Понимание [...] по сути своей является деятельностью рассудка, хотя и воображение в ней также обязательно должно быть задействовано. Оно требует объективности и восприимчивости; чем выше степень субъективности и сфокусированности человека на самом себе, тем более ограничена его способность к пониманию» (Voeskh 1966, S. 76). Сегодня большинство теоретиков науки, вероятно, сформулировало бы этот тезис аналогичным образом и в отношении естественных наук, поскольку общее убеждение заключается в том, что во всех науках необходима в том числе и живая способность воображения, чтобы, например, иметь возможность формулировать плодотворные гипотезы.

Метод интерпретации для филологов, таких как Бёк, был научным методом по следующим причинам: 1) он обращается к собственной предметной области, у него есть эмпирическое содержание; 2) он не является произвольным, но следует определенным правилам, которые Бёк привёл в систему; 3) он направлен на поиск и установление связей и не ограничивается установлением изолированных фактов; 4) как и все другие науки, он использует определенные принципы («идеи») для распознавания связей; 5) его способ познания, как во всех эмпирических науках, представляет собой только способ приближения к объекту как в экстенсивном плане, так и в интенсивном (то есть он обеспечивает расширение перспективы и увеличение точности понимания текстов); 6) его результаты могут быть проверены, они нацелены на интересующую валидность. К правильному интерпретированию относится и коммуникация интерпретаторов. Таким образом, ранг в царстве наук у филологии ничуть не ниже, чем, например, у физики. Для общества она не менее важна, нежели естествознание. Ведь филология, делая понятными свидетельства прошлого, точно так же служит пониманию и коммуникации в настоящем. В контексте этой культуры учёности в области философии возникли издания и переводы античной классики, сегодня считающиеся образцовыми.

Если для филологов XIX века их методическая работа, несомненно, относилась к сфере науки, то в XX веке ни неопозитивизм, ни Мартин Хайдеггер с Гансом-Георгом Гадамером такую точку зрения уже не принимали. Для неопозитивистов Венского кружка филологические методы не были истинно научными. А для Хайдеггера та филоло-

гия представлялась *слишком* научной, потому что он считал, что «наука не мыслит». Он видел в научном методе объективацию и овеществление культурного наследия, которые искажали его значение, обессиливали его и приводили к релятивизму. Поэтому его ученик Гадамер в своей философской герменевтике 1960 года разрабатывал уже не теорию метода, а теорию традиции. Интерпретации должны иметь целью не истинные высказывания о традиции, но истина *самой* традиции должна быть приведена в действие. Гадамер отказался от идеи константного смысла текста, отстаивая «историчность понимания» и тем самым тезис о том, что понимать означает «понимать всегда иначе».

Практически в это же время в рамках литературоведения началась принципиальная критика *всех* методов интерпретации, критика, которая в итоге даже привела к утверждению, что интерпретации – это лишь фикции.

Примеры критики интерпретаций

Первые нападки на интерпретирование как таковое имели место не в дисциплинах, исследующих литературу иностранных языков и культур, они формулировались в основном в рамках новых филологий, которые занимались собственной национальной литературой. Я кратко приведу три примера обоснования критики, по каждому из которых я выскажу свою точку зрения.

а) Первая и наиболее известная критическая работа была опубликована Сюзен Зонтаг в 1960-х годах (Sontag 1966). По ее словам, интерпретации проецируют на литературные тексты глубокий смысл, который вовсе не возникает при их прочтении. Эти произвольные проекции приводят к тому, что упускается самое важное – эстетический характер литературы. Они заменяют эстетическое переживание психологическими или социологическими идеями, помещаемыми на задний план текстов. Вместо таких фикций следовало бы описывать эстетическую форму. Сразу становится ясно, что здесь подвергаются критике не интерпретации, которые в смысле классической герменевтики стремятся преодолеть недоступное непосредственному пониманию, но те, что дают литературным произведениям оценку.

Критика Зонтаг отчасти справедлива. Тем не менее она не затрагивает всей области. Ведь хорошие интерпретации никогда не выносили за скобки эстетический характер литературных текстов, а описания невозможно точно отделить от интерпретаций (поскольку и они посредством своего языка показывают тексты в определённом свете). Кроме того, необходимо принимать во внимание, что некоторые литературные произведения содержат и передают определенное послание, не формулируя его эксплицитно. В таких случаях интерпретатор может или должен указывать и на него.

Чем менее прямо в художественном произведении осуществляется сообщение той или иной мысли, тем осторожнее должен быть в формулировках интерпретатор. Мне, например, отнюдь не представляется неправомерным обнаружение социальной критики в некоторых литературных сказках Ганса Кристиана Андерсена. В целом, не стоит запрещать социологические и психологические интерпретации, но всегда следует с предельной ясностью уточнять, сознательно ли авторы вложили эти аспекты в свои произведения, или же они распознаваемы только с позиции интерпретатора.

б) Намного более решительной является критика метода интерпретации, предпринимаемая в рамках так называемого радикального конструктивизма и опирающаяся на когнитивные науки. В то время как Сьюзен Зонтаг подразумевает эстетический характер литературы в качестве данности, конструктивизм отрицает все данности, объявляет их читательскими конструкциями и утверждает: если все интерпретации, претендующие на научность, исходят из предданного смысла и константного значения языковых форм, то они практикуют совершенно неоправданную «онтологизацию», т.е. они утверждают сущности, объекты там, где их нет. Мы не вправе полагать, что определенная устойчивая информация может быть передана от отправителя к получателю. Такое полагание ведёт к утрате устойчивой референции интерпретаций, и, следовательно, более нет возможности отличить истинные интерпретации от ложных. Представитель этого направления резюмирует: «Представляется неизбежным, что невозможно установить, является ли интерпретация «корректной». Неважно, сколько родственных текстов мы привлекаем, и неважно, сколько толкований других читателей, критиков или ученых мы интерпретируем, мы никогда не сможем установить *одно*, единственно истинное значение текста, и уж точно не то, которое соответствует значению, подразумеваемому автором» (Glasfeld 1987, S. 96). Поскольку любое прочтение и любая интерпретация всегда зависят от конкретного читателя и соответствующего ему контекста, два читателя никогда не дадут одинаковой интерпретации, более того, каждый читатель в разные моменты времени будет читать и интерпретировать по-разному.

Радикальность этого тезиса, однако, ограничивается признанием того факта, что тексты задают определенные ориентиры для конструирования значения и что тексты и акты их чтения разворачиваются в рамках определенных конвенций. Это смягчает радикальность конструктивизма, поскольку он исходит не из того, что и эти ориентиры и конвенции – лишь субъективные конструкции, но из того, что они заданы непреложно. В общем, не понятно, как эта философия превращает весь мир в продукт мозга, а сам мозг рассматривает как

некую абсолютно неизменную величину, объективно истинностное знание о которой нам может дать физиология мозга и когнитивные науки.

Если бы этот тезис был верен в своей радикальной форме, то коммуникация в обществе, а значит, и трансляция конструктивистского взгляда на мир были бы невозможны. Однако в повседневной жизни мы имеем дело с полной противоположностью утверждениям конструктивизма. Инструкции по эксплуатации, прилагаемые к техническим изделиям, таким как пылесосы, сегодня для мирового рынка часто пишутся более чем на 20 языках, и они должны быть поняты везде, где люди хотят использовать эти устройства. Тот же факт, что поэтические и философские произведения можно интерпретировать по-разному, является в гуманитарных науках само собой разумеющимся. Фридрих Шлегель пояснял, что классическая литература всегда должна читаться и интерпретироваться заново, потому что никакая интерпретация никогда не может полностью исчерпать ее смысл. Вплоть до сегодняшнего дня большим преимуществом является возможность прочесть многие разные интерпретации классических, но отнюдь не всегда простых для понимания произведений, таких, например, как произведения Джеймса Джойса. Литературное произведение имеет множество аспектов и поэтому может рассматриваться с разных точек зрения.

Проблемой остаётся то, что иногда две интерпретации противоречат друг другу. В немецкоговорящем ареале в этой связи часто упоминается спор между литературоведом Эмилем Штайгером и философом Мартином Хайдеггером. Один сказал, что в стихотворении Эдуарда Мёрике «*Auf eine Lampe*» слово «*scheint*» в последней строке означает «кажется» («кажимость» как противоположность истине), а второй утверждал, что это слово означает «*leuchtet*» («светит»). Один известный теоретик науки увидел в этом проявление проблематического характера гуманитарных наук, в которых нельзя прийти к общезначимым результатам познания. Но это не убедительно. Все интерпретаторы согласны с тем, что немецкое слово «*scheinen*» двусмысленно, и можно предположить, что Мёрике стремился именно к этой двусмысленности. В физике также существуют неоднозначности и двусмысленности, например, свет можно интерпретировать как волну и как частицу материи; по этому поводу также велись споры, пока не было достигнуто соглашение о двух возможных интерпретациях. Но в физике и сегодня есть нерешенные спорные моменты. Физик Сабина Хоссенфельдер объяснила, что современная физика в целом больше не прогрессирует, потому что занимается поиском теорий, которые математически красивы и элегантны, за счёт чего могут не соответствовать реальности (Hossenfelder

2018). Мы можем видеть, что естественные науки работают на основе предпосылок, разделяемых не всеми. Герхард Плумпе показал, что вышеупомянутый спор о слове «scheinen» возник таким же образом (Plumpe 2014). Несогласие и противоречия являются неотъемлемой частью науки. И в физике порой имеет место конкуренция нескольких интерпретаций, например, в квантовой теории. (Популярной стала так называемая копенгагенская интерпретация квантовой механики.)

в) Еще более радикально, нежели радикальным конструктивизмом, интерпретации текстов критикуются постмодернистской философией. В то время как конструктивизм опирался в первую очередь на физиологию мозга, постмодернистская философия является или являлась, скорее, врагом рациональности и тем самым естественных наук. Но и она объявляет о невозможности научных интерпретаций, оспаривая в качестве заблуждения предпосылку о смысле и значении. Именно это сделал Жак Деррида, отталкиваясь от теории языка Фердинанда Соссюра. (В дальнейшем я опираюсь на очень четкое изложение позиции Деррида Акселем Шпрее (Spree 1995, s. 143–145).) Для Соссюра все языковые знаки – как единства звука и представления – обладают значением только через их отношение к другим знакам, не к реальным вещам. Поскольку для Деррида система языка не ограничена, но открыта, каждый знак (можно сказать, каждое слово) находится в изменяющихся отношениях с бесконечным множеством других знаков и, таким образом, теряет всякое устойчивое значение. Язык – текучая стихия, в которой ничто не может обрести устойчивости. Поэтому бессмысленно пытаться зафиксировать некоторый определенный смысл с помощью интерпретации. Следовательно, те, кто интерпретирует, создают только фикции, которые никогда не достигают смысла текста, потому что его просто не может быть.

Как для конструктивизма, так и для Деррида каждый акт чтения уже является интерпретацией. Но его позиция ещё более радикальна. Ведь конструктивисты были убеждены, что в голове или мозгу автора возникают определенные смысловые конструкции, хотя они и не достижимы для читателей. У Деррида, однако, в запутанном потоке языка ни один автор, на самом деле, не может зафиксировать значение, о котором вообще можно было бы спросить в акте интерпретации. Такое мышление, такая критика, всегда должны дезавуировать сами себя, ставить себя под вопрос. Ввиду своих предпосылок эта философия даже не может быть адекватно передана и понята, поэтому здесь я могу лишь попытаться дать представление об основаниях этой критики интерпретации, критики, которая в течение некоторого времени вносила очень много беспокойства в гуманитарные науки.

Уже Сьюзен Зонтаг сочетала свою критику произвольности интерпретаций с квазиэтическим упреком в том, что они перекрывают и маскируют литературные тексты собственными размышлениями, и это приводит к тому, что ускользает эстетический характер этих текстов. Деррида в разговоре с Гадамером сформулировал свой этический упрек более резко, когда сказал, что понимание есть выражение воли к власти. Это была ссылка на Ницше. В другой работе я уже разъяснял, что Ницше мог бы сказать только, что *интерпретирование* демонстрирует волю к власти, потому что в *понимании* он видел акт приспособления и подчинения (Scholtz 2015). Для Деррида эти понятия невозможно разграничить, и ему следовало бы добавить, что и говорение выдаёт волю к власти. Ведь всякое говорение пытается зафиксировать в языке некоторый смысл, определить нечто текущее, а это было для него метафизикой. Но он хотел поставить под сомнение центральное понятие понимания Гадамера и сделать его непригодным. А это, на мой взгляд, было проявлением воли к власти в гораздо большей степени, нежели слушание и понимание.

Общие черты и последствия критики

Конечно, эта критика имела свои последствия. В трёх приведенных примерах прослеживается одна общая тенденция: уход от текстов и их авторов и обращение к читателям, которые конструируют или деконструируют. Понятия, которые раньше обозначали средоточие философии, метафизика и онтология, превратились в данном контексте в бранные слова и могут использоваться в отношении всего того, что объявляется изъятым из распоряжения индивида и преданным ему. Сьюзен Зонтаг ещё вступалась за литературу, которая должна быть прочитанной и пережитой. Однако позже, после того как новые философские авторитеты заявили, что тексты не обладают никаким определённым смыслом, фактически пропадает мотив к их внимательному прочтению и изучению. Тексты превратились в поводы для свободной игры ассоциаций. Умберто Эко, обращаясь к другому сравнению, писал: «Если тексты не имеют определенного смысла, то каждый акт чтения похож на пикник, для которого автор только предоставляет блюда, а читатель приносит меню» (Eco 1992, S. 71–73). Любопытно, что книги именно из сферы влияния постмодернизма часто очень объёмны, в то время как основные положения этой философии требуют собственно молчания. Радикальная критика интерпретации не только хоронит всё знание о прошлом, основывающееся в значительной степени на языковых документах, на письменных и устных сообщениях, превращает его в фикцию, но и делает невозможной коммуникацию в настоящем. Если

адекватное понимание невозможно, то и говорить бессмысленно.

Однако споры о постмодернистской философии уже ушли в прошлое. С тех пор как на большой сцене политики заговорили об «альтернативных фактах» и *фейковых новостях*, постмодернистская критика понимания и истины смолкла.

Различные формы интерпретации

Основная проблема спора об интерпретациях заключается в том, что каждая интерпретация текста приводит к появлению нового текста и сообщает о том, что непосредственно не прочитывается в тексте. Это приводит к вопросу о том, как второй текст соотносится с первым и возможны ли вообще истинные утверждения о языковых выражениях. Ответ на этот вопрос, как показывают разные формы критики, в существенной степени зависит от решения вопроса о смысле текстов. Если различать только текст и интерпретацию, то создается впечатление, что правила дорожного движения включают в себе не больше смысла, нежели стихи дадаизма, занятые игрой только со звуками речи. Чтобы обсуждать опасность фикций, необходимо сначала провести различие между типами текстов и функциями интерпретаций. Здесь это возможно лишь в некоторой степени.

В юриспруденции интерпретирование происходит двумя совершенно разными способами. Историк права пытается с филологической и исторической точностью объяснить смысл и функцию старых законов. Он стремится к знанию, претендующему на историческую достоверность. Судья, напротив, должен интерпретировать действующие законы, чтобы правильно применять их к конкретным ситуациям. Поскольку законодательство не может учесть все возможные случаи, судье время от времени приходится продуктивно истолковывать и расширять смысл закона, он должен дополнять закон посредством его применения (часто обсуждаемая проблема в юриспруденции). Только посредством правильного применения смысл закона становится в полной мере очевидным. Если историк права полностью упускает смысл старых текстов, его интерпретацию можно назвать фикцией. Но если судья не истолковывает смысл закона при его применении, но полностью переинтерпретирует его, то его обвиняют в правонарушении, и это преступление.

В богословии ситуация аналогичная, хотя и более сложная, поскольку здесь исторический текст всё еще считается действующим. И здесь экзегет или интерпретатор в рамках историко-критического исследования нацелен на знание формы, смысла и функции определенных текстов, с которым могли бы согласиться все толкователи. Однако священнослужитель в религиозной общине истолковывает библейские тексты в све-

те применения к ситуации в его общине, и его толкование будет соответствовать соответствующей конфессии и способности его прихожан к пониманию. Он не стремится (или стремится не только) сообщить что-то истинное *об* изначально подразумевавшемся смысле текста, но донести до слушателей неизменную истину *самого* текста в том виде, в котором, как ему кажется, она важна для прихожан в данный момент. Между этими подходами к тексту могут возникать серьёзные противоречия. Историко-критическое исследование Библии с его интерпретациями поколебало некоторые теологические догмы, показав их обоснование в Библии в качестве заблуждения, в качестве некоторой фикции. Иногда интерпретации не порождают фикции, а разрушают их. (Этот опыт в конечном итоге даже привел теолога Франца Овербека (1837–1905) к убеждению, что всякая научная теология разрушает христианство. Ранее подобным образом были подвергнуты нападкам со стороны исторических исследований убеждения относительно гуманной, классической культуры Античности. Именно по этой причине Хайдеггер и Гадамер отвергли историко-критический метод филологии. Гадамер в своей философской герменевтике руководствовался исключительно деятельностью судьи и священнослужителя. Этот подход сразу же спровоцировал критику со стороны историков права, филологов и представителей традиционной герменевтики.)

И в историографии интерпретация осуществляется двумя способами, и можно даже утверждать, что всегда (как показал историк Густав Дройзен). Сначала, как и в филологии, необходимо выяснить смысл языковых источников, а затем, из извлечённой таким образом информации составить путём интерпретации относительно целостную картину прошлого. Первая интерпретация обычно не вызывает споров, поскольку реальность, тексты, находятся перед глазами, и только выводы могут быть разными. Но вторая, собственно историческая интерпретация, часто приводит к спорам, потому что прошлое не дано, но только реконструируется исторической наукой. Здесь можно легко прийти к упреку в том, что всё целостное изображение – это не столько история, сколько поэзия, фикция. (Таково, например, заключение, к которому пришел Гайдн Уайт в своей книге об историографии XIX века, вызвавшей немало критики (White 1973).)

Как известно, в гуманитарных науках интерпретации могут извлекать из исходных текстов нечто такое, что открывает совершенно новые перспективы и даже оказывает сильное влияние на определенные области культуры. Примером может служить книга теолога Карла Барта «*Послание к Римлянам*» 1919 г., положившая начало так называемой «диалектической теологии». При

актуализации текстов формулируются мысли, которые в таком виде в произведениях не прочтешь, но которые вызывают большой резонанс в настоящем. Для Гадамера это и есть правильный подход к пониманию, но именно здесь, конечно, таится опасность фикций. Карл Барт по этой причине обратился к Рудольфу Бультману, занимавшемуся историко-критическими исследованиями, с просьбой критически проанализировать его книгу о Послании к Римлянам. Чтобы правильно обращаться с продуктивными – а не только репродуктивными – интерпретациями, на мой взгляд, необходимо разграничивать два вопроса. Вопрос о том, правильно ли понят смысл текстов, отличается от вопроса о том, является ли действительно истинным или значимым то, что излагает продуктивная интерпретация. Например, можно предположить, что кто-то придёт к следующему выводу относительно интерпретаций Гёльдерлина Мартином Хайдеггером: не все представленные мысли принадлежат Гёльдерлину, и в качестве интерпретаций они отчасти являются фикциями, но они интересны как философия самого Хайдеггера. На мой взгляд, такое разграничение несколько упорядочивает безрезультативный спор и хаос интерпретаций.

Заключение

Путь назад как выход

Чтобы провести такое разграничение, нужно, конечно, придерживаться того, что тексты, как правило, имеют смысл и что они не упали с неба подобно дождю, но были написаны людьми с определенным намерением. Поэтому нельзя отказываться от идеи авторства, как это делал постмодернизм, как и от понятия целого. По мнению Мишеля Фуко, значимость автора – современное изобретение, поскольку до XVII века авторы играли роль только в науке, но никак не в литературе. Но это не так. Знаменитая книга Томаса Мора «Утопия» не относится к сфере науки, но она была опубликована под его именем в 1516 году. Попытки разрешения всё еще спорного, но актуального и сегодня вопроса о том, является ли это произведение серьёзно задуманной социальной утопией или же только примером литературной иронии, осуществляются путём анализа авторской позиции и целостной структуры книги. Никогда не были незначимыми вопросы о том, кем написаны античные трагедии и Евангелия Нового Завета, кто был автором новых концепций в философии и теологии, так как последние подлежали государственной или церковной цензуре. Анонимность некоторых произведений отнюдь не свидетельствует о безразличии к авторству, а зачастую является лишь проявлением страха авторов перед преследованием и наказанием. Еретическая атака на три монотеистические религии «*De tribus impostoribus*» («Трактат о трех самозванцах» –

имеются в виду Моисей, Иисус и Мухаммед) долгое время вообще не могла появиться в печати, что произошло лишь в 1753 году без указания авторства. Главное произведение Спинозы, его «Этика», была опубликована только в 1677 году анонимно, уже после его смерти, так как церковь и государство не терпели пантеистических мыслей.

Незнание автора в некоторых случаях затрудняет понимание текстов. Поскольку мы совсем ничего не знаем о Лао-цзы (или *Лао-дэ*), предполагаемом авторе знаменитого «*Дао дэ цзин*» (или «*Дао-дэ-кин*»), спор может возникнуть, например, по вопросу о том, что это вообще за текст: действительно ли он задумывался как философия или мировоззрение для всех людей или же он был написан как учение и помощь для правителя? От ответа на этот основополагающий вопрос зависит то, как следует понимать и оценивать отдельные высказывания в данном тексте. В то время как Роланд Барт провозглашал «смерть автора», то есть его абсолютную незначимость, во многих случаях исследователи были бы рады знать об авторстве текстов хоть что-то. Ведь от этого зачастую зависит решение о том, к какому жанру принадлежит текст, идёт ли речь об историческом сообщении или о поэзии, о пародии или о философской рефлексии и т.д. Тот, кто хочет понять текст, должен знать жанр, тип текста, потому что иначе текст будет прочитан и понят, возможно, неверно. Выбор жанра уже раскрывает намерение, интенцию автора. Умберто Эко объяснял, что *intentio auctoris*, интенция автора, не может быть установлена с окончательной достоверностью; необходимо принимать во внимание *intentio operis*, интенцию произведения, чтобы ограничивать произвол интерпретаций. Но поскольку литературные произведения создаются людьми, не представляется убедительным тезис о том, что интенция произведений исходит из них самих, подобно цветам из растения. Интенции, осознанные намерения, всегда подразумевают некоторое сознание.

Именно поэтому в последнее время наблюдается возвращение к автору (Schaffrick, Willand 2014), тем более что, предположительно, и все продукты постмодернистских интерпретаторов должны быть поняты, а не подвергнуты деконструированию. Это возвращение к автору ведёт в том числе и к разделению герменевтики и критики, наиболее последовательно осуществлённому в XIX веке уже упомянутым в начале филологом А. Бёком, и полностью подтверждённом в XX веке, например, Э.Д. Хиршем. Как уже было сказано, такое разделение требует методического разграничения двух вопросов: о том, что думал и хотел автор, и о том, что думаем *мы*, интерпретаторы, в отношении его текста. Герменевтика концентрируется, насколько это возможно, на горизонте автора и пытается определить, какой жанр текста он выбрал, какое

намерение он преследовал, какими образцами руководствовался, в какой ситуации писал, какой отпечаток накладывал на него язык его окружения, реагировал ли он и как именно на определенные вопросы и проблемы своего времени, свойственны ли ему – как, например, Сократу – иронические высказывания и т.д. Иначе дело обстоит с критикой. Здесь встают вопросы о воздействии текста и о его рецепции, о его значимости в период, когда он был написан и опубликован, о реакции на него и его значении в настоящем, о его эстетическом качестве или истинности для нас; критика может обращаться к социологическим и психологическим факторам. Уже в XVIII веке подчеркивалось, что невозможно заглянуть во внутренний мир другого человека, и поэтому интерпретация никогда не может полностью передать мышление, чувства и стремления автора. Критика, однако, может сформулировать утверждения, которые для самого автора были невозможны, например, о его влиянии на будущие поколения. Поэтому Фридрих Шлегель и Шлейермахер требовали, чтобы исследователь старался понять автора сначала так же хорошо, как он сам себя понимал, а затем – лучше. Это две линии вопросов, которые следует сначала разграничивать, а затем объединять. В обеих областях контекст имеет разный объём. В случае герменевтического вопроса об интенции автора контекст ограничивается областью опыта автора. Критика же может принимать во внимание всё, что служит позиции интерпретатора, что помогает ему оценить значение текста. Если постмодернистские теории исходили из безграничности контекста и таким образом обосновывали неопределенность текста, то тем самым они смешивали перспективу автора с перспективой, доступной исключительно интерпретаторам.

Мишель Фуко в своей критике традиционных интерпретаций говорил, что автор не имеет никакого значения, что важными являются только вопросы: «Каковы условия существования этого дискурса? Откуда он берется? Как он может распространяться, кто может его себе присвоить? Как в нём распределены места возможных тем?» (Foucault 1988, s. 31). Но можно ли установить что-то о происхождении дискурса и о его рецепции, если ничего не известно об авторах и об их положении в обществе? Осмысленно вопросы Фуко можно задавать и на них отвечать только тогда, когда наличествует хотя бы приблизительное понимание текстов. Но для этого часто необходимы знания об авторе. Кому интересно задаваться вопросом о происхождении и распространении абсолютно непонятых текстов, да и кто вообще смог бы такое сделать?

Традиционная герменевтика ни в коем случае не исходила из того, что понять можно *всё* и понять полностью, как это было представлено в

критике. Напротив, теоретики герменевтики, такие как Фр. Шлегель, Шлейермахер, Бёк и другие, говорили, что понимание и интерпретирование, особенно значимых произведений, всегда есть незавершаемый процесс приближения, что всегда есть границы понимания. В этом отношении они совпадают с представителями естественных наук, которые тоже не претендуют на достижение окончательной истины. Бёк добавлял, что человек обычно не всегда понимает даже самого себя.

Американская *литературная критика* не разграничивает герменевтику и критику, а Гадамер даже не считает такое разграничение возможным. Но уже в академических диспутах Средневековья можно распознать принцип их разделения. Ритуал диспута требовал от оппонента сначала своими словами изложить тезис своего визави и только после этого представить свои возражения и контраргументы. Предпосылка была в следующем: чужое языковое высказывание можно настолько достоверно изложить своими словами, что озвучивший его согласится с этим изложением. В поэзии это, однако, невозможно, но и здесь разграничение целесообразно, таким образом авторский текст остается отличимым от интерпретации. Мы убеждены, что способны делать истинные высказывания о вещах из сферы нашего опыта, с которыми каждый будет согласен. Так почему же должно быть невозможным то, что мы в состоянии делать истинные высказывания о языковых выражениях, которые являются такой же частью нашей действительности, как и мебель в нашей квартире? Если же устная речь или письменный текст не совсем понятны, и мы не можем спросить автора, тогда нам приходится интерпретировать. Это может быть сделано хорошо или плохо. Несомненно, среди толкований можно найти и чистые фикции.

Конечно, не всегда существуют чёткие критерии, и поскольку именно литературные тексты содержат в себе множество перспектив, возможны и целесообразны различные интерпретации этих текстов. Они могут привлечь внимание к тем аспектам, которые читатель легко упустит. Но это должны быть такие аспекты, существование которых можно продемонстрировать на основе текста. Приведу пример. И *научно-фантастическая* литература, и исторические романы обязаны своим существованием продуктивному воображению авторов; первая не ставит себе целью предсказать будущее в виде научного прогноза, вторые не претендуют на историческую истину. Тем не менее, обе обозначают действительность. Станислав Лем отталкивался от опыта технического развития в своем настоящем, а Вальтер Скотт при написании *«Айвенго»* черпал вдохновение в историографии. Эта двойственность, это парение между реальностью и фикцией, эта игра фантазии характеризует объ-

активное свойство этой литературы и может проявляться самым различным образом. Если при интерпретации её полностью игнорировать, то будет утрачена важная перспектива.

References

- Boeckh, A. (1966), *Enzyklopädie und Methodenlehre der philologischen Wissenschaften*, hrsg.von Ernst Bratuscheck, Darmstadt, Germany.
- Eco, U. (1992), *Zwischen Autor und Text, Interpretation und Überinterpretation*, München, Germany.
- Foucault, M. (1988), *Was ist ein Autor? Schriften zur Literatur*, Frankfurt/Main, Germany.
- Glasfeld, E. (1987), *Wissen, Sprache und Wirklichkeit. Arbeiten zum radikalen Konstruktivismus*, Braunschweig, Wiesbaden, Germany.
- Hossenfelder, S. (2018), *Das hässliche Universum, Warum unsere Suche nach Schönheit die Physik in die Sackgasse führt*, Frankfurt/Main, Germany.
- Plumpe, G. (2014), *Eduard Mörikes Gedicht Auf eine Lampe im Wettstreit der Hermeneutik, DIALOG*, no. 1, pp. 7–18.
- Schaffrick, Matthias, Willand, Marcus (Hg.) (2014), *Theorien und Praktiken der Autorschaft*, Berlin, Boston, Germany.
- Scholtz, G. (2015), *Die postmoderne Angriff auf die Hermeneutik, Poetics and metaphysics of artistic statement: Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of Doctor of Philology, Professor Nikolai Timofeevich Rymar*, Samara, pp. 113–132.
- Sontag, S. (1966), *Against interpretations and other essays*, New York, USA.
- Spree, A. (1995), *Kritik der Interpretation, Analytische Untersuchungen zu interpretationskritischen Literaturtheorien*, Paderborn, Germany.
- White, H. (1973), *Metahistory, The historical imagination in nineteenth-century Europe*, Baltimore, London, UK.

Submitted: 01.09.2022

Revised: 28.11.2022

Accepted: 15.12.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 8

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-53-58

Дата поступления: 02.10.2022
рецензирования: 06.11.2022
принятия: 06.12.2022

О.А. Журавлева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: zhuravchic@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5515>

Принцип историзма как аспект романного мышления

Аннотация: статья посвящена особенностям реализации принципа историзма в европейской литературе в эпоху модерна. Интеллектуальное поле рубежа XVIII–XIX вв. характеризуется зарождением так называемого «чувства истории», интенсивной трансформацией отношений прошлого и настоящего, оформлением новой исторической концепции, включающей идеи отсутствия единой формулы хода истории, прогресса и линейной концепции времени, принципиальной историзацией представлений о человеке, обществе, культуре, становлением философии истории и исторической науки. Центральным философским понятием в эпоху романтизма является идея развития, при этом открытость изменениям рассматривается в качестве сущностной характеристики как человеческой личности, так и исторического процесса. Опираясь на представления о прошлом как об автономном и инаковом по отношению к настоящему, принцип историзма выдвигает требование познавать прошлое в его собственных категориях. В этой связи рассматривается исследовательская функция романа, который оказывается наиболее подходящей для экспериментов по реконструкции быта и нравов исторической эпохи формой. Ориентированный на незавершенную действительность, роман изображает историческую эпоху как незамкнутую, но находящуюся в тесной связи с современностью. Отдельное внимание уделяется проблеме мимесиса в романе и историографическом жанре.

Ключевые слова: модерн; история; исторический роман; романтизм; М.М. Бахтин; У. Годвин.

Цитирование: Журавлева О.А. Принцип историзма как аспект романного мышления // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 53–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-53-58>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Журавлева О.А., 2022 – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

O.A. Zhuravleva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: zhuravchic@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5515>

Historicism as an aspect of novel thinking

Abstract: the article deals with the peculiarities of implementing the historicism principle in modern European literature. Intellectual field at the turn of the 18th-19th centuries is characterized by the emergence of the so-called "sense of history", the intensive transformation of the past - present relationship, the formation of a new historical concept, arguing that there is no universal formula for the historical process, progress and the time linear concept, the fundamental historicization of ideas about human, society, culture, the formation of the philosophy of history and historical science. In the romanticism period the idea of development is the central philosophical concept, while openness to changes is considered as an essential feature of both the human personality and the historical process. Based on the idea of the past as autonomous and different from the present, the historicism principle puts forward the requirement to learn the past in its own categories. In this regard, the novel research function is considered, that turns out to be the most appropriate form for experiments in the reconstruction of the life and customs of the historical period. Focused on unfinished reality, the

novel portrays the historical period as not closed, but in close relation to the present. Special attention is paid to the mimesis problem in the novel and historiographical genre.

Key words: modern; history; historical novel; romanticism; M.M. Bakhtin; W. Godwin.

Citation: Zhuravleva, O.A. (2022), Historicism as an aspect of novel thinking, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 53–58, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-53-58>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Zhuravleva O.A., 2022 – postgraduate student of the Russian and Foreign Literature and Public Relations department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Эпоха модерна отмечена закономерной трансформацией исторического мышления и ростом интереса к историческому прошлому, понимание которого в качестве отделенной от современности эпохи складывается к XVIII в. В начале XIX в. на смену рационалистическим и метафизическим концепциям приходят идеи исторической закономерности, формируется представление о динамике исторического процесса. История, по выражению Г. Лукача, становится «массовым переживанием». Полемика о сравнительных достоинствах античности и современности, тянувшаяся с первой трети XVII в. до начала XIX в. и нашедшая наиболее яркое воплощение в «Споре древних и новых» во Франции, но также выразившаяся в локальных эстетических дискуссиях в Италии, Германии, Британии, России, Польше, свидетельствует о том, что прошлое получило наконец свою историческую огранку: в историческом времени обнаружилось некоторые разрывы, история перестала восприниматься в качестве непрерывного линейного процесса. Вместе с тем рост автономии личности, зарождение демократических общественных институтов, развитие науки и распространение буржуазных отношений стали мощным толчком к трансформации европейского мировоззрения и, как следствие, способствовали перестройке всей жанровой системы европейской литературы в XVIII–XIX вв.

В период с 1789 по 1814 гг. ряд европейских государств переживает политический и культурный подъем, в связи с чем обостряется интерес к национальному прошлому. Интерес романтизма к индивиду на более масштабном уровне проявился в интересе к нации как частной, специфической представительнице человечества. К началу XIX столетия в европейской культуре практически повсеместно складывается такая ситуация, которая позволяет проблеме осмысления национального исторического прошлого выйти на первый план.

Ход исследования

В научном мышлении конца XVIII – начала XIX вв. важное место занимает принцип историзма, рассматривающий явления действительности как изменяющиеся во времени, развивающиеся.

В самом общем смысле историзм означает «принципиальную историзацию нашего мышления о человеке, его культуре и его ценностях» (Трельч 1994, с. 82). Как указывает Ф. Мейнеке, «Возникновение историзма было одной из величайших духовных революций, пережитых европейской мыслью» (Мейнеке 2004, с. 5). Оно совпало с масштабными процессами демократизации и секуляризации европейского мировоззрения, отмиранием и трансформацией традиционных форм жизни, рождением субъектности и появлением новой современной концепции человека. Историзм так или иначе затронул все основные отрасли философского знания, однако особое влияние оказал на философию истории и культуры (Ф. Гельдерлин, А. и Ф. Шлегели, Новалис, А. Мюллер и др.), которая стала пониматься в качестве «крупномасштабного, универсального обозрения исторического процесса, дополняющего эмпиризм событийных хроник» (Новая философская энциклопедия). В контексте немецкого романтизма историческая наука оформляется в качестве специальной дисциплины, происходит профессионализация исторического знания (работы Л. фон Ранке, Б. Нибура, Т. Моммзена, Я. Буркхардта и др.) (Филатов и др., с. 150). Историзм, подразумевавший принципиальную историзацию мышления о человеке и культуре, не стал открытием романтиков, но был узаконен преимущественно ими, стал своеобразным нервом романтической эпохи, сделавшей его обязательным для последующих поколений. По мнению Н.Я. Берковского, именно романтики – «призванные, убежденные историки, историки культуры, историки искусств, историки литературы» (Берковский 2001, с. 49).

Отношение современности к прошлому значительно колебалось на протяжении XVII–XIX вв. в зависимости от представлений об общественном и художественном идеалах. Так, социальный идеал в эпоху Просвещения понимался как вневременный и универсальный, из чего вытекала идея революционного преобразования общества, предполагающая возможность и даже необходимость радикального разрыва с прошлым и отрицание ценности традиции. Для немецкого романтизма и «консервативного историзма», напротив,

характерно осознание преемственности настоящего по отношению к прошлому: «утверждение принципа историзма в немецком романтизме меняет сам способ видения исторических явлений и событий, выявляет значимость прошлого для настоящего» (Демин, с. 9). Прошлое, в эпоху модерна впервые воспринятое как принципиально не сводимое к настоящему, получает возможность быть изученным как иное и самобытное. В то время как классическая эпоха сосредоточена на дистанцированном и замкнутом ценностном прошлом, модерн ориентирован на реальное прошлое, связанное с настоящим непрерывными временными переходами. Таким образом, принцип историзма выдвигает требование, попытка удовлетворить которому поспособствует рождению жанра исторического романа: познавать прошлое в его собственных категориях. Такое открытие нетождественности исторических эпох на рубеже XVIII–XIX вв. происходит параллельно с усложнением представления о человеческой личности, которая теперь понимается как автономная, уникальная и развивающаяся, то есть не соответствующая готовому характеру и в каждый момент времени не равная себе. Схожую идею выдвигает М.И. Стеблин-Каменский, определяющий историзм как «гипотезу нетождества», то есть предположение, что психология средневекового человека не совпадает с психологией современного человека. Таким образом, историзм появляется не тогда, когда замечаются разница в образе жизни, быте и т.п., а тогда, когда осознаются отличия в человеческом сознании (Стеблин-Каменский 2003).

В отечественном литературоведении историзм зачастую понимается достаточно широко, буквально как синоним реализма, и выступает в качестве мерила художественной ценности произведения. Так, в Литературной энциклопедии терминов и понятий в статье В.В. Кожина историзм определяется как «художественное освоение конкретно-исторического содержания той или иной эпохи, а также ее неповторимого облика и колорита» и «выступает как неотъемлемое свойство любого подлинно художественного произведения, ибо историзм есть прежде всего способность схватить ведущие тенденции общественного развития, проявляющиеся в общенародных событиях и индивидуальных судьбах» (Кожин 2001, с. 321). Здесь, с одной стороны, категория поэтики подменяется идеологической категорией, с другой стороны, происходит необоснованное размытие понятия, т.к. если историзм присущ всем «подлинно художественным произведениям», то он перестает быть уникальным открытием романтической эпохи и может быть обнаружен как в античной литературе, так и в постмодернистской, поскольку каждое литературное произведе-

ние в той или иной степени является производным эпохи и эту эпоху отражает. Далее в статье замечается, что хотя историзм и присутствует в любом подлинно художественном произведении, начиная с древнейших эпопей, но в то же время этот историзм как бы не вполне полноценный. В связи с этим предлагается понимание историзма как признака исключительно исторического жанра, который впервые формируется в творчестве В. Скотта: «После Скотта начинается интенсивное развитие действительно исторической литературы; создаются исторические повествования Пушкина, Мериме, Гоголя и др., действительно воссоздавших прошлое и в его историческом содержании, и в его неповторимом облике» (Кожин 2001, с. 323). Нам такой неспецифический и противоречивый подход к определению историзма представляется неверным. Мы считаем, что подлинный историзм в литературе зарождается тогда, когда литература начинает осмыслять его как собственную категорию поэтики, в соответствии с которой трансформируются композиция, система образов, речевые формы, хронотоп и другие элементы структуры и изменяются сами принципы построения художественного текста. В европейской литературе условия для этого складываются к началу XIX в. на фоне распространения представлений о действительности как о становящейся, открытой трансформациям, а не раз и навсегда заданной.

Идея незавершенности, связанная с усложнившимся пониманием человеческой личности и окружающего мира, обновляет представление об историческом процессе. История больше не органическая ненарушенная длительность, направленная к своему телосу в необратимой последовательности стадий, как она представлялась средневековому человеку; в ней обнаруживаются периоды расцвета и упадка, подразумевающие наличие радикальных всеохватывающих трансформаций, порывающих с прошлым и способствующих выделению отдельных ценностно независимых эпох. Новое время выстраивает свою идентичность прежде всего на противопоставлении себя предшествующим историческим периодам, и модерн как «незавершенный проект» (Хабермас) подразумевает оппозицию живой неготовой современности утратившему актуальность прошлому (само понятие «moderni» призвано отделить самопонимание эпохи от ее прошлого – «antiqui»).

Самое живое и новое (modern) в литературе XVIII–XIX в. – это, вне сомнения, роман. Самый жанр в эпоху Просвещения был актуализирован как новость: его расцвет обозначал в тот период эстетическое приятие повествования без ощутимой дистанции, повествования о новой, современной жизни. В то время как высокие жанры

не могли допустить, чтобы современность стала легитимным объектом изображения, роман весь был направлен на незамкнутую становящуюся действительность. Поле для романа и романизованных форм, таких как роман в стихах или драма для чтения, открывается именно в тот момент, когда мир приходит в движение и чувство незавершенности становится жизненным чувством. Европейский роман осознает свою внутреннюю меру, приходит к себе, когда само понятие «современность» начинает активно осмысляться; благодаря своей пластичной и синтетической природе он – единственная по-настоящему со-временная среди литературных форм, непосредственно работающая с действительностью. По этим причинам прошлое, становясь объектом изображения в романе, даже познаваемое в своих собственных категориях, как бы размыкает пространство исторической эпохи и обнаруживает многочисленные связи с настоящим. Не случайно исторический роман в его вальтерскоттовском варианте среди прочих вбирает в себя жанр романа воспитания, сосредоточенного на становлении личности и своим происхождением обязанного романтической концепции *Bildung*, постулирующей незавершенность картины мира.

Важным для литературы результатом изменения понимания истории и отношения к ней становится то, что романист получает возможность подходить к прошлому как историк-исследователь, т.е. не только лишь воссоздавать особые приметы эпохи, но и реконструировать особый тип исторического сознания. Как справедливо замечает Кожин, «Проблема историзма приобретает особый характер, когда речь идет об историческом жанре, то есть о романе, поэме, драме и т.д., в которых ставится цель воссоздать человеческую жизнь прошедших времен. В этом случае писатель неизбежно сталкивается с требованиями историзма и сознательно стремится их осуществить» (Кожин 2001, с. 321). Роман благодаря своей пластичности и неконвенциональности становится наиболее подходящей для экспериментов по реконструкции быта и нравов другой эпохи формой. На рубеже XVIII–XIX вв. исследовательская функция романа, нацеленная на описание нравов современников, распространяется на новую область – историческое прошлое, а сам роман как бы становится одним из жанров исторического исследования. В 1797 г. Уильям Годвин так аргументирует преимущества романа (*romance*) перед историографией: «Роман, при строгом рассмотрении, может быть объявлен одним из видов истории. Разница между романом и тем, что обычно носит название истории, заключается в следующем. Историк ограничен отдельным случаем и отдельным человеком и должен опираться на свою выдумку или догадку, насколько

ко это возможно. Писатель собирает материалы из всех источников, опыта, отчетов и записей о человеческой деятельности, затем обобщает их и, наконец, выбирает из их элементов и различных комбинаций те примеры, которые он лучше всего умеет изобразить и которые, по его мнению, наиболее подходят для того, чтобы произвести впечатление на слушателя и увеличить знания читателя. С этой точки зрения мы склонны заявить, что роман был более смелым видом сочинения, чем история» (Godwin 1797).

Годвин утверждает, что роман как тип письма обладает большим потенциалом в изображении человека и действительности, чем историография, и указывает на определенную субъективность исторического жанра, полагая, что «читатель впадает в жалкое заблуждение, если, читая историю, позволит себе вообразить, что читает факты» (Godwin 1797). По мнению философа, беллетризация истории – это более результативный способ создания нарратива о том, что по существу своему непознаваемо, поскольку способность романиста к обобщению позволяет ему сообщать нечто более глубокое нежели историк, «ограниченный отдельным случаем». Позиция Годвина опирается на устойчивое в европейской культуре представление о том, что поэт, обладая творческой свободой, способен быть более правдивым и выражать в своем творчестве нечто более жизненное, чем историк, который занимается почти механическим воспроизведением действительности. Такой взгляд на роль поэта можно найти уже в философии Платона и Аристотеля, он был предметом активных литературных дискуссий в Англии, начиная с XVI в. (см., например, «Защита поэзии» сэра Филипа Сиднея (1592)), и получил особое распространение с приходом романтизма.

Итак, роман перед историографическими жанрами имеет то преимущество, что его автор с помощью творческой обработки фактического материала (вымысла) способен наиболее полно постичь историческую действительность и формируемый ею характер. Вымысел, поскольку связан с упорядочиванием элементов реальности, способствует более глубокому постижению смысла исторических событий и придает им большую достоверность в рамках художественного целого произведения, тем самым создавая жизненный облик эпохи и нации. «Настоящая история», – замечает Годвин, – «состоит в том, чтобы обрисовать последовательный, человеческий характер, показать, как действует такой характер при сменяющихся друг друга обстоятельствах, показать, как характер развивается и ассимилирует новые субстанции, и как он распадается посредством катастрофы, в которую он естественным образом ввергается под действием собственной гравита-

ции» (Godwin 1797). Похожую мысль встречаем у Белинского: «Когда мы читаем исторический роман Вальтера Скотта, то как бы делаемся сами современниками эпохи, гражданами стран, в которых совершается событие романа, и получаем о них, в форме живого созерцания, более верное понятие, нежели какое могла бы нам дать о них какая угодно история» (Белинский 1976, с. 42). С этой точки зрения роман оказывается миметичнее историографии, поскольку следует по пути исследования не разрозненных фактов, но их первопричин и связей между отдельными событиями, и не описывает характеры, но создает сложные человеческие образы в их динамике. Соединение фактического материала с вымыслом позволяет роману достичь известной целостности воссоздаваемой исторической эпохи. Проблема мимесиса, обозначившаяся еще в XVIII в., будет решаться европейской литературой в том числе в рамках жанра исторического романа и – особенно – романа В. Скотта.

Заключение

Поворот европейской мысли к интенсивному философскому осмыслению исторического процесса выступил той идеологической базой, на которой сформировались основные принципы художественного понимания и изображения истории. Среди всех литературных жанров, выступающих в качестве формы познания мира, особо выделяется роман с его выраженной познавательной сущностью и направленностью на динамические явления действительности. Одной из первых романизированных форм, в которой воплотилось новое чувство истории и проявился исторический аспект романного мышления, становится исторический роман, который с помощью определенных художественных средств свидетельствует об исторической реальности. Этот жанр стоит на пути нащупывания литературой нового художественного языка, позволяющего экстенсивно отобразить всеобщую связь явлений, отношения между человеком, обществом и миром в их движении и развитии. Прошлое, становясь предметом изображения в историческом романе, отличается конкретностью, оно конструируется не столько через внешние атрибуты, такие как костюм или декорация, сколько через жизненные перипетии героя в их связи с меняющейся эпохой, отношения между героями и между героем и миром, таким образом углубляя понимание истории и вырабатывая средства для создания ее целостного художественного образа.

Библиографический список

Godwin, W. (1797), Of history and romance, *The Anarchist Library*, [Online], available at:

<https://theanarchistlibrary.org/library/william-godwin-of-history-and-romance> (Accessed 20 August 2022).

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Худож. лит., 1975. С. 447–483.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. Москва: Худож. лит., 1976. 799 с.

Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2001. 512 с.

Демин И.В. Принцип историзма в контексте немецкого романтизма // Система ценностей современного общества: Сб. материалов Международн. научно-практич. конференции. Под ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. С. 6–11.

Историзм // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iphras.ru/elib/1309.html> (Дата обращения: 20.08.2022).

Кожин В.В. Историзм в литературе // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва: Интелвак, 2001. С. 321–324.

Мейнеке Ф. Возникновение историзма. Москва: РОССПЭН, 2004. 480 с.

Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 928 с.

Трельч Э. Историзм и его проблемы. Москва: Юрист, 1994. 720 с.

Филатов В.П., Вышегородцева О.В., Малахов В.С., Смирнова Н.М., Кукарцева М.А. Обсуждаем статьи об историзме // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 12. № 2. С. 150–162.

References

Godwin, W. (1797), Of history and romance, *The Anarchist Library*, [Online], available at: <https://theanarchistlibrary.org/library/william-godwin-of-history-and-romance> (Accessed 20 August 2022).

Bakhtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*, Khudozhstvennaya literatura, Moscow, Russia.

Belinskiy, V.G. (1976), *Poln. sobr. soch.*, vol. 7, Khudozhstvennaya literatura, Moscow, Russia.

Berkovskiy, N.YA. (2001), *Romantizm v Germanii*, Azbuka-klassika, St.-Petersburg, Russia.

Demin, I.V. (2016), Printsip istorizma v kontekste nemetskogo romantizma, Sistema tsennostey sovremenogo obshchestva, *Sbornik materialov Mezhdunarodn. nauchno-praktich. konferentsii. Pod red. S.S. Chernova*, Izdatel'stvo TSRNS, Novosibirsk, Russia, pp. 6–11.

Istorizm, *Novaya filosofskaya entsiklopediya*: [Online], available at: <http://iphras.ru/elib/1309.html> (Accessed 20 August 2022).

Kozhinov, V.V. (2001), Istorizm v literature, *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*, Intelvak, Moscow, Russia, pp. 321–324.

- Meyneke, F. (2004), *Vozniknoveniye istorizma*, ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Steblyn-Kamenskiy, M.I. (2003), *Trudy po filologii*, Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, St.-Petersburg, Russia.
- Trel'ch, E. (1994), *Istorizm i yego problemy*, Yurist, Moscow, Russia.
- Filatov, V.P., Vyshegorodtseva, O.V., Malakhov, V.S., Smirnova, N.M., Kukartseva, M.A. (2007), *Ob- suzhdayem stat'i ob istorizme*, *Epistemologiya i filofosfiya nauki*, vol. 12, no. 2, pp. 150–162.

Submitted: 02.10.2022

Revised: 06.11.2022

Accepted: 06.12.2022

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-59-65

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 8

Дата поступления: 01.09.2022
рецензирования: 12.10.2022
принятия: 01.12.2022

К.С. Поздняков

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Kpozdneyakov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2646-6410>

«Записные книжки» И. Ильфа 1930-х годов как свидетельство оформления соцреалистического дискурса

Аннотация: тема статьи представляется актуальной прежде всего потому, что в «Записных книжках» Ильи Ильфа критикуется социалистический реализм – искусство, выполнявшее пропагандистские функции и не обращавшее внимание на качество и оригинальность художественного высказывания. В последнее десятилетие наблюдается возвращение соцреалистической манеры письма в произведениях таких современных авторов, как А. Иванов, З. Прилепин, К. Сильванова и Е. Малисова. Думается, что с помощью изучения классического сталинского соцреализма и критической рефлексии в отношении данных текстов можно понять некоторые закономерности современного литературного процесса. Цель исследования заключалась в рассмотрении специфических особенностей критики Ильфа и её объектов. Основные методы исследования, применявшиеся в статье, – это семиотический и интертекстуальный анализы. В начале статьи рассматривается контекст, в котором создавались записи И. Ильфа 1930-х годов. В качестве эмпирического материала, помимо «Записных книжек» Ильфа, рассматривались рассказы Ильфа и Петрова, Е. Зозули и роман П. Павленко «Баррикады». В результате исследования были выделены две тематические доминанты записей: 1) критические суждения в адрес близких И. Ильфу коллег по литературному цеху, в 1930-х начавших осваивать соцреалистический шаблон; 2) иронические выпады в адрес формирующегося соцреалистического канона. Обе тематические направленности записей полностью противоположны художественному творчеству Ильфа и Петрова в обозначенный период. Соавторы написали несколько соцреалистических текстов, а некоторые части «Одноэтажной Америки» семантически созвучны ключевым интенциям советской идеологии. Таким образом, вновь можно и должно провести границу между самостоятельным творчеством Ильфа и поздними вещами соавторов, в которых явным лидером становился Е. Петров.

Ключевые слова: социалистический реализм; халтуртрегер; дискурс; роман; фельетон.

Благодарности: автор выражает благодарность И.В. Саморуковой и О.В. Журчевой за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Цитирование: Поздняков К.С. «Записные книжки» И. Ильфа 1930-х годов как свидетельство оформления соцреалистического дискурса // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 59–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-59-65>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Поздняков К.С., 2022 – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

K.S. Pozdneyakov

Samara State University of Social Sciences
and Education, Samara, Russian Federation
E-mail: Kpozdneyakov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2646-6410>

Ilf's «Zapisnye Knizhki» [Sketch Books] of 1930s as the proof of social realistic discourse formation

Abstract: the article theme is topical for the reason that Ilya Ilf in “Zapisnye knizhki” criticizes the socialist realism – the art that propagandized and did not pay attention to the artistic expression quality and originality.

In recent decades we can witness return of social realistic writing in the works of such authors as A. Ivanov, Z. Prilepin, K. Silvanova and E. Malisova. It appears that in the course of studying the classic Stalinist social realism and critical reflecting it is possible to understand certain patterns of the modern literature process. The research objective was to study Ilf's critique peculiarities and its objects. The article basic research methods comprise semiotic and intertextual analyses. The article beginning considers the context of Ilf's writing in 1930-s years. The stories by Ilf and Petrov, E. Zozulja and "Barricady" [Barricades] novel by P. Pavlenko were considered as the empiric material. As a result of the research, two thematic dominants of the writing were distinguished: 1) critical judgment of I. Ilf's literature colleagues who started working in social realistic manner in 1930-s years; 2) ironic attacks at the forming social realistic canon. Both of the writing thematic domains are polar opposite to Ilf and Petrov's artistic expression within the specified period. The coauthors created several social realistic texts, and some parts of «Oдноetazhnaya Amerika» ["One-storied America"] are semantically compliant with the key Soviet ideology intentions. Thus, it is possible and necessary to distinguish between Ilf's independent creative working and the coauthors' late works, where E. Petrov was an evident leader.

Key words: socialist realism; hack writer; discourse; novel; feuilleton.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to I.V. Samorukova and O.V. Zhurcheva for supporting the research.

Citation: Pozdnyakov, K.S. (2022), Ilf's «Zapisnye Knizhki» [Sketch Books] of 1930s as the proof of social realistic discourse formation, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 59–65, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-59-65>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Pozdnyakov K. S., 2022** – Doctor of sciences in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Techniques, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky str., Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

На протяжении всей своей литературной деятельности И.А. Ильф вёл записные книжки. Опубликованные его дочерью А.И. Ильф в 2000 году, эти фрагменты раскрыли перед читателем «кухню» дуэта Ильфа и Петрова. Знакомые по диалогии об Остапе Бендере фразы и целые отрывки чередуются с планами так и не реализованных вещей. По книге фрагментов становится очевиден креативный потенциал Ильи Ильфа, который, думается, так и не был реализован полностью. Примечательно, что отрывков в духе социалистического реализма (именно в рамках этого направления соавторы написали несколько текстов в 1930-х) в записных книжках последних годов жизни Ильфа просто нет. Социалистический реализм в статье будет пониматься в соответствии с дефинициями А. Терца (А. Синявского) из статьи «Что такое социалистический реализм» как «целенаправленное, религиозное искусство» (Синявский 2003, с. 173), для которого характерно низкое качество литературной продукции.

Записи со всей очевидностью указывают на возрастающий пессимизм автора. Наряду с фрагментами так и не написанных произведений о захвате древнеримским легионом советской Одессы и о плачевно закончившейся киноэкспедиции, в этих записях обнаруживается большое количество упоминаний советских писателей и иронические выпады в адрес штампов социалистического реализма. В отличие от поздних текстов, написанных в соавторстве с Евгением Петровым, в записных

книжках ощущается «ироническое видение мира» (Supra 2012, с. 134). Здесь не идёт речи о соблюдении ритуальных форм, характерных для социалистического реализма и описанных К. Кларк (Clark). Эти фрагменты как раз и представляют особый интерес потому, что в тридцатых годах соавторы написали несколько в художественном отношении слабых соцреалистических произведений. Показательным в этом плане представляется рассказ «Тоня». «Тоня», во-первых, не имеет ничего общего, кроме имени героини, с изначальным планом Ильфа, который известен читателю по тем же «Записным книжкам», а во-вторых, в произведении и следа не остаётся от поэтики лучших текстов соавторов. Даже язык повести скуп, невыразителен. В сопоставлении с прежними вещами Ильфа и Петрова его с уверенностью можно назвать примитивным. Понятно, что изначальный план Ильфа мог изменить только один человек – его соавтор, да и «след» Петрова в «Тоне» обнаруживается: это шутка из старого фельетона младшего Катаева.

Ход исследования

Итак, в записях Ильфа тридцатых годов ничто не напоминает о сдержанности последних произведений соавторов. Илья Арнольдович достаточно зло проходит по коллегам (образу Олеси в контексте «Записных книжках» посвящена статья Александры Ильф «Юрий Олеша в контексте «Записных книжек» Ильфа» (Ильф 2006, с. 286–316)), поэтому на репликах в адрес Юрия Карло-

вича останавливаться не имеет смысла) и критически отзываясь о советском искусстве в целом. Рассмотрим эти записи подробнее.

1. В первой части анализируются высказывания Ильфа в адрес коллег по литературному цеху.

Земляку-одесситу Ефиму Зозуле тоже досталось от Ильфа. «Зозуля пишет рассказы короткие, как чеки, и такие же скучные» (Ильф 2006, с. 311). Ильф любил сравнения при характеристике поэтики произведений. Так, например, известно следующее мнение Ильфа об авторе «Собора Парижской Богоматери»: «Виктор Гюго по своей манере писать напоминает испорченную уборную. Бывают такие уборные, которые долго молчат, а потом вдруг сами по себе со страшным ревом спускают воду» (Ильф 2008, с. 8).

Критика Зозули представляется вполне оправданной: достаточно прочитать любое произведение этого автора 30-х годов. Например, «Парикмахерша» (1935 г.), рассказ, состоящий из скучного набора банальных наблюдений. Например: «И вот новый посетитель сел. Она внимательно оглядывает его – незаметно, чтобы не смутить, и не обратить взглядом его внимания. Новый человек, севший на ее стул, для нее не только новый объект для работы, а нечто большее. Ей интересно: что это за человек. Она любит свою работу. Для нее люди далеко не одинаковы, даже с точки зрения ремесла. Люди так непохожи друг на друга. У каждого так непохожи волосы, кожа, черты лица. Ей интересно это» (Зозуля 1987, с. 278). Всё повествование уместается в один-единственный абзац, и это делает сравнение именно с чеком особенно удачным. Прimitивность рассказов Зозули не может быть художественно оправдана. Вполне возможно, что писатель выбрал такую манеру из соображений безопасности, на что указывает Е. Голубовский: «Но то, что он (Зозуля – К.П.) хотел сказать своему читателю, оказалось непроходимым для советской цензуры» (Голубовский 2012, с. 10).

Будущий лауреат сталинской премии за роман «Счастье» Петр Павленко удостоился следующей насмешливой характеристики: «Если бы Толстой писал так туманно, как Павленко, никогда бы мы не узнали, за кого вышла замуж Наташа Ростова» (Ильф 2006, с. 311). В уютном романе П. Павленко «Баррикады» можно обнаружить следующие пассажи с вкраплением протокольного дискурса: «Равэ, столяр на фабрике мебели, возвращался от тестя. Он потом утверждал, что в семь часов утра солдаты уже братались с народом и девки сидели верхом на пушечных жерлах, как на картинках в пивных, – только там сидели на бочках. Между тем водопроводчик Бигу, вышедший вместе с Равэ, так как они вдвоем заночевали в гостях, в девять часов еще дрался без надежды на благополучный исход, и, по его мнению, только к часу все было кончено. Но в одиннадцать часов

Оливье, их товарищ, двигался с демонстрацией к ратуше по тем самым улицам, откуда вывезли раненых и где расстреляли генералов Тома и Леконта» (Павленко 1953, с. 8). Манера письма Павленко в тридцатых годах действительно запутывала читателя, нагромождение слабо связанных с сюжетом описаний, появляющиеся и тут же пропадающие персонажи – всё это действительно позволяет понять, что имел в виду Ильф, говоря о «туманной» манере автора «Счастья». Упоминание Л.Н. Толстого неслучайно, ведь те же «Баррикады» по форме напоминали роман-эпопею, но написаны были очень плохо.

Однако если критика Зозули была делом безопасным, то выпад в адрес Павленко, учитывая поведенческие стратегии автора «Счастья» (Фрезинский 2008, с. 259), мог закончиться для Ильфа печальными последствиями. Но писатель тяжело болел, он умирал и, видимо, на пороге смерти не мог и не хотел лгать ни другим, ни себе самому.

Любопытна ещё одна черта записей Ильфа: несимпатичных ему писателей, критиков и режиссёров он, человек, бывший в жизни весьма деликатным, называет грубо: Ванька или Гришка. Так, РАПШовский критик Макарьев – это Ванька, а несколько раз встречающийся Гришка – режиссёр Александров, с которым соавторы и В.П. Катаев поссорились из-за несогласованных с ними переделок сценария фильма «Цирк». Думается, что таким образом Ильф выражал особенное презрение.

В двадцатых годах в фельетоне «К барьеру!» Ильф и Петров изобразили фантастическую встречу классиков русской литературы с советскими писателями, перечислив ляпы и тех, и других (Ильф, Петров 2007, с. 28–30). Записи Ильфа не позволяют усомниться, что именно он отыскивал подобные промахи в текстах, был внимателен к деталям. Подобный ляп находит он в произведении Н. Тихонова: «Тихонов пишет, что фотограф «перезаряжал пластинки», но перезаряжать можно только кассеты, да можно и не «перезаряжать», а просто заряжать. Это в рассказе "Клятва в тумане"» (Ильф 2008, с. 345). Не стоит забывать об увлечении Ильфа фотографией, понятно, что такие ошибки не могли его не раздражать. Они указывали на несерьёзное отношение к литературной работе.

О появлении в записях Ильфа братьев Тур, как и про характерные черты литературного быта того времени, исчерпывающе написал Я. Лурье: «Упоминаются также характерные фигуры того времени: братья Тур, совмещавшие, как и их соавтор Шейнин, литературную и следственно-чекистскую деятельность: "По улице шли братья Тур, низенькие, прилизанные, похожие на тель-авивских журналистов"» (Лурье).

Встречаются несколько высказываний, критикующих Чуковского: «О Чуковском. Нельзя выступать с таким пивным репертуаром на съезде»;

«А по воскресеньям у нас идёт большой дождь, так называемая ливня». По методу Чуковского это должно считаться обогащением языка» (Ильф 2008, с. 350); «Как легко сделаться Чуковским. Поболтал с девчонками три часа и, пожалуйста, пиши книгу. В конце концов, нужна лишь хорошая память или знание стенографии» (Ильф 2008, с. 352). «Пивной репертуар» Чуковского А.И. Ильф представлялся загадкой: «Что именно имел в виду Ильф, установить не удалось» (Ильф 2008, с. 392). Можно предположить, что под пивным репертуаром Ильф имел в виду такие «общие места», как, например, противопоставление советской детской литературы зарубежной. Чуковский высказался так: «Когда после английской дешёвки я читал «Колхозных ребят» (детскую газету), мне показалось, что я из клоаки поднялся в стратосферу» (Чуковский). Подобная пафосная восторженность несколько раз высмеивалась Ильфом в записных книжках. Достаточно вспомнить похожий момент, правда, не из литературной области: «На съезд животноводов приехал 80-летний пастух из Азербайджана. Он вышел на кафедру и сказал: "Это какой-то дивный сон!"» (Ильф 2008 с. 304). А «пивной репертуар» описан в другой записи: «Конферансье в пивной. "А сейчас, граждане, мы предложим вам небольшую загадку. Какое слово состоит из трёх букв, в том числе Х и У?" Возбуждённая пивом аудитория радостно выкрикивает знакомое ей слово. "Ошибаетесь, – с лучезарной улыбкой говорит конферансье, – вовсе не ..., а ухо". Рёв восторга» (Ильф 2008, с. 356). Думается, что в «пивном репертуаре Чуковского» были совмещены отрицательное отношение к всевозможным штампам: как в юморе, так и в официальных речах. Рассуждения же о том, как просто обогащать язык и вообще писать, как Чуковский, укладываются в тематическую линию записей Ильфа о технике письма, одобренную пессимизмом.

Итак, обратимся к записям, связанным с критикой всевозможных штампов в советском искусстве.

2. В произведениях соавторов ещё в конце 1920-х годов появился образ «халтуртрегера» – молодого советского писателя, невежественного, ориентированного на получение прибыли. Для данного агента новой советской литературы и было придумано специальное обозначение «халтуртрегер», которое достаточно легко расшифровывается: если культуртрегер несёт в массы культуру, то халтуртрегер – халтуру, плохо написанную литературу. Стоит отметить, что И. Ильф не только писал про подобных авторов фельетоны в соавторстве с Петровым, но и опубликовал с 25 декабря 1928 по февраль 1930 г. в журнале «Чудак» ряд критических отзывов без подписи, большая часть которых была посвящена бездарным и безграмотным произведениям начинаю-

щих советских авторов. В 2009 г. эти тексты были опубликованы А.И. Ильф под общим названием «Рычи – читай!» в книге «Дом с кренделями» – первом – относительно полном – собрании произведений И. Ильфа.

Однако уже к началу 1930-х годов стало ясно, что борьба с халтуртрегерами закончилась неудачей. Обласканные советской критикой соцреалисты писали плохо, но идеологически грамотно (Ф. Панфёров, П. Павленко, Е. Долматовский и др.), а прежним борцам с халтурой приходилось подстраиваться под нормы социалистического реализма. Очевидно, о торжестве халтуртрегеров говорит следующая запись Ильфа: «Они сейчас начинающие писатели, но никак не могут этого понять. Им всё кажется, что они главные» (Ильф 2008, с. 325). Можно сказать, что ко второй половине 1930-х халтуртрегерам уже не «казалось, что они главные», они действительно стали занимать ведущие позиции в советской литературе. Так, например, П. Павленко, опубликовавший уже упомянутый дебютный роман «Баррикады» только в 1932 г., в 1934 г. уже становится членом Правления Союза советских писателей, а начиная с 1941 г. – лауреатом Сталинской премии (за свою карьеру получил эту премию четырежды). От стилистической эклектичности, присущей ранним произведениям П. Павленко (Леднев, Романова 2019, с. 16), к 1930 г. не осталось и следа. Можно сказать, что начинающий писатель Павленко ещё при жизни И. Ильфа стал «главным». В этом плане характерно высказывание А. Ахматовой о К. Симонове: «Когда он пришёл ко мне в первый раз, то от застенчивости снял на лестнице орден. А когда через несколько лет пришёл опять, он уже ничего не снимал...» (Ардов 2006, с. 206). В приведённой цитате отражён процесс, описанный в том числе и Ильфом, когда начинающий писатель превращается в главного, начальника от литературы, переставая признавать прежние авторитеты.

Как известно, в 1937 г. по всей стране праздновалось столетие со дня смерти А.С. Пушкина. Зошенко отозвался на этот «праздник» не только «шестой повестью Белкина», но и едким фельетоном «В пушкинские дни», герой-повествователь которого, председатель ЖАКТа, делает два бредовых доклада о Пушкине, демонстрируя полное незнание произведений Александра Сергеевича. Ильф, судя по одной из записей, то ли под занавес 1936 г., то ли в начале 1937 г. успел столкнуться с одной из брошюр, посвящённых жизнеописанию великого поэта: «Биография Пушкина была написана языком маленького прораба, пишущего объяснения к смете на постройку кирпичной кладки во дворе. «Материальное обеспечение» и так далее. В одной фразе есть: «вступление, владение, выяснение» и ещё какое-то "ение"» (Ильф 2008, с. 325). Фигура А.С. Пушкина, напомним, была

значимой для соавторов. Так, например, Ю.К. Щеглов в комментарии к роману «Золотой телёнок» отмечает, что «несостоявшееся продолжение романа, о котором повествует настоящая (Тридцать пятая – К.П.) глава, проходит под знаком «Евгения Онегина»» (Щеглов 2009, с. 628). Тонкая литературная игра с аллюзиями на пушкинский текст воспринимается как антитеза биографии Александра Сергеевича, написанной языком прораба.

Ещё в фельетоне «Великий канцелярский шлях» соавторы указывали на вторжение протокольного и официозного дискурса в литературу, теперь Ильф описывает подобные процессы на примере новой биографии Пушкина. Штамм продолжает захватывать разные жанры и речевые территории.

В конце концов, Ильф рисует картину, где вместо художественных произведений циркулируют одни документы: «Было время, когда роман назывался «творческим документом». Стихи тоже были документ. И это напоминало больше всего не искусство, а паспортный стол. "Предъявите документ и проходите. Товарищи, без документов вход воспрещён"» (Ильф 2008, с. 345). Но было ли время? Скорее, Ильф говорит о реальности тридцатых годов, когда литературный процесс приравнивается к документообороту. «Без документов вход воспрещён» – эту фразу легко отнести ко всей советской литературе после создания Союза советских писателей. Достаточно вспомнить о тяжёлых временах, наступивших для Зощенко и Ахматовой после изгнания из Союза писателей, когда без соответствующего удостоверения им действительно запретили вход в литературу, запретили публиковаться.

Ильф продолжает придумывать пародийные заглавия для возможных творений халтуртрегеров: «Название для романа, повести: "Ухо", "Палки", "Подоконник", "Форточка"; "Форточка, роман в трёх частях с эпилогом"; "Блин, повесть"» (Ильф 2008, с. 335). Автор записок иронизирует над тем, что такая мелочь, как форточка, может разрастись до эпопеи с эпилогом, а блин становится предметом, достойным описания в повести. Оригинальность заглавия всегда была важна для Ильфа: и в самостоятельном творчестве («Рыболов стеклянного батальона», «Повелитель евреев»), и в совместном («Бледное дитя века», «Метрополитены предки»). Это были яркие оригинальные и запоминающиеся названия, яркая антитеза ушам, форточкам и прочей бессмысленной ерунде. Есть в записях и «казнь» халтуртрегера: «"В погоне за длинным рублём попал под автобус писатель Графинский". Заметка из отдела происшествий» (Ильф 2008, с. 352). Очевидно, что фамилия говорящая: одновременно намекающая и на графин, связанный как с работой во всевозможных писательских комиссиях, так и несущий сему алкого-

ля, и на графоманию, свойственную большинству соцреалистов. Однако постоянное упоминание о халтурщиках во множественном числе не оставляет сомнений: всех Графинских автобусом не передавишь, их слишком много.

Штампы и халтуру Ильф находит и в рецензиях, и в сценариях, и в постановках. Например, появляется следующая схема написания рецензии: «как надо писать рецензии: сценарий – хороший, играют – хорошо, снято – хорошо. А музыка? О музыке тоже известно, как надо писать. Музыка сливается с действием. Что это значит – никто не знает, но звучит хорошо – музыка сливается с действием. Ну и чёрт с ней, пусть себе сливается» (Ильф 2008, с. 363). Понятно, что написание рецензии отныне не составит труда любому критику, поскольку перед ним готовый шаблон, форму, которую остаётся лишь заполнить. На подобную однообразную критику времён торжествующего социалистического реализма указывает Е. Добренко в статье «Функции и категории соцреалистической критики», отмечая, что «суждения исходят не из головы критика, а из нормы» (Добренко 2020, с. 426). Ильф показывает характерную черту штампа, описывая рецензию на музыкальное произведение: автор сам не понимает смысла высказывания, которое использует, но, не имея других вариантов, вновь прибегает к избитой фразе.

Очередную неточность обнаруживает Ильф и в очерке об Италии: «(...) написано, что против римского собора святого Петра стоит египетская пирамида. Это всё то же. "Могучие своды опираются на лёгкий изящный карниз". Нет, не пойдешь на ту станцию, где своды опираются на карниз. Всестороннее невежество и невнимательность» (Ильф 2008, с. 352).

О советском кино Ильф много писал в соавторстве с Петровым (о живом интересе к зарождающемуся советскому кинематографу свидетельствует и тот факт, что в романе «Золотой телёнок» один из вырезанных фрагментов был посвящён пародийному осмыслению творчества Дзиги Вертова (Одесский, Фельдман 2015, с. 260–262)). Просмотрев несколько фильмов 30-х годов, И. Ильф отмечает, что «впечатление не важнец» (Ильф 2008, с. 349). А в другой записи иронизирует по поводу диалогов в соцреалистических картинах, откровенные разговоры о любви в которых не приветствовались: «Диалог в советской картине. Самое страшное – это любовь. "Летишь? Лечу. Далеко? Далеко. В Ташкент? В Ташкент". Это значит, что он её давно любит, что и она любит его, что они даже поженились, а может быть, у них есть даже дети. Сплошное иносказание» (Ильф 2008, с. 359). Достаточно вспомнить попытку признания в любви в финальной сцене фильма «Весёлые ребята» Г. Александрова, чтобы понять, о чём говорил Ильф. Пастух-музыкант Костя дважды обраца-

ется к Анюте со словами: «Анюта, я давно хотел тебе сказать...», но, кроме многоточия, ничего не следует. Намёк на взаимные чувства героев дан, но им некогда – пора переходить к коллективному исполнению последней песни. В советских картинах тридцатых годов подобных сцен, высмеянных Ильфом, хватало.

Любопытно, что в записях встречаются два фрагмента об отношениях между зарубежной и советской литературами:

А. «Редактору современной литературы, у которого серьёзно разболелись глаза, известный профессор совершенно серьёзно советовал перейти в отдел классиков. Он сказал: «Если бы читали не Караваяву или Лидина, а Флобера и Гоголя, несомненно, что глаза пострадали бы у вас значительно меньше» (Ильф 2008, с. 355).

Б. Во втором фрагменте описан кружок советских писателей: «Каждая новая книга Дос Пассоса, Хемингуэя или Олдоса Хаксли отнимала у членов кружка последние остатки разума. Просто было вредно давать им такие книги. А занимались они в общем халтурой, дела свои умели делать. Это было даже странно для таких неженков. Но тут уже повлияло непролетарское происхождение» (Ильф 2008, с. 369).

В первой записи современная советская литература портит зрение редактору, а зарубежная классика – нет. Во втором типичные халтуртрегеры пытаются понять произведения ведущих зарубежных авторов (стоит напомнить, что Дос Пассоса соавторы называли любимым зарубежным автором, а с Хемингуэем встречались в США), но теряют «последние остатки разума». Вредной для них становится качественная литература: они не в состоянии её понять и продолжают заниматься халтурой. Стоит ли удивляться, что появляется в записях и следующая констатация: «Это неприятно, но это факт. Великая страна не имеет великой литературы» (Ильф 2008, с. 367).

Заключение

В 1936–1937 гг. соцреалистический дискурс уже оформлен, над ним можно смеяться, иронизировать по поводу штампов, но и только. В фельетонах, рассказах и критических очерках Ильфа двадцатых годов чувствовалась надежда на то, что критика через осмеяние складывающегося соцреализма остановит этот процесс, пристыдит халтуртрегеров. В записях Ильфа тридцатых годов подтекст очевиден: оставь надежду всяк сюда входящий.

Однако проанализированные записи позволяют ответить и на важный вопрос: был ли лоялен И.А. Ильф к социалистическому реализму? Ведь последние произведения, написанные в соавторстве, свидетельствовали о готовности Ильфа и Петрова работать в рамках нового направления, следуя тем самым штампам и «общим местам», над

которыми прежде литераторы откровенно потешались, создавая пародии на бесталанные произведения тех же РАППовцев. Но из записных книжек Ильфа становится ясно, что соцреализм автор не принимал, продолжая иронизировать не только по поводу штампов, но и в адрес будущих классиков этого направления: таких, например, как П. Павленко. Произведения Е. Петрова, созданные им после смерти соавтора, позволяют предположить, что именно Евгений Петрович чувствовал себя комфортно в рамках соцреалистического письма. Ведь и сценарии Петрова (в соавторстве с Г. Мунблитом), и пьеса «Остров мира», и незаконченный роман «Путешествие в страну коммунизма» – образцовые соцреалистические произведения, а вот отрывки из незавершённого Ильфом текста о нашествии древнеримских легионеров на советскую Одессу, напротив, ничего общего с социалистическим реализмом не имеют. Так что в качестве гипотезы можно принять положение: поздние соцреалистические тексты соавторов – заслуга Е. Петрова.

Источники фактического материала

Ардов М. Всё к лучшему... Москва: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2006. 800 с.

Зозуля Е. Парикмахерша // Советский рассказ 20–30-х годов. Москва: Правда, 1987. С. 277–278.

Ильф И. Записные книжки: Первое полное издание художественных записей. Москва: Текст, 2008. 397 с.

Ильф И., Петров Е. К барьеру! // И. Ильф, Е. Петров. Как создавался Робинзон. Москва: Текст, 2007. С. 28–30.

Павленко П. Баррикады // П.А. Павленко. Собрание сочинений в шести томах. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Т. 1. С. 2–168.

Чуковский К. Речь на первом съезде Союза советских писателей. URL: <http://chukovskie.livejournal.com/6981.html> (дата обращения 2.09.2022).

Библиографический список

Clark, K. (1981), *The Soviet Novel. History as Ritual*, [Online], available at: <https://archive.org/details/sovietnovelhisto00c4clar/page/n5/mode/2up> (Accessed 04 September 2022).

Ильф А. «Обязательно записывайте», или Книга жизни // И. Ильф. Записные книжки: Первое полное издание художественных записей. Москва: Текст, 2008. С. 8–17.

Ильф А. Цитаты говорят сами за себя // Е. Петров. Мой друг Ильф. Москва: Текст, 2001. С. 5–9.

Ильф А. Юрий Олеша в контексте «Записных книжек» Ильфа // Вопросы литературы, 2006,

№ 2. С. 286–316.

Голубовский Е. Много званых, но мало избранных // Е. Зозуля. Мастерская человек и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения. Одесса: ПЛАСКЕ, 2012. С. 5–10.

Добренко Е. Поздний сталинизм. Эстетика политики. Т. 1. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 712 с.

Добренко Е. Поздний сталинизм. Эстетика политики. Т. 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 600 с.

Добренко Е. Функции и категории соцреалистической критики // Соцреалистический канон. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. С. 390–433.

Леднев А., Романова К. Ранняя стадия формирования соцреализма: стилевые поиски в «турецкой» прозе П.А. Павленко // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 2. С. 9–17.

Лурье Я. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. URL: https://royallib.com/read/lure_yakov/v_krayu_nepuganih_idiotov_kniga_ob_ilfe_i_petrove.html#0 (дата обращения 3.09.2022).

Одесский М., Фельдман Д. Миры И.А. Ильфа и Е.П. Петрова. Очерки вербализированной повседневности. Москва: РГГУ, 2015. 293 с.

Синявский А. Что такое социалистический реализм // А. Синявский. Литературный процесс в России. Москва: РГГУ, 2003. С. 139–175.

Супа В. Сатирическое наследие И. Ильфа и Е. Петрова вчера и сегодня // Studia Wschodnioslowianskie. 2012. Т. 12. С. 133–153.

Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. Москва: Эллис Лак, 2008. 672 с.

Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 656 с.

References

Clark, K. (1981), *The Soviet Novel. History as Ritual*, [Online], available at: <https://archive.org/details/sovietnovelhisto00c4clar/page/n5/mode/2up> (Accessed 04 September 2022).

Golubovsky, E. (2012), Many invited, but few chosen, in Zozulya, E. *The Workshop of Men and other grotesque, fantastic and satirical works*, PLASKE, Odessa, Ukraine.

Dobrenko, E. (2020), *Late Stalinism. Aesthetics of politics*, vol. 1, New Literary Review, Moscow, Russia.

Dobrenko, E. (2020), *Late Stalinism. Aesthetics of politics*, vol. 2, New Literary Review, Moscow, Russia.

Dobrenko, E. (2000), Functions and categories of socialist realism criticism, *Socialist Realism Canon*, Academic Project, St.-Petersburg, Russia, pp. 390–433.

Frezinsky, B. (2008), *Writers and Soviet leaders*, Ellis Luck, Moscow, Russia.

Ilf, A. (2008), "Be sure to write it down", or The Book of Life, in *Notebooks: The first complete edition of artistic recordings*, Text, Moscow, Russia, pp. 8–17.

Ilf, A. (2001), Quotes speak for themselves, in E. Petrov. *My friend Ilf*, Text, Moscow, Russia, pp. 5–9.

Ilf, A. (2006), Yuri Olesha in the context of Ilf's "Notebooks", *Questions of Literature*, no. 2, pp. 286–316.

Lednev, A. and Romanova, K. (2019), The early stage of the formation of Socialist realism: stylistic searches in "Turkish" prose by P.A. Pavlenko, *Bulletin of the Moscow University*, Series 9, Philology, no. 2, pp. 9–17.

Lurie, Ya. (2022), *In the land of undeterred idiots. A book about Ilf and Petrov*, [Online], available at: https://royallib.com/read/lure_yakov/v_krayu_nepuganih_idiotov_kniga_ob_ilfe_i_petrove.html#0 (Accessed 3 September 2022).

Odessky, M. and Feldman, D. (2015), *Worlds of I. Ilf and E. Petrov. Essays on verbalized everyday life*, RSUH, Moscow, Russia.

Sinyavsky, A. (2003), *What is socialist realism. The literary process in Russia*, RSUH, Moscow, Russia, pp. 139–175.

Shcheglov, Yu. (2009), *Novels by Ilf and Petrov. Reader's Companion*, Ivan Limbach, St.-Petersburg, Russia.

Supa, W. (2012), *The satirical legacy of I. Ilf and E. Petrov yesterday and today*, Studia Wschodnioslowianskie, vol. 12, pp. 133–153.

Submitted: 01.09.2022

Revised: 12.10.2022

Accepted: 01.12.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 8

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-66-72

Дата поступления: 15.09.2022
рецензирования: 02.11.2022
принятия: 04.12.2022

Т.В. Казарина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kazarina_tv@bk.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1447-611X>

Самара фантастическая

Аннотация: в статье рассмотрены три романа, события которых происходят в Самаре (Куйбышеве). Это «Метро-2033: Безымянка» (2010) Сергея Паляя, «Безымянлаг» (2016) Андрея Олеха и «Пищевоблок» (2018) Алексея Иванова. Выявляются причины именно такой, одинаковой у всех авторов, локализации событий. Во всех трёх случаях место действия играет важную сюжетную роль, что объяснено в статье как надеждой авторов на сочувственное внимание самарского читателя, так и характерной для массовой литературы потребностью в присутствии конкретных узнаваемых подробностей, которые придают убедительность довольно схематичному в целом повествованию. Роль таких подробностей здесь играют факты городской истории, географические приметы, известные локусы и связанные с ними местные мифологические нарративы. Изображение Самары строится с учётом сложившейся ещё в литературе XIX века традиции изображения провинциального существования как альтернативы столичной жизни. Провинция могла идеализироваться – как мир утраченной городом гармонии или осмеиваться – как средоточие дикости и отсталости. Но в названных романах Самара парадоксальным образом соединяет то и другое – кошмар городской жизни и спасительность окаймляющих город пространств. Задачей героев становится бегство – связанное с невероятными трудностями перемещение из урбанистического пространства в природное. Для жанровых произведений Самара – удобный локус: этот город не имеет прочно закреплённых за ним в массовом сознании характеристик, поэтому в нём может произойти всё, что угодно. Такая Самара вбирает в себя всё худшее и всё лучшее, что можно сказать о любом городе. Резкая поляризация её качеств позволяет создать смысловое поле, в котором события протекают очень интенсивно, – это придаёт описанным действиям повышенную динамику и делает их особенно эффектными в глазах читателя.

Ключевые слова: провинциальное; антиутопия; массовая литература; картина мира; традиция; хоррор; социальный контекст.

Цитирование: Казарина Т.В. Самара фантастическая // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 66–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-66-72>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Казарина Т.В., 2022 – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета им. акад. С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

T.V. Kazarina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: kazarina_tv@bk.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1447-611X>

Samara the fantastic

Abstract: the article discusses three novels, where events take place in Samara (Kuibyshev). These are "Metro-2033: Bezmyanka" ["Underground-2033: Bezmyanka"] (2010) by Sergey Paliy, "Bezmyanlag" (2016) by Andrey Olekh and "Pischeblock" ["Food Unit"] (2018) by Alexey Ivanov. The work reveals the reasons for this localization of events that is identical for all the authors. In all the three cases, the location plays an important narrative role, which is explained in the article by both the authors' hope to get the Samara reader's sympathetic attention, and the need to have specific recognizable details that is characteristic

of mass literature, which give force to generally sketchy narration. Urban history facts, geographical marks, well-known loci local mythological narratives associated with them play the role of such details. The Samara portrait is constructed taking into account the tradition of depicting provincial existence as an alternative to metropolitan life, developed in the literature of the XIX century. The province could be idealized as a world of harmony, lost by the city, or ridiculed as a centre of savagery and backwardness. But these novels show Samara, surprisingly combining both – the terror of urban life and the salutariness of suburbs. The heroes are tasked to escape – to move from urban space to country one, facing unbelievable difficulties. Samara is a convenient locus for genre works: this city is not tagged with the characteristics firmly fixed in the mass consciousness, so anything can happen there. Such Samara absorbs all the worst and all the best that can be told about any city. The sharp polarization of its features enables to create a semantic field where events take place in a very way - that increases the dynamics of the described actions and makes them especially impressive in the reader's eyes.

Key words: provincial; dystopia; mass literature; worldview; tradition; horror; social context.

Citation: Kazarina, T.V. (2022), Samara the fantastic, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 66–72, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-66-72>.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Kazarina T.V., 2022 – Doctor of sciences in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations of Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Самара нечасто становится местом действия даже в книгах тех авторов, которые живут в этом городе. Тем примечательнее, что в недавнем времени появились сразу три романа о невероятных событиях, разворачивающихся в Самаре (Куйбышеве). Это «Метро-2033: Безымянка» (2010) Сергея Паляя, «Безымянлаг» (2016) Андрея Олеха и «Пищеблок» (2018) Алексея Иванова. Роль фантастического во всех трёх произведениях достаточно велика, и в каждом случае оно служит усилению того чувства ужаса, которое вызывают перспективы развития общества. Это значит, что в жанровом отношении все три книги родственны антиутопии. Но она предпочитает широкие обобщения – ведёт речь о том, к каким пагубным последствиям некая конкретная логика развития приводит любое общество. В этом случае замыкать события пределами одного города не имеет смысла. Поэтому главное, что предполагается выяснить в нашей статье, – это каковы причины точной географической локализации событий в названных книгах. Тем более что Самара (или Куйбышев) присутствует в них не как малозначительный фон событий, но фактически – как самостоятельное действующее «лицо»: у этого города есть свой нрав, даже, скорее, норы, он предрасполагает к определённому типу поведения и знает, кого карать, а кого миловать.

Другой важный вопрос, как образ Самары в романах Паляя, Олеха и Иванова соотносится с традицией изображения провинциального города, сложившейся в русской литературе уже в XIX веке. Согласно наблюдениям большого круга исследователей (Балахонский 1996, Берлинских 2003, Кондаков 1999, Чернышов 1999, Штейнбах 2004) в рамках этой традиции уездная жизнь всегда рассматривалась как альтернатива столичной – либо в положительном, либо в отрицательном смысле. Её

оценка была производна от восприятия столицы, и если Москва или Петербург изображались как цитадели разврата, то захолустный «город N» приобретал черты идиллического царства гармонии и добродетели. Если же во внимание принималась прежде всего причастность к событиям «большой истории», европейского и мирового прогресса, все преимущества оказывались на стороне столичных мегаполисов, а жизнь провинции оценивалась как дикая и отсталая. Эта оценочная парадигма не менялась и в течение XX века, хотя русская, а затем и советская литература избирали то одну, то другую крайность – то презрительное (например, в прозе 20-х гг.), то ностальгически-влюблённое (как у «деревенщиков» позднесоветского периода) отношение к жизни в провинции (см. Панарин 1994, Рассадина 2004, Сыродеева 1994, Хренов 1995, Шаповалов 1994). Учитывая устойчивость этой шкалы оценок, хотелось бы понять, связано ли с ней «сегодняшнее» отношение молодых прозаиков к городу хоть и большому, но, скорее, провинциальному.

Наша статья учитывает и использует обширный корпус исследовательских работ, посвящённых образу провинциального города в русской литературе (Бердяев 2004, Вагин 1997, Пыхтина 2011 и др.), но строится на материале, который до сих пор не подвергался такому рассмотрению, и содержит самостоятельно сделанные автором выводы.

Ход исследования

Разумеется, Самара в одних художественных текстах не обязана походить на Самару в других: каждый автор, создающий её портрет, подчёркивает то, что соответствует его задачам. Тем удивительнее, что эти три портрета очень похожи. Во всех трёх случаях место действия – это гибель-

ное пространство, из которого непременно нужно вырваться.

Как утверждал Фредрик Джеймисон, «региональность всегда подразумевает сравнение» (Джеймисон 2013, с. 42), в том смысле, что нестоличное всегда рассматривается на фоне столичного и в сравнении с ним. В этой паре центр всегда важнее периферии и определяет те характеристики, которыми наделяется провинция. Линия разграничения во всех случаях связана с отношением к «большой истории», в которую столица в той или иной мере включена, а уездная Россия нет. Если принадлежность цивилизованному миру оценивается высоко, акцент делается на «отсталости» уездного мира – жестокости его нравов, убожестве вкусов и представлений его жителей. И наоборот, если история воспринимается как путь расчеловечивания, не знающая потрясений жизнь провинции обретает черты идиллического царства покоя и одухотворённости. Но в трёх романах, о которых мы ведём речь, Самара выглядит единственным городом на географической карте, и о существовании столицы не упоминается никогда (единственное исключение – постоянные воспоминания героя «Безымянлага» Зимина о Ленинграде, но там Ленинград и Самара противопоставлены по другому принципу: не как столица захолустью, а как родное – чужому и чуждому). У Олеха и Иванова никакие города, кроме Куйбышева-Самары не называются вообще. Зато парадоксальным образом Самара соединяет в себя и худшее, и лучшее из того, что прежняя литература связывала с жизнью провинции. Урбанистическая часть города оказывается средоточием зла и резко противопоставляется части природной – прежде всего Волге (у Олеха – Самарке) с прибрежными полями и лесами. Задача героев в этом случае – вырваться, пробиться из первой во вторую.

Все герои трёх романов сталкиваются с «превосходящими силами противника» и обыграть его могут только одним способом – не одолев его, а сбежав от него.

Роман Сергея Паля «Метро-2033: Безымянка» – один из многих, появившихся по следам суперпопулярного «Метро-2033» Дмитрия Глуховского. Это тоже постапокалиптика: события разворачиваются в Самаре, почти стёртой с лица земли ядерными ударами, так что остатки её населения, прячась от радиации и появившихся повсюду монстров-мутантов, заселили метро и бесконечную войну ведут уже друг с другом. Мужчина, женщина и прибывший к ним подросток пытаются вырваться из этого ада, что до сих пор никому не удавалось: по периметру город окружён загадочной неодолимой преградой. Это превращает метро из спасительного убежища в большой капкан. Чтобы выжить, герои должны перейти роковой Рубеж, и это им в конце концов удаётся.

«Безымянлаг» Олеха кажется произведением, попавшим в данный ряд не по праву: это остросюжетный детектив, а не фантастика. Но, как ни странно, он к ней очень близок. Детективная история разворачивается на фоне событий не просто страшных, но почти неправдоподобных. С одной стороны, всё исторически достоверно: 1941-й год, ноябрь, силами заключённых ГУЛАГа строится Куйбышевская ТЭЦ. Но ноябрьская погода как на северном полюсе (птицы замерзают на лету), дороги оторочены штабелями мёрзлых трупов, а среди живых людей полноценными гуманоидами выглядят только двое, все прочие – человекообразные оборотни или зомби. В основе сюжета – побег старого зэка из лагеря, история чудесного спасения.

Наконец «Пищевлок» Алексея Иванова – «пионерский хоррор», во многом напоминающий те жуткие истории, которые так популярны у подростков: о чёрной комнате, где люди исчезают навсегда, об оживающих по ночам статуях, о подстерегающих там и сям бандитах-людоедах и т.д. У Иванова опасность исходит от вампиров: территорию пионерлагеря, где проводят лето Куйбышевские школьники, эти кровопийцы давно превратили в «пищевлок» – удобное место с неограниченным количеством потенциальных жертв и свежей юной крови. Войну с вампирами отваживаются вести только двое – школьник и вожатый-практикант. В итоге они побеждают главных злодеев, но полностью искоренить зло не могут – могут только «переселить его в себя»: один из двоих авторских протагонистов сам становится вампиром, чтобы спасти от этой участи друзей.

Видимо, чтобы интенсифицировать повествование, все три автора сужают «площадку», на которой зло всесильно, делают пространство его абсолютной власти доступным зрительному охвату. Для этого внутри локуса «Самара» вычленяется некий особо опасный для человека участок. У Паля это Безымянка, у Олеха – лагерная зона, у Иванова – территория пионерлагеря, где за детей некому заступиться. Во всех трёх случаях Самара «уменьшена» до обозримых размеров.

Что касается Безымянки, писатели угадывают некий тёмный смысл в самом её названии. У Олеха слово «Безымянка» всегда связано с тьмой, страшным холодом и убийствами. Это «место без названия», то есть «ничто» (Олех 2016, с. 33). Героям это «ничто» напоминает воронку, попав в которую, уже не выберешься: «Безымянка так просто никого не отпускает» (Олех 2016, с. 36), «Безымянка никого так просто не отпускает, место такое» (Олех 2016, с. 78) – повторяют герои на все лады. Инженер Зимин постоянно сравнивает её с родным Ленинградом, который тоже вырос на костях, «тоже родился из ниоткуда, но сколько у него имен, они теснятся, перекирива-

ют друг друга: Ленинград, Петроград, Санкт-Петербург, Северная Венеция, Северная Пальмира. А что есть у этой ямы? Ничего, даже имени...» (Олех 2016, с. 61).

У Палия подземный полис, скрытый в недрах метро, разделён надвое – на Город и всё ту же Безымянку. То и другое ужасно, но Безымянка хуже: это «клоака клоакой» (Палий 2010, с. 9). «Ничего мирного ни под землей, ни на поверхности не существует: за каждым поворотом может поджидать враг, любое углубление в тьюбинге туннеля – потенциальная засада. В руинах зданий таятся неведомые ловушки, а звук шагов почти всегда означает приближение опасности» (Палий 2010, с. 5). Здесь прежний мир как будто вывернуто наизнанку: придонные социальные слои оказались на поверхности: на всех командных должностях только бандиты; рыба (плотоядные мэрги, полулюди-полукараси) охотится на людей, дети распоряжаются судьбой взрослых (детские банды малолетних убийц) и т.д.

То, что особую роль начинает играть именно Безымянка, очень показательно: это наименее цивилизованная часть города (у Палия её жителей так и зовут – «дикими»), концентрат худшего в Самаре. У названных авторов – своего рода витрина человеческой низости и, главное, стадности: здесь люди сплавляются в массу, борьба идёт не за принципы – за жратву и за жизнь. Это мир, которым управляют инстинкты, где правят самые подлые и жестокие.

В общем, советский концлагерь, пионерлагерь и подземная Безымянка в этих трёх произведениях похожи тем, что все они – эпицентры опасности. И каждый из этих локусов – своего рода загон, ловушка, из которой практически невозможно выбраться: на пути загадочный Рубеж, который почему-то не выпускает людей с территории Самары – у Палия, или колючая проволока, или ограда пионерлагеря – у Олеха и Иванова соответственно.

Но за этой роковой чертой немедленно открывается пространство полной свободы. Волга (у Олеха Самарка), заволжские дали, с лесами и протоками – всё это полная противоположность того мира, из которого герои вырвались, это символы спасения, которое они заслужили по праву, завоёвали. Пространство покинутое и пространство обретенное соотносятся как ад и рай.

Все три писателя как один играют на резком контрасте между такой Самарой и её природным окружением – Волгой, Жигулями и т.д. У Палия это простор, куда можно сбежать из катакомб развороченного метрополитена. У Олеха – где можно укрыться от лагерного преследования. В «Пищевом блоке» лес и река помогают одолеть врагов-вампиров: заманив на катер, их в решающий момент по воде отвозят от лагеря; а вода протоки, когда-то освящённая батюшкой, становится непреодоли-

мым препятствием для другой компании кровопийц.

Таким образом, кажется, что события трёх разных романов разворачиваются в одних декорациях, где есть Самара или её часть (и это самое страшное место на земле), есть не выпускающая из неё глухая ограда и мир свободы, который медленно открывает свои объёты победителям. Зло, поселившееся в Самаре, превосходит все пределы, но и спасение – здесь же, рядом.

Подчёркнутый интерес авторов к Самаре и сходство художественных решений, на наш взгляд, в значительной мере объясняется тем, что все три романа – это жанровые произведения, а для массовой литературы характерно особое внимание к интересам возможного читателя, готовность «подстроиться» под его вкусы. Это заставляет сгущать краски, концентрировать действие на обозримом пространстве, выражать любую мысль с предельным нажимом. Отсюда резкий контраст между героями и их окружением, между тем, от чего они спасаются, и тем, к чему стремятся, отсюда же обязательный для развлекательной словесности хеппи-энд. Произведения Палия и Олеха явным образом адресованы прежде всего самарской аудитории, поэтому невероятные события привязываются к знакомым самарцу реалиям и топосам. Они особенно важны для книги Сергея Палия: книга написана так, что особый интерес она способна вызвать именно у тех, кто хорошо знает город: на них произведёт впечатление его новый, апокалиптический облик. Адресовался бы автор к жителям Саратова – развернул бы события в развалинах Саратова. Разумеется, выбор места действия связан и с «пропиской» самих авторов: о городе, «знакомом до слёз», не только рассказывать, даже и фантазировать проще.

Конечно, Самара, этих произведениях мало похожа на тот город, который мы знаем, это Самара «экстремальная» – изувеченная и окровавленная. Но, создавая самые фантазмагорические образы, прозаики всё же связывают их с наиболее мифогенными точками реальной географии и истории города.

Так, у Сергея Палия один из наиболее эффектных эпизодов романа связан с Самарским драмтеатром как центральным локусом местной культурной жизни. Спасаясь от гибели, герои «Безымянки» то и дело сталкиваются в недрах метро с серьёзными опасностями. В какой-то момент на их пути оказывается роль – гигантский мутант-людоед, от которого ещё никто не ушёл живым. Такие монстры появились, когда радиоактивной волной накрыло Самарский драмтеатр, отсюда их странное название – «роли». Перед падением на людей они обязательно исполняют причудливый танец, и это наводит одного из героев на мысль, что роли – переродившиеся актёры,

а значит, их можно смягчить аплодисментами. И правда, в ответ на внезапные овации роль начинается усердно кланяться и, пятясь, уходит восвояси.

Другим мифогенным локусом оказывается Самарский авиационный институт: в художественном пространстве романа его работники, прежде занятые «покорением космоса», после атомной катастрофы объединяются в секту мечтателей, ожидающих, что Землю спасут инопланетяне.

Похожа не только обстановка, в которой протекают события, похожи и герои трёх романов. Разумеется, они сочетают в себе отвагу и ум, этот суперменский набор обычен для жанровой литературы. Интереснее то, что каждому из них присуща органическая неспособность действовать со всеми и так же, как все.

Поведение большинства персонажей во всех трёх романах подчинено закону стадности: под влиянием тяжёлых обстоятельств люди теряют личные качества (интересы, привязанности) и образуют монолит, управляемый некоторой властной фигурой. Даже во внешне благопристойной действительности «Пищблока» всё стремится к унификации, и это опасный симптом. По логике автора, пионерлагеря существуют не для того, чтобы в них отдыхали дети, а для того, чтобы от детей могли отдохнуть родители. Поэтому детям здесь не дают расслабиться: занятия по расписанию, ходьба строем, с идиотскими речёвками. Лагерь огорожен, и в лес нельзя, Волга отделена сеткой – чтобы не купались без вожатых. И всё, что бы кто ни делал, подлежит однозначной оценке – как образцовое поведение либо как нарушение лагерных норм. По ходу сюжета оказывается, что самые безупречные пионеры – это как раз вампиры. Как объясняет один из героев, им «надо прятаться от людей, и лучший способ спрятаться – не привлекать ничего внимания, стать как все, стать никем, не выделяться, подчиняться общепринятому порядку». «Они правильные, – догадывается мальчишка, начиная понимать, как распознать вампиров, – а правильными быть ненормально» (Иванов 2019, с. 247). Развитие событий это подтверждает – хотя бы тем, что предводителем вампиров, главным источником беды оказывается живое воплощение высокой нормы, самый уважаемый человек – ветеран гражданской войны и орденосец. А отважными борцами с напастью – два разгильдяя – школьник и вожатый (приятно отметить, что в романе этот вожатый – проходящий летнюю практику студент филфака Куйбышевского университета).

Вообще победы героев Палия, Олеха и Иванова – это всегда победы личности над безликостью.

Все эти романы в большей или меньшей степени сохраняют родство с антиутопией. Классическая антиутопия в XX в. (от Замятина до Брэдбери) воспроизводит структуру «Легенды о Великом

Инквизиторе», где Абсолютное Добро и Абсолютное Зло персонифицированы и резко противопоставлены. Это значит, что в центре произведения, как выразилась И. Роднянская, «непременная очная ставка героя, носителя человечности, с главным идеологом неприемлемого мира, держащим руку на пульте управления» (Роднянская 1999, с. 91).

Но, как заметили критики, на рубеже нового тысячелетия в нашей литературе произошла смена этого алгоритма, и в результате оппонентом героя стала уже не человеческая (пусть и самая изуверская) логика, «не великий инквизитор, а великий Никто» – загадочная сила, о природе которой ничего не известно. Именно так происходит, например, в «Поколении П» Пелевина, где Вавилон Татарский убеждается, что гигантская машина рекламы и пропаганды не служит никаким человеческим интересам, а чьим служит – понять невозможно.

Сейчас, похоже, антиутопические тексты вступили в новую полосу трансформации: истоки зла, причины катастрофических изменений реальности просто выпадают из сферы обсуждения. Не как что-то несущественное – как что-то просто не существующее. Это прямо относится к названным нами текстам. У Палия его герои – Орис, Ева и Вакса – из атомной помойки, в которую превратилась Самара, вырываются на простор и готовы повести за собой всех желающих. Но откуда у них уверенность, что за чертой города нет радиации, хищников-мутантов или других опасностей? Они никогда здесь не бывали, а прежняя жизнь вроде бы приучила их к бдительности. Можно ли праздновать победу над злом, если не знаешь, что оно собой представляет и как далеко простирается его власть?! Герои этими вопросами не задаются. Однако не ответив на них, мы не поймём, чего же герои добились, – действительно спасли мир или только подразнили его такой возможностью?

Подобным же образом в «Пищблоке» Игорь и Валерка (укушенный вампиром, а значит, и сам превращённый в вампира) готовы «сражаться с судьбой»: «Они с Валеркой справятся. Древнее зло не может одолеть человека, если человек не уступает ему свою волю. Им с Валеркой хватит упрямства и для другой битвы. Они победят» (Иванов 2019, с. 411). Гарантией грядущей победы выступают смелость и упрямство. О попытках разобраться, откуда взялось «древнее зло», речь не идёт.

Авторы всех трёх романов стараются дать нам надежду. Но у этой надежды очень шаткое основание: она возникает лишь потому, что рассказанная история вынута из контекста – временного, пространственного, какого угодно. Ну да, в «Безымянке» Палия события происходят после атомной войны. Но что произошло с окружающим миром,

осталось ли ещё что-либо от цивилизации? Стоит ли от кого-то ждать помощи или наоборот – кому-то бросаться на выручку? Любой ответ означал бы, что герои прошли только часть пути, что их ждут новые испытания. Финал звучал бы не так бравадно, а всем трём прозаикам важно завершить историю на победной ноте.

Так же сложно «датировать» события этих произведений, вписать их в какой-то исторический контекст: например, у Иванова вурдалаки впервые появляются на Шахобаловских дачах в годы революции, но означает ли это, что автор отождествляет проделки этих кровопийц и революционное насилие? Текст романа не позволяет об этом судить.

В этих романах связи между изображёнными событиями и тем, что их обусловило, размыты или оборваны. Это трудно объяснить одними лишь законами массовой литературы. Да, для неё важно сначала поставить героев в безвыходное положение, а в итоге даровать им спасение. Но то и другое должно выглядеть убедительным: опасность – реальной, победа добра и справедливости – безусловной. А в этих случаях торжество кажется несколько преждевременным.

Возможно, перед нами одно из последствий т.н. клипового мышления: оно разрывает причинно-следственную цепь событий и поэтому избавлено от необходимости добираться до истоков и предвидеть итоги. Погружённое в то, что происходит «здесь и сейчас», оно ничего не знает о следующем шаге. Своего рода «исторический оптимизм» создателей если не радужных, то всё же обнадеживающих картин будущего в подобных случаях основан на том, что они – эти авторы – покончили с историей как осмыслением взаимной обусловленности событий.

В общем, с самарской темой оказывается связан довольно любопытный комплекс настроений. В него входят, с одной стороны, романтическая взвинченность, святая вера в силу любви, отвагу молодости и непобедимость индивидуальной воли. С другой – неспособность выйти за рамки насущного, неумение (или нежелание) трезво оценить сколько-нибудь отдалённую перспективу происходящего.

Заключение

Для жанровых произведений Самара – удобный локус: этот город не имеет прочно закреплённых за ним в массовом сознании характеристик, поэтому в нём может произойти всё что угодно. Такая Самара вбирает в себя всё худшее и всё лучшее, что можно сказать о любом городе. Резкая поляризация её качеств позволяет создать смысловое поле, в котором события протекают очень интенсивно, это придаёт описанным действиям повышенную динамику и делает их особенно эффективными в глазах читателя.

Источники фактического материала

- Иванов А. Пищеблок. Москва: АСТ, 2019. 414 с.
Олех А.Ю. Безымянлаг: роман. Москва: Э, 2016. 312 с.
Палий С. Метро 2033: Безымянка. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=148291&p=1> (дата обращения: 2.11.2020).

Библиографический список

- Балахонский В.В. Провинциальная культура и объяснение событий российской истории // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. Книга 2. Пенза, 1996. С. 225–233.
Бердяев Н.А. Судьба России. Москва: Издательство АСТ, 2004. 333 с.
Берлинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. Москва: Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.
Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. 53–88.
Джеймисон Ф. Реализм и утопия в сериале «Прослушка» // Логос. 2013. № 3. С. 37–54.
Кондаков И.В. Феноменология города в русской культуре // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / отв. ред. Э.В. Сайко. Москва, 1999. С. 188–203.
Панарин А. Малый город в постмодернистской культуре // Исторические города и села в процессе урбанизации. Москва, 1994. С. 27–29.
Пыхтина Ю.Г. Провинциальный город как национальный пространственный образ в русской литературе. URL: http://vestnik.osu.ru/2011_11/9.pdf (дата обращения: 26.10.2020).
Рассади́на Т.А. Нравственные ориентации жителей российской провинции // Социс. 2004. № 7. С. 52–61.
Роднянская И. Этот мир придуман не нами // Новый мир. 1999. № 8. С. 180–203.
Сыродеева А.А. Локальность как социокультурный феномен второй половины XX века // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 164–170.
Хренов Н. Образы города в истории: психологический аспект парадигмы // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 150–161.
Чернышов А.Г. Центр провинция в региональном самосознании // Полис. 1999. №3. С. 100–103.
Шаповалов, В.Ф. Между хаосом и тиранией (контуры органического подхода к российскому обществу) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1994. № 6. С. 3–16.
Штейнбах Х.Э. Психология жизненного пространства. Санкт-Петербург: Речь, 2004. 239 с.

References

- Balakhonsky, V.V. (1996), Provincial culture and explanation of the events of Russian history, *The Russian province of the XVIII XX centuries: the realities of cultural life. Materials of the 3rd All-Russian Scientific Conference*, book 2, Penza, Russia, pp. 225–233.
- Berdyayev, N.A. (2004), *The Fate of Russia*, Publishing house ACT, Moscow, Russia.
- Berlinskikh, V.A. (2003), *County historians: Russian provincial historiography*, New Literary Review, Москва, Russia.
- Chernyshov, A.G. (1999), Center province in regional self-consciousness, *Polis*, no. 3, pp. 100–103.
- Jamison, F. (2013), Realism and utopia in the series "Wiretapping", *Logos*, no. 3, pp. 37–54.
- Kondakov, I.V. (1999), Phenomenology of the city in Russian culture, *Urbanization in the formation of socio-cultural space*, E.V. Saiko (ed.), Moscow, Russia, pp. 188–203.
- Khrenov, N. (1995), Images of the city in history: the psychological aspect of the paradigm, *Social Sciences and modernity*, no. 6, pp. 150–161.
- Panarin, A. (1994), Small town in postmodern culture, *Historical towns and villages in the process of urbanization*, Moscow, Russia, pp. 27–29.
- Pykhtina, Yu.G. (2011), *Provincial city as a national spatial image in Russian literature*, [Online], available at: http://vestnik.osu.ru/2011_11/9.pdf (Accessed 17 July 2020).
- Rassadina, T.A. (2004), Moral orientations of residents of the Russian province, *Socis*, no. 7, pp. 52–61.
- Rodnyanskaya, I. (1999), This world was not invented by us, *Novy Mir*, no. 8, pp. 180–203.
- Steinbach, X.E. (2004), *Psychology of living space*, Speech, St.-Petersburg, Russia.
- Shapovalov, V.F. (1994), Between chaos and tyranny (contours of an organic approach to Russian society), *Bulletin of the Moscow University, Series 7, Philosophy*, no. 6, pp. 3–16.
- Syrodeeva, A.A. (1994), Locality as a sociocultural phenomenon of the second half of the XX century, *Questions of Philosophy*, no. 12, pp. 164–170.
- Vagin, V.V. (1997), Russian provincial city: key elements of life arrangement, *The world of Russia*, no. 4, pp. 53–88.

Submitted: 15.09.2022

Revised: 02.11.2022

Accepted: 04.12.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 15

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-73-81

Дата поступления: 01.09.2022
рецензирования: 27.10.2022
принятия: 11.11.2022

С.В. Егорова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: svetego@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5596-3854>

Н.В. Авдошина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: natalsun@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

Ю.В. Васькина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vaskina18.05@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

С.В. Зорина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Aramitch@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2445-2864>

А.И. Демина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ademina83@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

А.Ю. Нестеров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aynesterow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

**Социально-психологический мониторинг обучающихся:
эмпирические методы исследования**

Аннотация: в статье обосновываются механизмы решения задачи разработки системы социально-психологического мониторинга обучающихся университета как инструмента управления процессом образования, позволяющего решить проблему дефицита знания об объекте управления. В работе отражаются результаты второго этапа исследований по проекту «Система социально-психологического мониторинга обучающихся и абитуриентов Самарского университета». На первом этапе исследования была сформулирована концептуальная схема социально-психологического мониторинга обучающихся, выявляющего готовность к предпринимательской и научной деятельности в качестве интегративной

характеристики личности, в снятом виде содержащей в себе потребности, мотивации, ценности и социальные установки.

В настоящей статье приводится комплексная методика, которая будет применена в социально-психологическом мониторинге обучающихся Самарского университета с целью изучения их готовности к предпринимательской и научной деятельности. Она включает в себя социологические и психологические методы и методики исследования, позволяющие дать всестороннюю оценку состояния потребностей, мотивации, ценностей, социальных установок и готовности к деятельности обучающихся: 1) шкалу Лайкерта; 2) адаптированные классификации мотивов П.М. Лапина и Т.В. Разиной; 3) методику изучения ценностных ориентаций М. Рокича; 4) методику диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца; 5) опросник для измерения намерений и аттитудов предпринимательской и научной деятельности; 6) модификации методики диагностики мотивов предпринимательской деятельности А.Л. Журавлева и В.П. Познякова, методики выявления мотивации научно-исследовательской деятельности Ю.С. Медведевой и Т.В. Огородовой.

Полученная в исследовании методика мониторинга на следующем этапе проекта будут реализованы в виде программного модуля, размещаемого в личных кабинетах обучающегося в ЭОС Самарского университета. Результаты мониторинга станут основой для рекомендаций как обучающемуся и абитуриенту при выборе индивидуальной образовательной траектории в рамках формирования комплексного портрета компетенций, так и органам управления учебной, научной и предпринимательской деятельностью университета.

Ключевые слова: социально-психологический мониторинг; потребность; мотивация; ценности; социальные установки; готовность к деятельности.

Цитирование: Егорова С.В., Авдошина Н.В., Васькина Ю.В., Зорина С.В., Демина А.И., Нестеров А.Ю. Социально-психологический мониторинг обучающихся: эмпирические методы исследования // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 73–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-73-81>.

Благодарности: исследование выполняется в контексте реализации Программы развития Самарского университета на 2021–2030 годы в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Егорова С.В., 2022** – кандидат социологических наук, доцент, декан социологического факультета, заведующий кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Авдошина Н.В., 2022** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Васькина Ю.В., 2022** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Зорина С.В., 2022** – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Демина А.И., 2022** – специалист по учебно-методической работе, ассистент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Нестеров А.Ю., 2022** – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.V. Egorova

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: svetego@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5596-3854>

N.V. Avdoshina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: natalasun@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

Yu.V. Vas'kina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vaskina18.05@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

S.V. Zorina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: Aramitch@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2445-2864>

A.I. Demina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: ademina83@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

A.Yu. Nesterov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: aynesterow@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Students' social psychological monitoring: research empiric methods

Abstract: the article grounds the mechanisms of solving the problem to develop the university students' social psychological monitoring system as an education management tool that enables to fulfill the gap of knowledge about the object under control. The research represents the results of the second phase of the "Samara university students and prospective students' social and psychological monitoring system" project. The research first phase formulated the students' social and psychological monitoring conceptual framework, revealing readiness to maintain business and research activities as a personality integrative characteristic comprising needs, motivations, values and social attitudes.

The present article gives the complex methodology that will be applied in the Samara university students' social and psychological monitoring to study their readiness to maintain business and research activities. The methodology comprises social and psychological methods and research techniques, enabling to evaluate extensively the needs, motivations, values, social attitudes and readiness for education activities: 1) Likert's scale; 2) P.M. Lapin and T.V. Razina's adopted motive classifications; 3) M. Rokich's methodology for value orientation study; 4) S. Schwartz's methodology for diagnosing value orientations; 5) questionnaire for examining business and research intentions and attitudes; 6) A.L. Zhuravlev and V.P. Pozdnyakov's modified methodology for diagnosing business motives, Yu.S. Medvedeva and T.V. Ogorodova's methodology for revealing research motivations.

The monitoring methodology, resulting from the research, will be realized as a program module in students' accounts of the Samara university electronic educational system. The monitoring results will base the recommendations for both students and prospective students when choosing the individual academic path within the competency profile formation, and the university educational, research and business administration authorities.

Key words: social psychological monitoring; need; motivation; values; social attitudes; activity readiness.

Citation: Egorova, S.V., Avdoshina, N.V., Vas'kina, Yu.V., Zorina, S.V., Demina, A.I., Nesterov, A.Yu. (2022), Students' social psychological monitoring: research empiric methods, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 73–81, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-73-81>.

Acknowledgments: the study is carried out within the Samara University development program for 2021–2030 years under the academic leadership program “Priority 2030”.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Egorova S.V., 2022** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Methodology of Sociological and Marketing Research, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Avdoshina N.V., 2022** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Vas’kina Yu.V., 2022** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Zorina S.V., 2022** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Demina A.I., 2022** – Teaching and Learning Specialist, Assistant of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Nesterov A.Yu., 2022** – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В настоящей статье обосновывается применение методов эмпирического исследования в рамках системы социально-психологического мониторинга обучающихся университета. Прикладная цель мониторинга заключается в выявлении готовности обучающихся к предпринимательской и научной деятельности. Статья отражает результаты второго этапа проекта по разработке системы мониторинга и продолжает исследование (Егорова С.В. и др. 2022), где была сформулирована концептуальная схема социально-психологического мониторинга обучающихся. Концептуальная схема строится на определении понятия готовности к той или иной деятельности в качестве интегративной характеристики личности, включающей в себя потребности, мотивацию, ценности и социальные установки.

Операционализация основных понятий концептуальной схемы для эмпирического исследования

Мотивы предпринимательской и научной деятельности

Разработанные в психологии методики диагностики мотивов профессиональной деятельности позволяют измерить выраженность, взаимосвязь, соподчинённость отдельных компонентов, определяющих интегрированность, согласованность или дифференцированность, противоречивость мотивационной сферы. Изучение побудителей предпринимательской деятельности у обучающихся направлено на определение ее внутреннего смыслового содержания, личностную значимость,

сопряжённую с социальной ценностью. Предпринимательские мотивы выступают в качестве центрального компонента ожидаемой коммерческой инициативности обучающихся, и их диагностика создает условия для отслеживания процесса и результата становления субъекта деятельности, осуществляемые через развитие ее структурообразующих элементов, прежде всего, побудителей активности.

В рамках реализации проекта исследования российского предпринимательства в институте психологии РАН была разработана методика изучения мотивов предпринимательской деятельности, состоящая из трех вопросов. Первый вопрос позволяет определить, какие причины побуждают известных респондентам людей заниматься бизнесом. Второй предназначен для выявления собственных мотивов опрашиваемых, определяющих их предпринимательскую активность. Третий ориентирован на установление причин, побудивших наёмных работников трудиться в компании участников опроса. Анализ соотношения трех профилей позволяет оценить как осознаваемые, заявляемые, так и прямо не предъявляемые респондентами мотивы. При ответе на вопросы опрашиваемые определяют значимость предъявляемых сторон предпринимательской активности, перечень которых был составлен на основании предварительных исследований. Участникам необходимо проранжировать предлагаемый список, состоящий из пяти элементов (например, возможность реализовать свои способности, авторитет у окружающих), начиная от самого важного и заканчивая наименее значимым. При обработке

данных определяется средний ранг каждой позиции в трех списках, что позволяет соотнести представления о собственных побудителях активности и мотивах других людей. Использование данной методики для решения задач изучения ориентированности обучающихся на предпринимательскую деятельность позволяет определить степень согласованности двух мотивационных профилей: собственного и приписываемого действующим бизнесменам. В исследовании выявлены три наиболее значимых для предпринимателей мотива, что обеспечивает возможность их сопоставления с мотивационной структурой обучающихся (Журавлев, Позняков 2012).

Психологическая оценка мотивов предпринимательской деятельности осуществляется при помощи стандартизированных психодиагностических инструментов, прошедших психометрическую проверку. Ситуационный опросник «Диагностика психологической готовности к предпринимательской деятельности» (Е. Климова) содержит шкалы, непосредственно связанные с задачами социально-психологического мониторинга: предпринимательские мотивы, предпринимательские цели, предпринимательская интенция (Климова 2014). Опросник относится к критериально-ориентированному типу методик, позволяющих выявить уровень индивидуальных достижений с использованием определённого параметра (эталона). Отбор заданий, соответствующих содержанию деятельности, осуществлялся автором по результатам интервью с бизнесменами.

В процессе обследования участники знакомятся с описаниями проблемных ситуаций и вариантами поведения, различающимися по мере соответствия их предметному содержанию предпринимательской деятельности. Баллы, присвоенные выбранным вариантам, суммируются, позволяя выявить уровень выраженности диагностируемых параметров в сопоставлении с максимально возможным результатом. В исследовании было показано, что наибольшим весом в предсказании предпринимательской направленности обучающихся обладают критерии по блоку «мотивы». Доминирование предпринимательских мотивов у предрасположенной к деловой активности молодежи, зафиксированное уже на этапе вузовской профессионализации, подтверждает корректность использования методики для решения психодиагностических задач в рамках мониторинга обучающихся.

Задача изучения мотивов научной деятельности определяет необходимость отбора психодиагностических методик, позволяющих оценить специфические особенности исследовательской активности, обусловленные как ее содержанием и целями, так и индивидуально-психологическими характеристиками профессионалов в данной сфере.

В рамках социально-психологического мониторинга для определения побудителей научной деятельности планируется использовать методику «Мотивация научно-исследовательской деятельности» (МНИД) (Ю.С. Медведева, Т.В. Огородова). Процедура диагностики заключается в выборе наиболее значимых для респондентов утверждений при их попарном предъявлении. МНИД предназначена для выявления преобладающих мотивов научной деятельности, в том числе: карьера, творчество, профессиональный интерес и другие. При обработке результатов подсчитываются баллы по каждой шкале. Методика прошла необходимую психометрическую проверку. Изучение обучающихся на вузовском этапе профессионализации показало специфику побудительной системы студентов технического, гуманитарного и естественнонаучного направлений подготовки. Обследование с помощью МНИД в соответствии с задачами социально-психологического мониторинга осуществляется с целью изучения ведущих мотивов научно-исследовательской деятельности обучающихся и степени согласованности побудительной структуры субъектов обучения с представлениями о системе активаторов, определяющих направленность на научную деятельность.

Методики, используемые в рамках социально-психологического мониторинга, предназначены для определения ведущих мотивов исследуемых видов деятельности. Полученные данные могут быть использованы в психологическом сопровождении проектирования карьерной траектории обучающихся, профориентационном консультировании, выявлении молодежи, ориентированной на предпринимательскую и научную деятельность.

Потребности и ценности

Поскольку целью мониторинга является выяснение готовности обучающихся к предпринимательской и научной деятельности, главным в изучении потребностей является определение степени важности для респондентов возможностей в процессе обучения в университете заниматься научными исследованиями и получать знания и навыки в сфере предпринимательской деятельности. Исходя из этого, в ходе эмпирического исследования студентам предлагается выбрать из списка потребностей, которые они могут реализовать, обучаясь в университете (порядка 20 потребностей), 5 наиболее значимых для них. Это позволит выявить долю студентов с потенциально высокой мотивацией к данным видам деятельности.

Аналогичным образом (путем выбора из предложенного списка ценностей) определяются главные для обучающихся ценности научной и предпринимательской деятельности.

При этом следует помнить, что ценности как элемент структуры личности обучающегося харак-

теризуют внутреннюю готовность к совершению деятельности. Это структурированная система представлений, которая детерминирует действия и поступки человека и проявляется практических во всех видах его деятельности. В рамках системы социально-психологического мониторинга осуществляется изучение ценностных ориентаций обучающихся университета, лежащих в основе предпринимательской и научной видов деятельности, посредством адаптации и переработки методик М. Рокича (Рокич 1973) и Ш. Шварца (Карандашев 2004). Ценности делятся на два типа: ценности как абстрактные идеалы и ценности как руководство к действию. В первом случае речь идет о нормативных идеалах, во втором – об индивидуальных приоритетах обучающихся. Сопоставление полученных данных позволит понять степень выраженности и совпадения указанных видов ценностей. При отборе ценностей для включения в опросник учитываются результаты научных исследований ценностно-смысловой сферы обучающихся вузов в аспекте предпринимательской и научной видов деятельности (Каркашова, Нохрина 2018; Минин, Полицинская, Лизунков 2019; Полковникова 2016; Разина 2011; Фомичева 2015).

В предпринимательской деятельности разработчиками методики были выделены следующие ценности: активная деятельная жизнь, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, продуктивная жизнь, свобода, уверенность в себе, творчество, высокие запросы, независимость, рационализм, самоконтроль, смелость, твердая воля, эффективность в делах. В ходе мониторинга респонденту будет предложено определить пять наиболее значимых с его точки зрения ценностей для предпринимателя и пять значимых ценностей для самого респондента. Сопоставление и совпадение выбранных ценностей отражают ценностно-смысловую основу исследуемой группы в аспекте предпринимательской деятельности.

В целях изучения ценностей научной деятельности обучающихся респонденту предлагается для выбора следующий спектр ценностей: активная деятельная жизнь, жизненная мудрость, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, общественное признание, познание, развитие, творчество, уверенность в себе, аккуратность, исполнительность, независимость, нетерпимость к недостаткам, образованность, ответственность, рационализм, самоконтроль, широта взглядов. Респондент определит пять наиболее значимых с его точки зрения ценностей для ученого и пять значимых ценностей для самого респондента. Сопоставление и совпадение выбранных ценностей отражает ценностно-смысловую основу исследуемой группы в аспекте научной деятельности.

Опираясь на типы ценностей, выделенных Ш. Шварцем, и результаты эмпирических исследова-

ний, разработчики методики определили наиболее значимые ценности в аспекте предпринимательского и научного видов деятельности и выделили такие типы ценностей, как самостоятельность, стимуляция, достижения.

«Самостоятельность» включает: свободу мыслей и действий, независимость, самостоятельность, надежду на собственные усилия, самостоятельное целеполагание, креативность, изобретательность, уникальность, богатое воображение, пылкость, разнообразие интересов. Данные ценности легли в основу формулировки суждений, предлагаемых респонденту для оценивания по пятибалльной шкале: «абсолютно согласен», «скорее согласен», «отчасти согласен, отчасти нет», «скорее не согласен», «совершенно не согласен». В рамках опросника респонденту предлагаются следующие суждения:

- «мне нравится быть свободным в планировании и выборе своей деятельности, быть независимым»;
- «мне хочется быть лидером, принимать самостоятельные решения»;
- «мне нравится интересоваться разными темами»;
- «я способен к нестандартным вариантам решения вопросов и проблем» и др.

«Стимуляция» как тип ценности учитывает стремление обучающегося к новизне, готовность рисковать, желание полноты жизни. Для оценки данной ценности респонденту предлагаются следующие суждения:

- «мне важно делать много разных дел в жизни, я во всем стремлюсь к новизне»;
- «я готов идти на риск для достижения своих целей» и др.

Тип ценности «достижение» включает целеустремленность, влияние, способность эффективно действовать и успешность в достижении целей. Для оценки этой ценности респонденту предлагаются следующие суждения:

- «мне важно преуспеть в жизни»;
- «мне важно показать свои способности и получить общественное одобрение»;
- «мне важно достигнуть высот в своих начинаниях» и др.

Таким образом, сконструированный инструмент исследования ценностей обучающихся позволяет выявлять их готовность к предпринимательской и научной видам деятельности.

Социальные установки и готовность обучающихся к предпринимательской и научной видам деятельности

Одна из задач предлагаемой методики – измерение социальных установок обучающихся к предпринимательской и научной деятельности. Необходимость этого измерения связана с совре-

менными тенденциями университетского образования и развития университетов – вузы должны не только готовить студентов к данным видам деятельности, но и сами являться центрами науки и предпринимательства.

Социальная установка понимается авторами методики как «готовность субъекта совершать конкретные действия в определенных ситуациях, способствующих удовлетворению актуализированных потребностей, формируемая на основании эмоционально окрашенного оценочного отношения к социальному объекту» (Гордеева 2016).

В этой связи измерение установки к конкретному виду деятельности предполагает наличие двух компонентов методики: измерения отношения к деятельности и измерения готовности к деятельности.

Понятие социальной установки включает в себя два момента: эмоциональный и проактивный. В рамках методики отношение обучающихся к предпринимательской и к научной деятельности понимается как эмоциональный момент социальной установки, а готовность к деятельности – как проактивный.

Отношение обучающихся к деятельности (предпринимательской или научной) измеряется с помощью шкалы Лайкерта. Для её построения используется 5 пар суждений для выяснения отношения как к предпринимательской, так и к научной деятельности. Эти пары суждений будут сформулированы по следующим основаниям:

отношение к предпринимательской деятельности

1. Статус предпринимателей в обществе
2. Оценка размера доходов от бизнеса
3. Польза предпринимательской деятельности для общества и других людей
4. Деловые и личностные качества предпринимателей
5. Степень свободы предпринимателя в ведении бизнеса

отношение к научной деятельности

1. Статус научного работника в обществе
2. Оценка размера доходов, которые приносят занятия наукой
3. Польза научной работы для общества
4. Интерес к новым знаниям
5. Возможности карьерного роста в науке.

Для каждого основания формулируются пары суждений, противоположные по смыслу (положительно и отрицательно окрашенные). Респондентам предлагается выразить степень согласия с каждым из суждений по пятибалльной шкале:

1. Абсолютно согласен
2. Скорее согласен
3. Отчасти согласен, отчасти нет
4. Скорее не согласен
5. Совершенно не согласен.

Абсолютное согласие с положительно окрашенными суждениями оценивается в 5 баллов, с отрицательными – в один балл. Сумма баллов, набранная в ответах каждого обучающегося, подсчитывается отдельно по суждениям о предпринимательской деятельности, отдельно – по научной деятельности. Минимум, который можно набрать, – 10 баллов, максимум – 50.

Затем обучающиеся распределяются в 5 групп в зависимости от суммы баллов:

- 10-18 отрицательное отношение к данному виду деятельности;
- 19-27 скорее отрицательное отношение;
- 28-35 нейтральное отношение;
- 36-43 скорее положительное отношение;
- 44-50 положительное отношение.

Второй компонент, измеряемый для определения установки к предпринимательской или научной деятельности, – это готовность начать эту деятельность.

Готовность к предпринимательской деятельности оценивается на основе трех показателей: информированности, желания ей заняться и возможности реализации этого желания. Информированность понимается как знание о наличии в университете инфраструктуры (например, Стартап-центра) и специальных дисциплин по выбору, а также о такой форме защиты выпускной квалификационной работы, как стартап-проект.

Желание заняться предпринимательской деятельностью оценивается через вопрос о том, есть ли у респондента желание стать предпринимателем. Ответы являются пунктами пятибалльной шкалы. Кроме того, о желании стать бизнесменом свидетельствуют ответы о том, что респондент не только информирован об инфраструктуре университета, нацеленной на поддержку предпринимательской деятельности обучающихся, но и собирается ей воспользоваться.

Возможности для открытия своего бизнеса обучающимися определяются с помощью оценки ими наличия у себя стартового капитала, необходимых знаний и способностей, а также нужных социальных контактов.

На основе комбинации ответов на ряд вопросов о готовности обучающихся к предпринимательской деятельности разрабатывается обобщающий показатель готовности, предполагающий несколько уровней (степеней) готовности – от отсутствия таковой до очень высокой.

Готовность к научной деятельности выявляется на основе трёх индикаторов – информированности о возможностях, использования этих возможностей и наличия планов заниматься наукой после окончания университета.

Информированность понимается как знание обучающихся университета о том, какие возможности предоставляет университет для научной де-

тельности. Респондентам предлагаются вопросы о том, знают ли они о проводимых научных исследованиях с участием преподавателей и научных сотрудников университета, а также о том, знают ли они о разных формах участия в научной работе.

Индикатор «использование возможностей заниматься наукой» предполагает наличие только одного вопроса – о степени включенности в какие-либо формы научной работы.

Наличие планов заниматься наукой после окончания университета выявляется с помощью двух вопросов: о том, связывают ли обучающиеся свою трудовую биографию с научной работой, и о том, что они предпринимают уже сейчас для того, чтобы повысить свои шансы для занятия в будущем научной деятельностью.

На основе комбинации ответов на вопросы, соответствующие каждому индикатору, разрабатывается обобщающая шкала, предполагающая несколько степеней готовности к научной деятельности: от отсутствия готовности до её высокой степени.

Заключение

Разрабатываемая методика социально-психологического мониторинга обучающихся опирается на деятельностную структуру личности. Последняя отвечает на вопрос о формах социальной самореализации субъекта и является основой выявления портрета компетенций. Она включает в себя потребности, мотивацию, ценности, социальные установки и готовность к деятельности. Прикладная задача мониторинга заключается в выявлении готовности к предпринимательскому и научному видам деятельности.

В исследовании определены социологические и психологические методы и методики оценки элементов деятельностной структуры личности, а именно, потребностей, мотивации, ценностей и социальных установок: 1) шкала Лайкерта; 2) адаптированные классификации мотивов П.М. Лапина и Т.В. Разиной; 3) методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича; 4) методика диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца; 5) опросник для измерения намерений и аттитудов предпринимательской и научной деятельности; 6) модификации методики диагностики мотивов предпринимательской деятельности А.Л. Журавлева и В.П. Познякова, методики выявления мотивации научно-исследовательской деятельности Ю.С. Медведевой и Т.В. Огородовой.

Для оценки деятельностной структуры личности разработан набор социально-психологических инструментов, предназначенных для получения количественных показателей. Место структурных элементов модели, определённое в результате теоретического анализа (Егорова С.В. и др. 2022), позволяет понять вклад каждого компонента в

итоговые индексы. Комплексный результирующий показатель в формате личного профиля содержит все ключевые параметры, соотносимые между собой. Это создает возможности для целостной интерпретации полученной совокупности индикаторов с определением ресурсов, дефицитов и компенсаторных резервов различных личностных конфигураций ориентированности обучающихся на изучаемые виды активности. Понимание взаимосвязей эмпирических маркеров структурно-деятельностной модели позволяет обосновать интегративный характер показателей готовности к предпринимательской и научной деятельности.

Библиографический список

Гордеева С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3 (27). С. 135–140.

Авдошина Н.В., Егорова С.В., Васькина Ю.В., Зорина С.В., Демина А.И. Нестеров А.Ю. Концептуальная схема социально-психологического мониторинга обучающихся // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2. № 3. С. 87–102.

Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 480 с.

Зинченко Е.Е. Проективные методики изучения ценностей студентов // Социально-психологические вызовы современного общества. проблемы. Перспективы. Пути развития. Материалы III Международной научно-практической конференции. 2017. С. 132–136.

Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. Санкт-Петербург: Речь, 2004.

Каркашова Н.С., Нохрина М.В. Социальный портрет предпринимателя глазами студентов // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения: сборник материалов Международной научной конференции. Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». 2018. С. 676–680.

Климова Е.К. Профессиональная деятельность предпринимателя. Психология успеха. Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2014. 208 с.

Огородова Т. В., Медведева Ю. С. Мотивационные структуры субъектов научной деятельности //

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 26 (317). С. 77–80.

Минин М.Г., Полицинская Е.В., Лизунков В.Г. Готовность студентов технического вуза к предпринимательской деятельности // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 10. С. 83–95.

Полковникова Н.Б. Методология изучения ценностных ориентаций личности студента // Психология обучения. 2016. № 3. С. 32–40.

Разина Т.В. Факторная структура мотивации научной деятельности студентов // Психология обучения. 2011. № 10. С. 88–99.

Рокич М. 1973 Природа человеческих ценностей. Москва; Нью-Йорк, 1973.

Толстых Л.Р. Исследование ценностно-мотивационной сферы студентов с различным уровнем развития ответственности // Ученые записки ЗабГУ. 2015. № 5 (64). С. 124–128.

Фомичева Т.В. Методики изучения ценностей в социологии: управленческий аспект // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. № 13. С. 312–318.

References

Gordeeva, S.S. (2016), Essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology, *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»*, no. 3 (27), pp. 135–140.

Avdoshina, N.V., Egorova, S.V., Vas'kina, Yu.V., Zorina, S.V., Demina, A.I., Nesterov, A.Yu. (2022), Conceptual framework for students' social psychological monitoring, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 87–102.

Zhuravlev, A.L. and Pozdnyakov, V.P. (2012), *Russian business social psychology: concept of psychological relations*, A.L. Zhuravlev and E.A. Sergiyenko (ed.), RAS Institute of Psychology, Moscow, Russia.

Zinchenko, E.E. (2017), Projective techniques for studying students' values, *The modern society social and psychological challenges. Prospects. Development trends*, Proceedings of the III International scientific and research conference, pp. 132–136.

Karandashev, V.N. (2004), *Schwarz's methods for studying individual values: Conception and methodological guidance*, Rech, Saint Petersburg, Russia.

Karkashova, N.S. and Hokhrina, M.V. (2018), Entrepreneur social portrait as students see it, *The fourth industrial revolution: realities and modern challenges*, The Xth anniversary Saint Petersburg sociologic readings: collection of the International scientific conference materials, pp. 676–680.

Klimova, E.K. (2014), *Entrepreneur professional activities. Success Psychology*, "Skifia" Publishing and Trading House, Saint Petersburg, Russia.

Ogorodova, T.V. and Medvedeva, Yu.S. (2013), Motivational structures of subjects of scientific activity, *Bulletin of the Chelyabinsk State University Site*, no. 26 (317), pp. 77–80.

Minin, M.G., Politsinskaya, E.V. and Lizunkov, V.G. (2019), Readiness of the technical university students to maintain business activities, *Vysshee obrazovanie v Rossii, Higher Education in Russia*, vol. 28, no. 10, pp. 83–95.

Polkovnikova, N.B. (2016), Methodology for studying the student's personal value orientations, *Psikhologiya obucheniya = Psychology of Education*, no. 3, pp. 32–40.

Razina, T.V. (2011), Factor structure of the students' research motivation, *Psikhologiya obucheniya = Psychology of Education*, no. 10, pp. 88–99.

Rokeach, M. (1973), *The nature of human values*, New York, Moscow, Russia.

Tolstykh, L.R. (2015), Study of the value and motivational life of the students with different responsibility level, *Uchenye zapiski ZabGU, Transbaikal State University Proceedings*, no. 5 (64), pp. 124–128.

Fomicheva, T.V. (2015), Methodology for studying sociology values: management aspect, *Materialy Afanasyevskikh chtenii = Materials of Athanasian Readings*, no. 13, pp. 312–318.

Submitted: 01.09.2022

Revised: 27.10.2022

Accepted: 11.11.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 37

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-82-90

Дата поступления: 10.09.2022
рецензирования: 15.10.2022
принятия: 30.11.2022

Е.А. Сорокоумова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: cea51@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2060-7657>

Е.И. Чердымова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: cheiv77@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0392-8483>

В.С. Чердымова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: viktoriasrg@gmail.com

Управление качеством инклюзивного образования на современном этапе

Аннотация: на современном этапе важнейшим социально-психологическим ресурсом повышения качества инклюзивного образования выступает распространение личного опыта общения людей с ограниченными возможностями здоровья и без данных ограничений. В данной статье анализируются проблемы и особенности качества инклюзивного образования в культуре трансформирующегося общества. Рассмотрены пути повышения качества инклюзивного образования в представлении родителей детей с ограниченными возможностями здоровья. Показано, что в качестве путей повышения качества инклюзивного образования в представлении родителей детей с ограниченными возможностями здоровья можно выделить следующие: ведение просветительской работы с обществом, которая должна носить ненавязчивый характер, но при этом формировать толерантные установки; одним из ключевых для повышения качества инклюзивного образования выделен кадровый ресурс; необходимость прохождения педагогами курсов, строящихся на основе социального подхода к инвалидности, а не на медицинской терминологии; необходимость введения в инклюзивных классах системы тьюторства; необходимость разработки всех мероприятий по созданию доступной среды, в том числе информационной среды, только после проведения мониторинга образовательных потребностей детей-инвалидов.

Ключевые слова: инклюзивное образование; инклюзивная школа; дети с ограниченными возможностями здоровья.

Цитирование: Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И., Чердымова В.С. Управление качеством инклюзивного образования на современном этапе // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 82–90. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-82-90>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Сорокоумова Е.А., 2022 – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования, Московский педагогический государственный университет, 119991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1.

© Чердымова Е.И., 2022 – доктор психологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

© Чердымова В.С., 2022 – бакалавр 3 курса, факультет психологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.A. Sorokoumova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: cea51@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2060-7657>

E.I. Cherdymova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: cheiv77@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0392-8483>

V.S. Cherdymova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: viktoriasrg@gmail.com

Quality management of inclusive education at the present stage

Abstract: at the present stage, the most important socio-psychological resource for improving the inclusive education quality is the extension of personal communication experience of disabled people and people without disabilities. This article analyzes the problems and features of the inclusive education quality in the transforming society culture. The work considers the ways the parents of children with disabilities see the improving of the inclusive education quality. The research distinguishes the following ways to improve the inclusive education quality in accordance with the view of parents of children with disabilities: society public education, that should be unobtrusive, but at the same time form tolerant attitudes; human resources are the key factors for improving the inclusive education quality; the need for teachers to take courses based on a social approach to disability, not on medical terminology; the need to introduce a tutoring system in inclusive classrooms; the need to develop all the measures to create an accessible environment, including the information environment, only after monitoring the educational needs of disabled children. The parents of children with disabilities emphasize the extension of personal communication experience of people with disabilities and without them as the most important socio-psychological resource for improving the inclusive education quality.

Key words: inclusive education; inclusive school; children with disabilities.

Citation: Sorokoumova, E.A., Cherdymova, E.I., Cherdymova, V.S. (2022), Quality management of inclusive education at the present stage, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 82–90, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-82-90>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

© **Sorokoumova E.A., 2022** – Doctor of sciences in Psychology, Professor of the Department of Labor Psychology and Psychological Counseling, Moscow Pedagogical State University, 1, bldg. 1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation.

© **Cherdymova E.I., 2022** – Doctor of sciences in Psychology, Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University named after academician S.P. Koroleva, 1, Academician Pavlov st., Samara, 443011, Russian Federation.

© **Cherdymova V.S., 2022** – a 3rd year Bachelor student, Faculty of Psychology, Samara National Research University named after academician S.P. Koroleva, 1, Academician Pavlov st., Samara, 443011, Russian Federation.

Актуальность проблемы

Проблема качества инклюзивного образования в разных её аспектах рассматривается в различных научных направлениях.

Нередко в дефинициях инклюзивного образования используется понятие «дети с особыми образовательными потребностями». Однако можно избежать использования этого термина, признанного в настоящее время дискриминационным

разработчиками идеи инклюзии. Подчеркнем, что фактически все теории социальных изменений так или иначе акцентируют внимание на роли различных социальных субъектов в осуществлении преобразований (Абрамова 2011, Кобзева 2009, Четверикова 2014).

Следует отметить, что одним из ключевых понятий, определение которого крайне важно для нас в контексте исследования, является качество.

Интегрируя наиболее существенные аспекты имеющихся определений данного термина в контексте исследования, под качеством следует понимать систему со связанными социальными свойствами и характеристиками, определяющими соответствие принятым требованиям стандартов и социальным ожиданиям. Данное толкование наиболее полно отражает суть понятия качество в единстве его объективного и субъективного срезов (Милосердова 2014, Сабельникова 2009, Бахарев 2015).

Современный опыт научных школ, применяющих инклюзивный подход, лишний раз доказывает, что надо учитывать необходимость ухода от понимания школьного образования как неотъемлемого стандарта знаний, которые должны быть усвоены всеми участниками образовательного процесса, к осознанию того, что образование в первую очередь служит разностороннему разви-

тию личности (Алехина 2011, Малофеев 2005, Кулагина 2009, Вихорев 2000, Бехпажох 2000).

Современные массовые изменения создают новую цивилизацию, основанную на компьютерных технологиях и потоках информации. При этом в обществе происходит переход от вертикальных иерархий взаимодействия к горизонтальным. Происходят процессы глобализации и создания мультикультуры, начинается поиск путей разрешения оставшихся межкультурных конфликтов. Главный ресурс информационного общества – информация. По мнению Тоффлера, третья волна полностью «накрывает» общество к 2025 году (Toffler 2002).

В связи с этим следует отметить и изменения при переходе от индустриальной к информационной системе образования. Более наглядно данное сравнение можно представить в виде рисунка (см. рис. 1).

Рис. 1. Сравнение индустриальной и информационной системы образования

Сегодня и в западных странах, родоначальниках модели инклюзии в образовании, продолжают вести речь о создании новых специальных коррекционных школ, бесплатном образовании для детей с ограниченными возможностями здоровья в этих школах, где будут удовлетворены особые образовательные потребности ребёнка и оказана необходимая психолого-педагогическая поддержка. Это может звучать заманчиво для родителей детей с ограниченными возможностями здоровья, борющихся за доступ своих детей к качественному образованию. При этом остаётся неясным, как обучение в отдельных школах поможет социализации детей с ограниченными возможностями здоровья в обществе (Розенблюм 2013, Богданова 2013, Касичина 2011, Денисова 2013, Ахметова 2016).

Применительно к российскому контексту целостный анализ роли и взаимодействия различных социальных групп в общем трансформационном процессе представлен в теории трансформационного процесса, где рассмотрены оба уровня социальной реальности – социальные структуры, что позволяет применять положения теории к анализу института российского образования, и деятели, те, кто оказывает влияние на трансформацию института образования, а также промежуточный уровень массовых трансформационных процессов, отражающих суть и своеобразие современного этапа трансформации образования.

Стоит отметить, что при выборе определения качества инклюзивных образовательных услуг важно учитывать разные аспекты образования. С этой точки зрения для настоящего исследования интерес представляют работы, в которых качество образования рассматривается как многоаспектный феномен и выделяются следующие его аспекты: философский, социокультурный, ценностный, мировоззренческий, коммуникативный, структурно-организационный, управленческий, содержательно-технологический. Рассмотрение перечисленных аспектов в комплексе позволяет обозначить целостную систему оценки качества образования (Змеёв 2012, Иванченко 2005, Бахарев 2013, Воронич 2013, Ковалев 2021, Мара 2017).

Согласно трёхмерной модели, инклюзивное образование включает следующие равнозначные компоненты: инклюзивную культуру, инклюзивную политику, инклюзивную практику (см. рис. 2).

Резюмируя вышесказанное относительно повышения качества инклюзивного образования, можно отметить непосредственную его связь с развитием инклюзивной культуры, реализацией инклюзивной политики и развитием инклюзивной практики. Необходимость повышения качества услуг актуализирует вопросы разработки стандартов инклюзивного образования и вместе с тем целенаправленного управления качеством образовательных услуг в интересах их потребителей.

В настоящее время в исследованиях параллельно могут использоваться тождественные понятия: дети с инвалидностью и дети с ограниченными возможностями здоровья, что обусловлено использованием того и другого в российском законодательстве, сообществах специалистов, работающих с группой детей с общим недоразвитием здоровья, в научных текстах и повседневном словоупотреблении, что облегчает понимание смысла используемой терминологии в профессиональном сообществе и в общении с участниками исследования. Важно определить, какие смыслы включает в себя понятие инклюзивного образования при переносе в российский контекст и как использовать это знание для повышения качества российского образования в целом. В российской научной литературе проведен глубокий социокультурный анализ нетипичности, и в том числе вопросов инвалидности (Ярская-Смирнова 2020, Ярская 2020).

Таким образом, инклюзивное образование заявлено как перспективное с точки зрения не только интеллектуального, но и социального развития детей. В этом главная ценность инклюзии в аспекте повышения качества общего образования.

Задачи и структура исследования

Для построения и всестороннего анализа социального механизма повышения качества инклюзивного образования применялся метод анкетирования. Данный метод адекватен задачам исследования: определение субъектов повышения качества инклюзивного образования и их роли в данном процессе, выявление на этой основе ключевых факторов в повышении качества инклюзивного образования; более подробный анализ результатов работы этого механизма и определение мер по повышению качества инклюзивного образования по одному из трёх его основных составляющих (развитие инклюзивной культуры, развитие

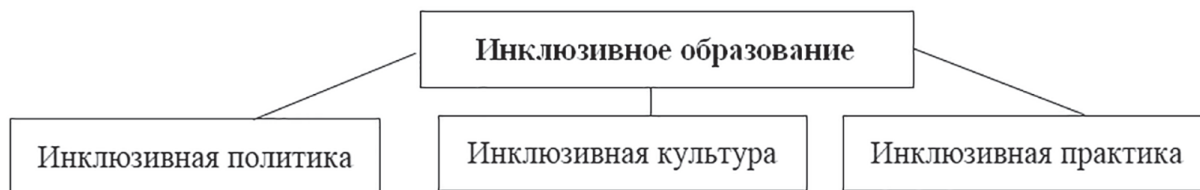

Рисунок 2. Компоненты инклюзивного образования

инклюзивной политики, развитие инклюзивной практики).

Исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе – определительном, актуализировалось понятие инклюзивное образование. В силу того что инклюзивное образование выступает в качестве индивидуализирующего, использование процессоориентированного подхода в данном исследовании представляется наиболее продуктивным. Проблема повышения качества инклюзивного образования актуализируется не как проблема знаний и степени их усвоения учениками, а как проблема новой направленности самого образовательного процесса, перенесения акцента с обучения на воспитание. Новая онтология образования требует и новых принципов его изучения, новой эпистемологии, делающей акцент не столько на количественных, сколько на качественных характеристиках образования. Важным методологическим принципом исследования является учет контекста развития инклюзивных практик. На втором этапе – подготовительном, изучался контекст развития инклюзивных практик. На третьем этапе – исследовательском, уточнялись хронологические рамки этапов развития инклюзивного образования; определялось общепринятое толкование понятия инклюзивное образование; осуществлялось описание выборки исследования. На четвертом этапе – аналитическом, определялись критерии успешности функционирования образовательного процесса, в который входили следующие показатели: содержание и организация основного и дополнительного образования; организация внеклассной и внешкольной воспитательной работы; применение лично ориентированных и здоровьесберегающих образовательных технологий. Результаты пилотажного исследования свидетельствуют о наличии ряда проблем, требующих коррекции в аспекте повышения качества инклюзивного образования. Для родителей и учеников важнее социальные эффекты образования и условия его осуществления. Таким образом, имеет место некоторое рассогласование целевых установок разных субъектов образовательного процесса относительно образования, что, в свою очередь, не может не отражаться на его качестве.

Особенности представлений участников образовательного процесса о повышении качества инклюзивного образования

Исходя из ответов опрашиваемых родителей детей с ограниченными возможностями здоровья, получили следующие результаты. Для повышения качества инклюзивного образования необходимо более полное задействование социально-психологического ресурса: создание доступной среды (99%), своего рода площадки для расширения опыта общения людей с разными особенностями здоровья,

и психолого-педагогическая работа с родителями детей с ограниченными возможностями здоровья, направленная на их собственную активизацию и помощь детям в развитии коммуникативных навыков (93 %). В тесной связи с социально-психологическими ресурсами находятся информационно-методические ресурсы повышения качества инклюзивного образования. По словам родителей детей с ограниченными возможностями здоровья, в настоящее время у широкой общественности ещё много мифов об инклюзивном образовании (80 %). Родители детей с ограниченными возможностями здоровья подчёркивали, что приход ребенка-инвалида в школу сразу вызывает настороженность родителей здоровых детей (76 %) и данный факт создаёт нездоровый социально-психологический климат в классе. Мифы об инклюзивном образовании присутствуют у самых разных субъектов образовательного процесса и препятствуют позитивному эмоциональному восприятию инклюзии, поэтому на первом этапе повышения качества инклюзивного образования важна просветительская работа с обществом в целом, носящая ненавязчивый характер, но формирующая толерантные установки (например, социальная реклама или краткая информация на курсах повышения квалификации для педагогов). Педагогам дополнительно необходим методический ресурс практико-ориентированной направленности. Кадровый ресурс также видится родителям детей с ограниченными возможностями здоровья одним из ключевых для повышения качества инклюзивного образования. Поскольку социально-психологический климат создают в первую очередь педагоги, им необходимы курсы повышения квалификации (93 %), где будут обучать конкретным технологиям работы с разными детьми. Курсы должны строиться на основе социального подхода к инвалидности: не надо много медицинской терминологии. Она непонятна. Лучше рассказывать, как при этом диагнозе можно развить память, внимание, мышление. Кроме того, подчёркивается, что опыт специального образования не должен быть забыт, и педагоги общего и специального образования должны работать сообща. Большие надежды педагогов школы связаны с появлением в инклюзивных классах тьюторов.

Средовой, финансовый и законодательный ресурсы, по мнению родителей детей с ограниченными возможностями здоровья, оказывают комплексное воздействие на привлечение названных выше ресурсов. Без их привлечения невозможно создать и регулировать быстро развивающиеся инклюзивные практики в направлении более высокого их качества. Более того, они задают нормативы, ориентиры, без которых невозможно даже решение задачи обеспечения качества инклюзивного образования.

Тем не менее, в ответах опрошенных также намечены пути повышения качества инклюзивного образования с привлечением каждого из этих ресурсов. Необходима разработка универсального дизайна, то есть такой среды обучения, которая была бы удобной для всех детей с инвалидностью и без и независимо от вида инвалидности. Не менее важно, с точки зрения родителей детей с ограниченными возможностями здоровья, разрабатывать все мероприятия по созданию доступной среды только после проведения мониторинга образовательных потребностей детей-инвалидов. С их точки зрения, необходим прозрачный механизм финансирования инклюзивного образования. В анкетировании было определено, какие основные субъекты образовательного процесса в реальности задействованы в работе с разными ресурсами инклюзивного образования. От учебной, социальной, коммуникативной активности учащихся с ограниченными возможностями здоровья зависит, насколько быстро будут изжиты стереотипы в отношении инклюзивного образования. В аспекте повышения качества инклюзивного образования отметим, что учащиеся с ограниченными возможностями здоровья, вопреки мнению многих педагогов, могут и должны инициировать диалог с остальными членами школьного сообщества. В целом, ученики с ограниченными возможностями здоровья, по словам их родителей, готовы к самым разным вопросам, и именно они должны выступать основным источником информации о своих образовательных потребностях, на реализацию которых направлена вся работа инклюзивной школы и инклюзивных классов. Эта позиция полностью согласуется с социальным подходом к инвалидности, делающим акцент на самостоятельном управлении человеком с инвалидностью своей жизнью, принятием всех значимых жизненных решений самостоятельно.

Вместе с тем в силу несовершеннолетия детей с инвалидностью, часть ответственности за их образование несут родители. Поэтому они являются вторым важнейшим макросубъектом социального механизма повышения качества инклюзивного образования. В качестве конкретных задач, обеспечивающих это повышение, можно отметить не только принятие решения о поступлении своего ребёнка в общеобразовательную школу, дополнение учебных занятий ребёнка занятиями с родителями на дому, выполнение обязанностей по транспортировке ребёнка к месту учёбы, но и социально-психологические аспекты. В их числе нужно отметить значимую роль для повышения качества инклюзивного образования родительской помощи ребёнку в установлении контактов со сверстниками и формировании мотивации к обучению. Педагог также решает вопросы адаптации ребёнка с ограниченными возможностями здоровья в начальный период обучения и выполняет посреднические функции

между одноклассниками и родителями ребёнка с ограниченными возможностями здоровья и администрацией школы. В аспекте повышения качества инклюзивного образования важно, что педагоги постепенно научились распределять обязанности по сопровождению ребёнка, предоставив одноклассникам возможность также помогать ребёнку с ограниченными возможностями здоровья.

Особое значение в инклюзивной школе приобретает использование интересных для учеников видов деятельности непосредственно в учебном процессе. Более правильно, чтобы способности и увлечения ребенка с ограниченными возможностями здоровья использовались на уроках. Если у ребёнка с ограниченными возможностями здоровья музыкальный слух, нужно давать больше ему заданий на воспроизводство услышанного из устной речи учителя. Эта практика поможет и одноклассникам быстрее заметить его феноменальную память, например, да и результаты обучения этого ребёнка будут лучше.

В аспекте повышения качества образования следует отметить, что оно связывается не столько с достижением соответствия государственным стандартам, сколько с личностно значимыми для самих обучающихся результатами образовательного процесса. Всё более разнообразным ожиданиям от образования по-прежнему противопоставляется ориентация образовательной практики исключительно на качество знаний. На данном этапе развития образования процесс размытия традиционной ориентированной на знания модели образования происходит очень медленно, что затрудняет дальнейшее повышение качества инклюзивного образования, опирающегося на личностно ориентированную модель образования.

Дискуссия

Основания инклюзии связаны с тем, что она работает на усиление связей и ресурсов местного сообщества в осуществлении социальных изменений. Образование перестаёт быть просто образованием, а становится способом включения в местное сообщество. Предполагается, что каждый ребёнок должен посещать школу по месту жительства – это укрепляет местное сообщество, ответственность за тех, кто находится рядом с тобой. В то же время возможность общаться с разными детьми, учитывая и уважая их особенности, повышает вероятность небезразличного отношения даже к людям, не относящимся к ближайшему окружению. Инклюзивное образование неразрывно связано со смыслом индивидуализации образования. Теоретически обосновано, что выделение определённого пространства для индивидуализации формирует у ребёнка навыки самоопределения, самоорганизации, самовыражения и тому подобное. Инклюзивное образование с позиции его смысла как индивидуализирующего

можно представить как проблему инновационных образовательных технологий: важно внимание к внутренним проблемам ребёнка, понимание его индивидуальности и опора на саморазвитие. Учитель должен обладать спектром разнообразных мягких педагогических средств. Инклюзия предполагает, что педагоги видят в проблеме ребенка не стресс для себя, не повод для наказания со стороны своего начальства, а новую образовательную ситуацию, которая делает ребёнка реальным субъектом его образования.

В настоящее время наибольшую популярность приобретает дискурс прав и этики, так как именно в его рамках могут быть выявлены не только прикладные, но и системные, глубинные проблемы организации инклюзивного образования. Кроме того, выводы о доступности образования для людей с ограниченными возможностями здоровья могут стать вкладом в институциональное регулирование социальной политики в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, сегодня всё большее значение придаётся социальным эффектам образования, связанным с включением подрастающего поколения в социальную и культурную жизнь общества. Именно инклюзия становится новым социокультурным кодом для обозначения стремления к преодолению неравенства, обретению свободы и нового качества жизни.

Выводы

Необходимо начать инклюзию как можно раньше, чтобы изменить убеждения людей, отмечая необходимость уже сегодня работать с основными субъектами образовательного процесса, знакомя их с философией независимой жизни человека с ограниченными возможностями здоровья и поощряя их к взаимодействию и обмену опытом.

Таким образом, воспитательный ресурс местных социальных организаций практически не используется. Инклюзивная школа стремится стать единственным источником помощи для ребёнка с ограниченными возможностями здоровья. В этой связи повышение качества инклюзивного образования связано с привлечением ресурсов местного сообщества. Модель инклюзивной школы как многофункционального учреждения должна иметь объективные ограничители для успешной социализации ребёнка с ограниченными возможностями здоровья или без данных ограничений, возможной только при взаимодействии различных агентов социализации.

В качестве путей повышения качества инклюзивного образования в представлении родителей детей с ограниченными возможностями здоровья можно выделить следующие:

- необходимо вести просветительскую работу с обществом в целом, которая должна носить нена-

вязчивый характер, но при этом формировать толерантные установки;

- одним из ключевых для повышения качества инклюзивного образования является кадровый ресурс;

- необходимо педагогам пройти курсы, которые должны строиться на основе социального подхода к инвалидности, а не на медицинской терминологии;

- в инклюзивных классах необходимо введение системы тьюторства;

- необходимо разрабатывать все мероприятия по созданию доступной среды только после проведения мониторинга образовательных потребностей детей-инвалидов. Именно дети с ограниченными возможностями здоровья должны выступать основным источником информации о своих образовательных потребностях, на реализацию которых направлена вся работа инклюзивной школы и инклюзивных классов

Таким образом, повышение качества инклюзивного образования должно быть связано с разработкой гибких правил самими участниками образовательного процесса, своих для каждого класса с учётом особенностей детей в нём, а не со следованием неким общепринятым правилам, которые создают новые трудности в процессе обучения.

Библиографический список

Абрамова Н.А. Подготовка педагогических кадров для обеспечения инклюзивного образования в Республике Саха (Якутия) // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: матер. Междунар. науч.-практ. конф.; Моск. гор. психол.-пед. ун-т; Москва, 2011. С. 225–227.

Алехина С.В., Алексеева М.Н., Агафонова Е.Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 83–92.

Алехина С.В., Алексеева М.Н., Агафонова Е. Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 83–92.

Ахметова Д.З. Готовность российских педагогов реализовывать инклюзивную культуру и инклюзивную практику (концепция и реальность). Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития. Москва: МАНПО, 2016. 520 с.

Бахарев А.В. Воспитание толерантности в инклюзивном образовании // Инновационные модели профессиональной подготовки студентов, педагогов к социальному проектированию технологий в условиях системы образовательного пространства: Коллективная монография. Москва: АПКППРО, 2015. С. 86–89.

Бехпажох А. Образовательная интеграция. Тегеран: Изд-во специального, практического, образовательного образования и воспитания. 2000. № 1, 159 с.

Богданова Е.В. Этика общения с людьми с ограничениями здоровья как составляющая инклюзивной культуры // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 3. С. 158–160.

Вакорина Л.Ю. Инклюзивное образование в России: создание условий реализации // Теория и практика общественного развития. 2018. № 5 (123). С. 54–56.

Вихорев Д.Л. Проблемы обучения и адаптации детей-инвалидов в Украине. Высшее образование инвалидов // Материалы Международной научно-практической конференции; Киев. 2000. 390 с.

Вольская О.В., Флотская Н.Ю., Буланова С.Ю., Усова З.М. Модели реализации инклюзивного образования в современном мире // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17065>.

Воронич Е.А. Сущность инклюзивного подхода в образовании. Периодический журнал научных трудов «ФЭН-НАУКА», Бугульма, 2013. № 1(16), С. 18.

Денисова О.А., Леханова О.Л., Поликарпова В.Н., Букина И.А. Региональный опыт проектирования образовательных программ подготовки педагогов для инклюзивного образования детей с ОВЗ. Инклюзивное образование: практика, исследования, методология: сборник материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2013. С. 564–568.

Змеёв С.И. Компетенции и компетентности преподавателя высшей школы XXI в. // Педагогика. 2012. № 5. С. 69–74.

Иванченко Г.В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора // Мир России. 2005. № 2. С. 2–26.

Ковалев Е.В. Потенциал воспитывающей культурной среды для формирования у педагогов позитивного отношения к обучающимся (по результатам деятельности инновационной площадки ИХОИК РАО) // Педагогика искусства. 2021. № 4. С. 14–22.

Кобзева О.В. Поведенческий компонент в структуре Я-концепции студентов с нарушениями развития. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 4 (194). С. 485–489.

Касицина Н.В. Педагогическое проектирование как практика повышения квалификации специалистов в инклюзивном образовании. Инклюзивное образование: методология, практика, технология: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Моск. гор. психол.-пед. ун-т. Москва, 2011. С. 233–235

Кулагина Е.В. Образование детей с ограниченными возможностями здоровья. Опыт коррекционных и интеграционных школ // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 107–116.

Малофеев Н.Н. Основные направления развития специального образования в России. Дефектология. 2005. № 1. 175 С.

Мара Э.А., Губарьков С.В. Особенности применения инновационных методов обучения в вузе // Новая наука: от идеи к результату: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции. Стерлитамак. 2017. № 1–2. С. 59–61.

Милосердова Г.В. Методику инклюзивного образования можно освоить, но в сердце учителя должна быть любовь к таким детям // Справочник руководителя образовательного учреждения. 2014. № 9. С. 17–21.

Розенблюм С.А. Инклюзия. Как помочь обычному учителю // Инклюзивное образование: практика, исследования, методология: сб. матер. II Междунар. науч.-практ. конф. Москва: Буки Веди, 2013. С. 592–595.

Сабельникова С. И. Развитие инклюзивного образования // Справочник руководителя образовательного учреждения. 2009. № 1. С. 42–54.

Тоффлер Э. Третья волна / пер. на русский язык: А. Мирер, И. Москвина-Тарханова, В. Кулагина-Ярцева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров, Е. Комарова, А. Микиша, Е. Руднева, Н. Хмелик. АСТ: Москва, 2002. 784 с.

Четверикова Т. Ю. Специальное образование в Омской области // Национальные приоритеты России. 2014. № 1 (11). С. 88–93.

Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Роль людей с инвалидностью в расширении доступности городской среды // Актуальные проблемы социологии и социальной работы 21 века. Сер. 4. Медико-социальные аспекты повышения качества жизни людей с инвалидностью в Узбекистане. Ташкент: VNESHINVESTPROM, 2020. 386 с.

Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Качество жизни людей с инвалидностью в Средней Азии: политика и практика // Социологические исследования, 2020. № 8. С. 160–162.

Ярская-Смирнова Е.Р. Ярская В.Н. Агентная позиция людей с инвалидностью в городском пространстве // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 223–234.

References

Abramova, N.A. (2011), Training of pedagogical personnel to ensure inclusive education in the Republic of Sakha (Yakutia), *Inclusive education: methodology, practice, technology: from International Scientific and Practical Conference*, pp. 225–227.

Alyokhina, S.V., Alekseeva, M.N., Agafonova E.L. (2011), Readiness of teachers as the main factor of success of the inclusive process in education, *Psychological science and education*, no. 1, pp. 83–92.

Akhmetova, D.Z. (2016), *Readiness of Russian teachers to implement inclusive culture and inclusive practice (concept and reality). Teacher's professionalism: essence, content, development prospects*, MAN-PO, Moscow, Russia.

Bakharev, A.V. (2015), Fostering tolerance in inclusive education, *Innovative models of professional training of students, teachers for the social design of technologies in the conditions of the educational space system*, Collective monograph, APKiPPRO, Moscow, Russia.

Bekhpajoh, A. (2000), *Educational Integration*, Publishing house of special, practical, educational education and upbringing, Tehran, Iran.

Bogdanova, E.V. (2015), Ethics of communication with people with disabilities as a component of inclusive culture, *Bulletin of the KSU named after N.A. Nekrasov*, no. 3, pp. 158–160.

Vakorina, L.Y. (2018), Inclusive education in Russia: creation of conditions for implementation, *Theory and practice of social development*, no. 5 (123), pp. 54–56.

Vikhorev, D.L. (2000), Problems of education and adaptation of disabled children in Ukraine, *Higher education of disabled people*, Materials of the International Scientific and Practical Conference, Kiev, Ukraine.

Volskaya, O.V., Flotskaya, N.Y., Bulanova, S.Y., Usova, Z.M. (2014), Models of implementation of inclusive education in the modern world, *Modern problems of science and education*, no. 6, [Online], available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17065>.

Voronich, E.A. (2013), The essence of an inclusive approach in education. Periodical journal of scientific works "FEN-NAUKA", *Bugulma*, no. 1(16), pp. 18.

Denisova, O.A., Lekhanova, O.L., Polikarpova, V.N., Bukina, I.A. (2013), Regional experience in designing educational programs for teacher training for inclusive education of children with disabilities, *Inclusive education: practice, research, methodology: collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference*, pp. 564–568.

Zmeyov, S.I. (2012), Competences and competences of the teacher of higher education in the XXI century, *Pedagogy*, no. 5, pp. 69–74.

Ivanchenko, G.V. (2005), On the threshold of a professional career: social problems and personal choice strategies, *The World of Russia*, no. 2, pp. 2–26.

Kovalev, E.V. (2021), The Potential of Nurturing Cultural Environment for Formation of Positive Attitudes of Teachers towards Students (Based on the Results of the Innovation Platform of IHOIC RAO), *Pedagogy of Art*, no. 4, pp. 14–22.

Kobzeva, O.V. (2021), The behavioral component in the structure of self-concept of students with developmental disabilities, *Scientific notes of P.F. Lesgaft University*, no. 4 (194), pp. 485–489.

Kasitsina, N.V. (2011), Pedagogical design as a practice of professional development of specialists in inclusive education, *Inclusive education: methodology, practice, technology: materials of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 233–235.

Kulagina, E.V. (2009), Education of children with disabilities. Experience of correctional and integration schools, *Sociological research*, no. 2, pp. 107–116.

Malofeev, H.H. (2005), The main directions of development of special education in Russia, *Defectology*, no. 1, pp. 175.

Mara, E.A. and Gubarkov, S.V. (2017), Features of the application of innovative teaching methods in higher education, *New Science: from idea to result: An international scientific periodical publication based on the results of the International Scientific and Practical Conference*, no. 1–2, pp. 59–61.

Miloserdova, G.V. (2014), The methodology of inclusive education can be mastered, but there must be love for such children in the heart of the teacher, *Handbook of the head of an educational institution*, no. 9, pp. 17–21.

Rosenblum, S.A. (2013), Inclusion. How to help an ordinary teacher, *Inclusive education: practice, research, methodology: Collection of materials from the II International Scientific and Practical Conference*, pp. 592–595.

Sabelnikova, S.I. (2009), Development of inclusive education, *Handbook of the head of an educational institution*, no. 1, pp. 42–54.

Toffler, E. (2002), *The third wave*, Gurevich P.S., Barabanov S., Burmistrov K., Burmistrova L., Zaritovskaya Z., Komarova E., Krotovskaya N., Kulagina-Yartseva V., Mikisha A., Moskvina-Tarkhanova I., Rudneva E., Tatarinova K., Khmelik N. (tr.), AST, Moscow, Russia.

Chetverikova, T.U. (2014), Special education in the Omsk region, *National priorities of Russia: scientific journal*, no. 1 (11), pp. 88–93.

Yarskaya-Smirnova, V.N. and Yarskaya-Smirnova, E.R. (2020), The role of people with disabilities in expanding the accessibility of the urban environment, *Actual problems of sociology and social work of the 21st century*, Seriya 4, Medical and social aspects of improving the quality of life of people with disabilities in Uzbekistan, p. 386.

Yarskaya, V.N. and Yarskaya-Smirnova, E.R. (2020), The quality of life of people with disabilities in Central Asia: policy and practice, *Sociological Research*, no. 8, pp. 160–162.

Yarskaya-Smirnova, E.R. and Yarskaya, V.N. (2020), The agency position of people with disabilities in urban space, *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, no. 56, pp. 223–234.

Submitted: 10.09.2022

Revised: 15.10.2022

Accepted: 30.11.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 301

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-91-96

Дата поступления: 10.09.2022
рецензирования: 18.10.2022
принятия: 03.12.2022

С.А. Судьин

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: sergeysudin@fsn.unn.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3625-6804>

Г.П. Смирнова

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: lada_fc@mail.ru

Технологический фактор трансформации межпоколенных коммуникаций

Аннотация: анализируется динамика межпоколенного взаимодействия под влиянием современных коммуникативных практик молодежи, в свою очередь, обусловленных развитием информационных технологий. С помощью концепции префигуративной культуры М. Мид и обратной социализации С. Уорда объясняется процесс положительной активизации межпоколенных коммуникаций, связанный с ростом потребности представителей старшего поколения в компетенциях их детей и внуков, что, однако, изменяет привычный вектор социализирующего воздействия. Делается вывод о двойственном характере динамики межпоколенных коммуникаций под воздействием информационных технологий: естественное нарастание ценностных противоречий компенсируется активизацией взаимодействия в процессе обмена опытом и компетенциями.

Ключевые слова: коммуникативные практики; межпоколенное взаимодействие; префигуративная культура; обратная социализация; семья; коммуникативные барьеры.

Цитирование: Судьин С.А., Смирнова Г.П. Технологический фактор трансформации межпоколенных коммуникаций // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 91–96. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-91-96>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Судьин С.А., 2022 – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23.

© Смирнова Г.П., 2022 – магистрант кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, председатель Нижегородской областной общественной организации Семейный центр «ЛАДА», 603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.A. Sudin

National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: sergeysudin@fsn.unn.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3625-6804>

G.P. Smirnova

National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: lada_fc@mail.ru

Technological factor in the transformation of intergenerational communications

Abstract: the paper analyzes the dynamics of intergenerational interaction under the influence of modern communicative practices of young people, in turn, conditioned by the development of information technology. Using M. Mead's concept of pre-figurative culture and S. Ward's concept of reverse socialization, the research explains the process of positive activation of intergenerational communication due to growing needs of elder generation for competences of their children and grandchildren that, however, changes the habitual vector of socialization influence. The authors conclude that the dynamics of intergenerational communication under the influence of information technology is ambivalent: the natural increase in value contradictions is compensated by the intensification of interaction in the course of exchanging the experience and competence.

Key words: communicative practices; intergenerational interaction; pre-figurative culture; reverse socialization; family; communicative barriers.

Citation: Sudin, S.A. and Smirnova, G.P. (2022), Technological factor in the transformation of intergenerational communications, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, p. 91–96, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-91-96>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Sudin S.A., 2022** – Doctor of sciences in Sociology, Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.

© **Smirnova G.P., 2022** – Head of Nizhny Novgorod regional public organization "Family Center "LADA", MA student of Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.

Введение и постановка проблемы

Тема межпоколенного взаимодействия и сопровождающего его конфликта между молодежью и пожилыми людьми является предметом изучения различных дисциплин и традиционно вызывает высокий исследовательский интерес. В трудах ряда социологов и специалистов по конфликтологии и межпоколенческой коммуникации рубежа XX и XXI веков формулируется положение о «структурном насилии» как о системе дискриминации, легитимированной в наборе сложившихся норм. Старшее поколение находится в сложившейся социальной системе «институализированных нарушений» и «культурно обусловленной моральной слепоты», которые определяют способы решения повседневных проблем и методы коммуникации, приводящие к возникновению и усилению конфликтов. Рассматриваемые конфликтные взаимодействия имеют ряд характерных особенностей: ситуативность (незначительность), мировоззренческая основа (противопоставление групповых ценностей через поколенческую идентичность, а не индивидуальных), быстрая децентрализация, вербальный характер. (Смолькин 2015). Можно отметить две важные особенности современных межпоколенных конфликтов. Во-первых, чаще всего они провоцируются представителями старших поколений, для которых характерна стилистика общения, близкая к воспитательному псевдопедагогическому давлению (Гофман 2009). Во-вторых, чаще всего эти конфликты завершаются по инициативе представителей младших поколений. При этом многие

исследователи рассматривают межпоколенческий конфликт и взаимодействие не только как закономерный, но и как необходимый механизм общественного и семейного развития, хотя и сочетающий в себе прогрессивную и регрессивную роль в процессе воспроизводства социального и культурного порядка (Вдовина 2009, Запесоцкий 2006).

Опыт старших поколений является значимым и ценным для потомков. Однако в процессе социального и технологического прогресса данный опыт теряет свою актуальность. Чем скорее происходят социальные трансформации, тем больший разрыв можем наблюдать между старшим и младшим поколением в ценностно-мировоззренческом, коммуникативном, социальном аспектах. В рамках системы социальных отношений процесс передачи, отбора и усвоения социокультурных образцов и ценностей в процессе межпоколенного взаимодействия происходит посредством наблюдения. Взаимонаблюдение является одним из механизмов интеграции поколений, порождающим взаимную потребность между ними. Это определяет значимость коммуникативных стратегий и инструментов, используемых сторонами межпоколенного взаимодействия, а также коммуникационных барьеров, мешающих его выстраивать.

В рамках анализа межпоколенного взаимодействия определяющими барьерами коммуникации являются социокультурные, вызванные различиями в системах норм и ценностей, уровне культурного развития, принятыми коммуникативными

ми практиками. Количественный и качественный рост барьеров межпоколенной коммуникации приводит к обострению противоречий, конфликтам между поколениями, затрудняет процесс межпоколенной преемственности, сохранения культурной идентичности и целостности общества. Помимо технического процесса и связанных с ним изменений в коммуникативных стратегиях, в постиндустриальном обществе ярко проявляются отрицание доминирующей роли разума в культуре, социальная ориентация на «новый опыт», усиление индивидуализации, превращение информации в товар, увеличение дистанции между сторонами коммуникативных процессов. Ряд исследователей связывают это с потерей человечеством инстинкта самосохранения, который обеспечивал потребность в межпоколенческой коммуникации, передаче значимой для выживания информации последующим поколениям.

Немаловажным является различие в ценностной ориентации и цели взаимодействия для разных поколений. Для старшего поколения, которое является носителем позднесоветских коммуникативных паттернов и семейных ценностей, взаимодействие с молодежью является формой воспитательного воздействия, транслирования культурных и социальных моделей и опыта. Получаемая и передаваемая в процессе коммуникации информация имеет практическую ценность, а взаимодействие направлено на достижение конкретного результата. Так, в традиционной для межпоколенного взаимодействия сфере – семье старшие родственники (бабушки, дедушки) ориентированы на оказание натуральной помощи (взаимные или односторонние услуги, присмотр за детьми, помощь по хозяйству) и эмоциональной поддержки детей и внуков. Такой подход не только исторически и эволюционно обоснован, но и определил во многом путь развития современного человечества. Помощь бабушек в уходе за внуками помогла повысить выживаемость потомства за счет трансляции наиболее протективных воспитательных и поведенческих паттернов и расширения жизненного опыта молодежи с учетом собственных ошибок. Всё больше детей оказывались носителями генотипа женщин-долгожителей. В конце концов он стал доминирующим и привёл к резкому скачку средней продолжительности жизни людей в целом. (Coxworth J.E., Kim P.S., McQueen J.S., Hawkes K., 2015). В результате сформировался традиционный подход к вертикальной межпоколенческой коммуникации от прародителей к внукам.

Однако, коммуникативные практики, используемые современной молодежью в повседневной жизни, в полной мере отражают специфику технического прогресса и развития современного постиндустриального (информационного) общества. Основным фактором развития новых комму-

никативных практик является влияние и использование сети Интернет. Функционал современных социальных сетей настолько широк, что они опосредуют большинство коммуникативных практик. А поскольку основным пользователем Интернета является молодёжь, именно она становится носителем новых коммуникативных стратегий и практик. Одной из характерных черт общения посредством социальных сетей и интернет-инструментов, по результатам ряда исследований, является фактическое увеличение (переизбыток) коммуникаций и информационного обмена. Молодое поколение, помимо обильного сетевого общения, сохраняет высокий уровень реального общения с друзьями, родственниками и знакомым. (Гришаева С.В., Клюваев К.В., 2019). Характеризуя межпоколенное взаимодействие, можно констатировать обратное явление – сокращение и изменение формата коммуникации. В значительной мере это связано с разницей в технических навыках пользования современными средствами и устройствами связи. Другими словами, наряду с нарастающим межпоколенным разрывом, обусловленным ценностными противоречиями и девальвацией традиционного опыта, мы можем наблюдать и обратные тенденции, характеризующиеся сближением поколений на фоне востребованности родителями и прародителями традиционно молодежных компетенций. Вряд ли можно говорить о «компетентностном обмене» как о факторе преодоления ценностного конфликта, однако, нельзя в данном случае отрицать и его потенциала. Цель данной статьи – проследить на концептуальном уровне влияние технологического фактора на процессы межпоколенной коммуникации.

Методологические подходы

Научно-технический прогресс порождает быстрые изменения в поведении, культуре и структуре потребления каждого человека. Представители всех социальных групп, независимо от их вероисповедания, финансового и социального положения, пытаются приспособиться к этим тенденциям, определяющим их поведение и образ мыслей. Причина изменения поведения и склонности к изменению заключается в том, что потребление фактически отражает положение индивида в обществе. Смартфоны, персональные компьютеры, современная бытовая техника – все это глубоко вошло в нашу жизнь, предъявляя к пользователям высокие требования. Старшему поколению, не привыкшему к такому типу взаимодействия, требуется много усилий, чтобы начать использовать новые технологии, сделав их своими помощниками, а не источниками постоянных стрессов. Наиболее очевидным ресурсом, готовым прийти на помощь старшему поколению, является поколение их детей и внуков. Взаимодействие со сверстни-

ками, их интегрированность в новые технологии через сеть Интернет – все это позволяет им быть на «ты» со всеми технологическими новинками.

Это, однако, нарушает сложившийся за столетия механизм традиционной передачи знаний от родителя к ребенку. Маргарет Мид (1970) описывает, что появление новых технологий, которые часто связаны с культурными изменениями, приводит к феномену префигуративной культуры, которая развивается, когда люди сталкиваются с незнакомыми и значительно изменившимися обстоятельствами. Наиболее яркий пример – изменения, произошедшие в жизни человечества за последние двадцать пять лет. Мы можем видеть огромные изменения в уровне жизни людей в результате развития и легкой доступности современных электронных устройств. Несмотря на это, старшее поколение с трудом приспосабливается к технологическим изменениям, происходящим внутри и вокруг них. Например, в случае со смартфоном молодые люди легко адаптируются к изменениям, но люди в возрасте от пятидесяти лет сталкиваются с заметными трудностями при его использовании; для них это всего лишь средство для отправки сообщений или звонков, они не используют его передовые функции из-за страха или отсутствия знаний. Поэтому, по словам Мид, «старика в префигуративной культуре привязаны к прошлому и ограничены в адаптации имеющимися знаниями и опытом. Молодые люди, напротив, сосредоточены на настоящем, могут вести за собой, вместо того, чтобы следовать по стопам старших. Такие общественные и культурные условия приводят к обратной социализации» (Mead 1970), когда молодое поколение передает знания старшему.

Похожую ситуацию описывает С. Уорд (S. Ward 1974) в своей концепции обратной социализации, связывая ее с потребительским поведением. Реальность такова, что на протяжении всей жизни человек постоянно приобретает новые знания и обновляет имеющиеся навыки, установки и поведение, чтобы сделать эффективный потребительский выбор в динамичном и постоянно меняющемся мире. В этом процессе обновления навыков, знаний и поведения старшие сталкиваются с трудностями в адаптации к быстро меняющимся технологическим и продуктовым ситуациям в результате своей неспособности эффективно решать вопросы из-за отсутствия личного опыта. Чтобы обеспечить принятие эффективных потребительских решений, они обращаются за помощью к молодому поколению или своим детям для приобретения необходимого опыта. Это приводит к обратной социализации, когда родитель склонен учиться у ребенка или молодое поколение передает знания старшим людям, изменяя их взгляды, отношение и поведение. Она возникает в ситуа-

циях, когда молодое поколение обладает новыми или недавно принятыми взглядами, знаниями, навыками или поведением, которые родители не приобрели. Это происходит в основном в случае технологических продуктов и услуг в результате огромного развития и изменений.

Результаты и обсуждение

Существует множество причин, по которым происходит обратная передача знаний от детей к родителям. Самая главная заключается в том, что в условиях, когда родители сталкиваются с трудностями в обращении с тем или иным высокотехнологичным продуктом, они чаще контактируют с детьми, чем с другими людьми или любыми другими агентами социализации, такими как друзья, СМИ и т.д. Благодаря этим отношениям, дети имеют преимущество перед родителями и контролируют их поведение и потребление. Таким образом, они выступают в качестве источника влияния или агента социализации (Mochis 1978). Современные дети, известные как поколение «Z», на протяжении всей жизни знакомы с ПК и цифровыми технологиями, осваивают и используют эти технологии быстрее, чем их родители, превосходя старшее поколение по уровню технологических знаний и навыков благодаря более высокой скорости обучения, уровню комфорта при использовании новых технологий, а также благодаря доступу к передовым телекоммуникационным средствам. Научно-технический прогресс создает для детей благоприятную платформу для получения знаний и информации. С. Кислер и другие (2000) обнаружили, что благодаря высоким техническим навыкам или энтузиазму, подросток становится семейным гуру и тем человеком, к которому другие обращаются за технической помощью. В таких обстоятельствах дети все чаще участвуют в покупках, а не используют стратегии убеждения или влияния на старшее поколение для их социализации.

Современные молодежные и, в первую очередь, сетевые практики взаимодействия характеризуются кардинально иными параметрами: глобальный характер информации и общения, расширение методов коммуникации, в том числе сложных для воспроизводства с позиции требуемых технических навыков или погружения в контекст, культурный код поколения, расширение сети контактов с одновременным «упрощением», поверхностностью общения. По данным профильных исследований, молодежь является основным пользователем современных технических и сетевых средств коммуникации. Вовлеченность в данный процесс представителей старших поколений обратно пропорциональна возрасту. В результате может сформироваться новый коммуникативный барьер между поколениями, который характеризуется не столько технической невовлеченностью пожи-

рых людей в современные методы коммуникации, сколько изменением мировоззренческих, культурных особенностей и ценностного наполнения общения посредством новых технологий. В данном процессе формируется двойственное взаимное влияние коммуникативных практик взаимодействия между поколениями, потребностями (целями) и ценностями коммуникации. Современные ценности и инструменты общения, принимаемые и транслируемые молодёжью, определяют формат и цели взаимодействия. И наоборот, преобладающее сетевое общение со своими особенностями и возможностями формируют мировоззренческие основы коммуникативных практик. Этот процесс в значительной мере трансформирует существующие барьеры в коммуникации между поколениями.

Институт семьи является одним из наиболее подвергшихся изменениям в результате описываемых процессов. В условиях изменения социально-культурных, экономических основ современного общества наблюдается переход от традиционной расширенной семьи (совместное проживание и быт 3-х и более поколений) к нуклеарной семье (родители и дети). Несмотря на преобладание и сохранение высокой степени взаимозависимости разных поколений семьи, исследователи отмечают повышение влияния западной модели с её характерными чертами (независимость членов семьи, слабые межпоколенные и родственные связи, прагматизм). Немалое влияние на эти процесс оказывают изменения в современных коммуникативных практиках. Происходит дистанцирование между старшим и младшим поколениями семьи, трансформируются методы взаимодействия и коммуникации, взаимное восприятие. Одновременно с этим можно констатировать, что смешение традиционных и современных коммуникативных практик во взаимодействии старшего поколения и молодежи не приводит к антагонизму в понимании основных ценностей (семья, любовь, гуманизм и т.д.), а также способствует стремлению выстроить гармоничное бесконфликтное общение. Проблемы социальной жизнедеятельности воспринимаются разными поколениями практически идентично (Ицкович 2020, Садыкова 2014). У молодежи сохраняются традиционные ожидания и представления о способах поддержки и помощи со стороны старшего поколения.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что современные коммуникативные практики и технологии, используемые молодёжью, оказывают значительное влияние не только на сам процесс межпоколенческого взаимодействия, но и на его глубинные основы. Данные процессы идут во взаимосвязи с процессами трансформации института семьи, социально-культурных и ценностных

установок, а также технологического развития. Если раньше межпоколенное взаимодействие в семье изучалось преимущественно в конфликтологической парадигме, где традиционный конфликт отцов и детей был господствующим сюжетом, то теперь необходимо отметить значительное усложнение ландшафта межпоколенных взаимодействий, в формировании которого значительная роль принадлежит, скорее, внешним объективным факторам, нежели внутрисемейной динамике. При этом, внешние факторы начинают играть консолидирующую роль, что было трудно представить еще четверть века назад. Межпоколенческий разрыв стирается благодаря наличию у старшего поколения потребностей, удовлетворение которых не представляет для молодежи никаких трудностей. В рамках дальнейших исследований данной проблематики необходимы комплексные междисциплинарные исследования взаимозависимости и коммуникативных практик, ценностных установок и поведенческих стратегий, в том числе в вопросах межпоколенной взаимопомощи, социализации и гармонизации отношений разных поколений внутри семьи.

Библиографический список

- Coxworth, J.E, Kim, P.S., McQueen, J.S., Hawkes, K. (2015), Grandmothering life histories and human pair bonding, *PNAS*, no. 112(38), pp. 11806–11811.
- Moschis, G. P. and Churchill, G.A. (1978), Consumer socialization: A theoretical and empirical analysis, *Journal of marketing research*, pp. 599–609.
- Mead, M. (1970), *Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap*, Natural History Press, Doubleday & Company, Inc., New York, USA.
- Ward, S. (1974), Consumer socialization, *Journal of consumer research*, no. 1(2), pp. 1–14.
- Kiesler, S., Zdaniuk, B., Lundmark, V., and Robet, K. (2000), Troubles With the Internet: The Dynamics of Help at Home, *Human Computer interaction*, no. 15, pp. 323–351.
- Вдовина М.В. Регулирование межпоколенческого конфликта в российской семье: монография. Москва: МГУ, 2009.
- Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. Москва: Смысл, 2009. С. 18–63.
- Гришаева С.А., Клюваев К.В. Коммуникативные практики молодежи в социальных сетях // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 3. С. 4–9.
- Запесоцкий А.С. Отцы и дети: конфликт поколений. Социализация. Молодежная субкультура. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2006.
- Ицкович Т.В. Ценность семьи у молодежи (на материале живой разговорной речи) // *Litera*. 2020. № 12. С. 110–117.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. Москва: Флинта, 2006. 238 с.

Садыкова Х.Н. Специфика межпоколенного взаимодействия в современной России (на примере Тюменской области) // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 117–124.

Смолькин А. Практики повседневных межпоколенческих взаимодействий глазами студентов провинциального вуза: этнографическое эссе // Антропологический форум. 2015. С. 91–117.

Судьин С.А., Кутявина Е.Е., Курамшев А.В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 56–70.

References

Coxworth, J.E., Kim, P.S., McQueen, J.S., Hawkes, K. (2015), Grandmothering life histories and human pair bonding, *PNAS*, no. 112(38), pp. 11806–11811.

Moschis, G. P. and Churchill, G.A. (1978), Consumer socialization: A theoretical and empirical analysis, *Journal of marketing research*, pp. 599–609.

Mead, M. (1970), *Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap*, Natural History Press, Doubleday & Company, Inc., New York, USA.

Ward, S. (1974), Consumer socialization, *Journal of consumer research*, no. 1(2), pp. 1–14.

Kiesler, S., Zdaniuk, B., Lundmark, V., and Robet, K. (2000), Troubles With the Internet: The Dynamics of Help at Home, *Human Computer interaction*, no. 15, pp. 323–351.

Vdovina, M.V. (2009), *Regulirovanie mezhpokolencheskogo konflikta v rossijskoj sem'e*, monografiya, MGU, Moscow, Russia.

Gofman, E. (2009), *Ritual vzaimodejstviya: Oчерки povedeniya licom k licu*, translate N.N. Bogomolovoj, D.A. Leont'eva (ed.), Smysl, Moscow, Russia.

Grishaeva, S.A. and Klyuvaev, K.V. (2019), Kommunikativnye praktiki molodezhi v social'nyh setyah, *Cifrovaya sociologiya*, vol. 2, no. 3, pp. 4–9.

Zapesockij, A.S. (2006), *Otcy i deti: konflikt pokolenij, Socializaciya. Molodezhnaya subkul'tura*, SPb-GUP, St.-Petersburg, Russia.

Ickovich, T.V. (2020), Cennost' sem'i u molodezhi (na materiale zhivoj razgovornoj rechi), *Litera*, no. 12, pp. 110–117.

Prohorov, Yu.E. and Sternin, I.A. (2002), *Russkie: kommunikativnoe povedenie*, Flinta, Moscow, Russia.

Sadykova, H.N. (2014), Specifika mezhpokolenogo vzaimodejstviya v sovremennoj Rossii (na primere Tyumenskoj oblasti), *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp.117–124.

Smol'kin, A. (2015), Praktiki povsednevnyh mezhpokolencheskih vzaimodejstvij glazami studentov provincial'nogo vuza: etnograficheskoe esse, *Antropologicheskij forum*, pp. 91–117.

Sud'in, S.A., Kutjavina, E.E., Kuramshev, A.V. (2018), Mezhpokolennye otnosheniya v sovremennoj nizhegorodskoj sem'e, *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki*, no. 3, pp. 56–70.

Submitted: 10.09.2022

Revised: 18.10.2022

Accepted: 03.12.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 617.5

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-97-103

Дата поступления: 03.09.2022
рецензирования: 20.10.2022
принятия: 01.12.2022

С.В. Лелюхин
АНО ДПО «НОЦ «Компас»
г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: s.llel@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2919-9506>

Государственная стоматологическая поликлиника как этап профессиональной карьеры врача-стоматолога

Аннотация: в последние годы в медицинских вузах страны происходят интенсивные изменения: организационные, методические, содержательные. В связи с этим возрастает актуальность изучения карьеры российских врачей, которое вносит существенный вклад в развитие отечественной науки. В продолжение исследований, выполненных в первой половине 2020 года, в которых были выявлены модели профессионализации стоматологов в период обучения в ординатуре, авторы перешли к новому этапу исследования их карьеры, трудоустройству. Исследовательский вопрос фокусирован на понимании места государственной стоматологической поликлиники в профессиональной карьере врача-стоматолога. Эмпирическая база исследования – это сообщения и комментарии к ним в сообществе «Аккредитация стоматологов» в социальной сети «ВКонтакте». Сообщество создано 1 июня 2016 года и имеет 30 000 подписчиков. Период исследования публикаций с ноября 2020 года по июнь 2022 года. Всего изучено 63 публикации. Опираясь на теорию капиталов П. Бурдьё, авторы пришли к следующим выводам. Врачи-стоматологи после специалитета обладают культурным капиталом (образовательная квалификация) и символическим капиталом (диплом). Этого оказывается недостаточным для того, чтобы две формы капитала трансформировались в экономический капитал. Для профессионализации необходимо приобретение социального капитала (связи, наставничество) наряду с привлечением экономического капитала (коррупция, взятки). Работа в государственной поликлинике – это вклад в культурный капитал (преодоление страха работы), но для профессионализации требуется дальнейшее усовершенствование, которое достижимо, как правило, в частных поликлиниках.

Ключевые слова: врач-стоматолог; ординатура; профессионализация; анализ социальных сетей; контент-анализ; семиотическая теория; теория капиталов.

Цитирование: Лелюхин С.В. Государственная стоматологическая поликлиника как этап профессиональной карьеры врача-стоматолога // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 97–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-97-103>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Лелюхин С.В., 2021** – кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научно-методической работе, Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Научно-образовательный центр «Компас», 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Университетская, д. 36, стр. 1, к. 417.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.V. Leljuhin
“Compass” Research and Educational Center”
Further Professional Education Autonomous
Non-profit Organization
Saratov, Russian Federation
E-mail: s.llel@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2919-9506>

Public dental care as the dentist’s professional career phase

Abstract: over the last years the national universities undergo intensive changes: organizational, methodological and content-related. In this respect, study of the Russian doctors’ career is becoming more topical that makes substantial contribution to the national science development. Following the research works of the first half of 2020 year that revealed the dentist professionalization patterns in the residency period, the authors proceeded

to a new phase of studying their careers – employment. The research question is focused on understanding the role of the public dental care in the dentist's professional career. The empiric study base comprises messages and comments to them in “Accreditatsiya stomatologov” [Dentist accreditation] community of the “VKontakte social media platform. This community was founded on 1 June 2016 and has 30,000 followers. The period of studying posts – from November 2020 till June 2022. 63 posts total has been examined. Based on P. Bourdieu's capital theory, the authors have come to the following conclusions. Dentists, having graduated with a specialist's degree, have a cultural capital (educational qualification) and a symbolic capital (diploma). It turns out to be not sufficient to transform two capital forms into an economic capital. It is necessary for professionalization to acquire a social capital (contacts, mentoring) as well as the economic capital (corruption, bribery). Working in the public dental care is contribution to the cultural capital (work anxiety overcoming), but further advancing is required for professionalization that is generally possible to achieve in private clinics.

Key words: dentist; residency; professionalization; analysis of social media platforms; content analysis; semiotic theory; capital theory.

Citation: Leljuhin, S.V. (2022), Public dental care as the dentist's professional career phase, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, pp. 97–103, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-97-103>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Leljuhin S.V., 2022 – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Deputy Director for Scientific and Methodological Works, “Compass” Research and Educational Center” Further Professional Education Autonomous Non-profit Organization, 36, bldg. 1, b. 417, Universitetskaya str., Saratov, 410012, Russian Federation.

Введение

Профессионализация как процесс овладения необходимыми профессиональными знаниями, умениями и навыками, как адаптация к профессиональной среде, как становление и развитие профессионализма, является важным этапом социализации личности в процессе получения высшего медицинского образования. Обратившись к изучению действий врачей-стоматологов на этапе обучения в ординатуре, мы выявили три модели профессионализации (Лелюхин, Бахова 2020). «Идеальная модель» предполагает обучение стоматологов в образовательных организациях, которые придерживаются высоких стандартов образовательного процесса, а их выпускники готовы к самостоятельной профессиональной деятельности. «Конформистская модель» характерна для тех студентов, кто обучается в ординатуре номинально, а профессиональные знания, умения и навыки постигает вне стен вуза в частном порядке. Третья, «имитационная модель», не приводит к профессионализации врача-стоматолога. Такие молодые специалисты, обладая дипломом об окончании ординатуры, не готовы к самостоятельной работе.

Все три группы выпускников-стоматологов после ординатуры переходят к следующему этапу, трудоустройству. И здесь они сталкиваются с новыми проблемами. Следует отметить, что они характерны не только для медицинских работников. Молодым специалистам при трудоустройстве приходится доказывать, что они обладают особыми специальными знаниями, навыками и компетенциями. Как показывают результаты исследования (Чередниченко 2018), чем выше требования

к профессионалам, тем выше доля трудоустраивающихся по специальности. Получившие медицинские специальности демонстрируют 96,3 %, наивысшую долю. Студенты стремятся получить опыт работы в ожидании получения отдачи от него в будущем. Это достигается при совмещении учёбы с работой, и тенденция увеличения числа студентов, придерживающихся этой практики, характерно для многих стран мира, включая и Россию (Рошин, Рудаков 2014). Причём это касается и тех, кто обучается на очных отделениях.

Закономерно встаёт вопрос о наиболее эффективном канале трудоустройства, и исследователи этого вопроса (Креховец, Шпилев 2020) отмечают преобладание помощи друзей, родственников и знакомых. Они объясняют это как отсутствием опыта поиска работы у этой социальной группы, так и их меньшей профессиональной конкурентоспособностью. Превалирует использование «слабых» социальных связей, к которым относят помощь однокурсников и членов студенческих клубов (Кичерова, Ефимова, Семёнов 2021).

Необходимо акцентировать внимание на прекарном характере труда значительной доли наемных работников, и на долю молодежи, как одной из наиболее подверженных прекаризации социальных групп (Бочаров 2022). Представители молодой возрастной группы чаще трудятся на условиях нестандартной занятости. Неустойчивость, нестабильность занятости и трудового статуса рассматриваются как вариант нормы на этапе перехода от этапа обучения труду (Кученкова 2022). Систематизируя проблемы в сфере труда и занятости молодежи, можно к ним отнести (Воробьева 2021): дисбаланс между образованием и

потребностями рынка труда, противоречие между необходимостью одновременно получать образование и зарабатывать профессиональный опыт, вынужденную включенность в «гибкие», «неформальные» виды занятости, в том числе неполную занятость и неофициальную занятость.

Ход исследования

Формулируя исследовательский вопрос, мы опирались на необходимость понимания места государственной стоматологической поликлиники при построении профессиональной карьеры врачом-ординатором при завершении обучения в ординатуре по стоматологии. Эмпирическая база исследования – это сообщения и комментарии к ним в сообществе «Аккредитация стоматологов» в социальной сети «ВКонтакте». Сообщество создано 1 июня 2016 года и имеет 30 000 подписчиков. Период исследования публикаций с ноября 2020 года по июнь 2022 года. Всего изучено 63 публикации.

Метод анализа социальных сетей, social network analysis, SNA, появился задолго до распространения Интернета, но особую популярность приобрёл в связи с необходимостью понимания механизмов онлайн-взаимодействия. Онлайн социальные сети, благодаря политике открытости данных, предоставили исследователям возможность изучать вопросы, связанные с взаимодействиями индивидов в обществе (Кавеева, Гурин 2017). Мы применили метод контент-анализа при изучении взаимодействия индивидов в социальных сетях, и такой подход актуален в связи со становлением мира цифровым (Андреева 2017). Радикальные сторонники такого применения контент-анализа предостерегают вытеснение традиционных опросных методов, поскольку исчезает потребность спрашивать человека о его мнении, если он сам рассказывает о себе в социальных сетях (Neuendorf 2017).

Контент-анализ как особая методическая процедура анализа всех видов текстов, позволяет анализировать то, что лежит между автором послания и тем, кому это послание адресовано. На основе исследовательских вопросов генерируются коды, позволяющие аналитику быстро замечать, выхватывать и размещать в кластеры все сегменты, относящиеся к определенным вопросам, гипотезам, концепциям и темам (Семёнова, Корсунская 2010). Используя на начальном этапе открытое кодирование, мы маркировали все темы, вытекающие из общих исследовательских вопросов и первого погружения в текст. Затем, переходя к осевому кодированию, мы устанавливали логическое соотношение между центральной темой исследования и ее подтверждениями, разбросанными по разным отрывкам первичного текста. Тем самым мы проясняли причины и последствия событий, условия и виды взаимодействия, стратегии

и процессы. Завершали работу мы выборочным кодированием, отыскивая подтемы или эпизоды, которые наиболее ярко иллюстрируют основную тему, одновременно осуществляя сравнение или противопоставление разных отрывков текста.

Погружаясь в общение подписчиков сообщества «Аккредитация стоматологов», подобно практике, используемой при интервью или включенному наблюдению, мы ставили цель выявить определенные смыслы, вкладываемые социальными субъектами в публикуемые ими посты, общения. Зачастую мы находили рассказы о профессиональной карьере, глубоко рефлекслируемые истории становления личности в профессиональном сообществе, взаимоотношений с ним. Анализ биографических версий событий «рассказчика» даёт возможность понять логику их интерпретации для осмысления своей карьеры, включая возможности сравнения значимости тех или иных факторов в формировании карьерного старта (Попова 2021).

Для анализа полученных данных мы использовали интерпретативный контент-анализ, который базируется на семиотической теории денотативных и коннотативных значений (Барт 2001; Бодрийяр 2007). Фиксируя денотативные части текста, имеющие очевидное значение, мы формулировали коннотативные смыслы через объединение индивидуальных элементов, связывая их с пониманием смысла как целого. При интерпретации полученных данных теоретическая рамка исследования строилась на основе двух подходов: теории капиталов П. Бурдье (Бурдье 2004) и типологии барьеров доступности образования Д. Константиновского (Константиновский 2020), который использует метафору, вводящую понятие барьера. Барьер понимается автором как фактор или совокупность факторов, которые затрудняют получение того или иного результата, в случае нашего исследования, трудоустройства после получения образования в ординатуре.

Полученные результаты и выводы

В результате открытого кодирования мы маркировали ряд тем, и начали с барьеров, которые приходится преодолевать при трудоустройстве в государственную стоматологическую поликлинику. Первый барьер - это отсутствие опыта и связей. Ситуация подобна замкнутому кругу: «Меня не берут на работу, потому что, у меня нет опыта, а у меня нет опыта, потому что меня не берут на работу». «В госку в Москве устроиться сейчас невозможно без связей и опыта». «Не знаю, пробовала в Мск устроиться в госку, везде нужен опыт от 2 лет, даже в области, обзвонила кучу госок и приходила в отдел кадров, нигде не требуется. Все забито. На hh нашла вакансию, пошла в отдел кадров, сказали, не берем ординаторов». «Какая Москва. Если

в провинции рядом с Москвой, например Тверь, невозможно устроиться. Если только детским стоматологом». «Если нет знакомых, это очень и очень сложно. И да, с ординатурой не легче». Из приведённых цитат обсуждения темы видно, что по характерным признакам это социокультурный барьер по типологии Д. Константиновского. Значимость социального капитала врача очень высока. Набор социальных связей (социальная сеть индивида) – это базис, на который накладываются другие формы социального капитала.

Второй барьер коррупционный. «Не во все госки берут. Иногда пишут сумму на листочке. Ужасно. Обидно». Согласно Д. Константиновскому – это экономический барьер. Высота его складывается из разнообразных платежей, которыми может быть обусловлено получение работы, и их нельзя избежать. В нашей стране приняты соответствующие законы и подзаконные акты, утверждены антикоррупционные планы и программы, действуют административные кодексы, регламенты и инструкции по профилактике коррупционного поведения. Однако на практике реализация антикоррупционных мер далеко не всегда осуществляется последовательно и не имеет необходимого положительного эффекта. Кроме того, многие государственные служащие относятся к исполнению своих антикоррупционных обязанностей халатно и недобросовестно (Антонян, Поляков 2022).

Переход к осевому и выборочному кодированию позволил нам найти ответы на вопрос, как преодолеть возникающие барьеры. И первый способ преодоления барьеров – это дождаться окончания ординатуры и только после этого предпринимать попытки трудоустройства. В соответствии с профессиональным стандартом «Врач-стоматолог» (код 02.005, утверждён Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 10 мая 2016 года № 227н), выпускник специалитета, получивший соответствующий диплом и прошедший первичную аккредитацию, может работать только врачом-стоматологом общей практики. Это очень узкие возможности трудоустройства, поскольку эта специальность востребована в сельских амбулаториях, в городских поликлиниках таких специалистов практически нет в штатном расписании. Обучение в ординатуре и первичная специализированная аккредитация открывает доступ к широкому кругу специальностей: «Стоматология детская», «Стоматология ортопедическая», «Стоматология терапевтическая», «Стоматология хирургическая», «Ортодонтия», «Челюстно-лицевая хирургия». «Я устроилась. Нашла объявление на hh. Но у меня ординатура». Так пишет в сообществе счастливица, получившая место работы в государственной стоматологической поликлинике. Ординатура убирает фактор отсутствия опыта. Необходимо отметить,

что различные стоматологические специальности имеют различный уровень привлекательности перед выбором ординатуры. «Стоматология ортопедическая» – самая популярная специальность, на втором месте «Стоматология терапевтическая», и на третьем – «Стоматология хирургическая» (Сериков 2021).

Следующая возможность преодолеть барьер – это переезд в другой регион. «Ехать туда, где врачей не хватает». «Село вас ждёт». «В небольших городах берут и помогают, нехватка специалистов». «Приезжайте в г. Петрозаводск с радостью возьмем Врачом-Стоматологом. И не надо быть ассистентом, не для того столько лет потратили для получения диплома». «Ждем в Пермском крае всех, город Чусовой Пермский край, квартиру дают и миллион, только приезжайте». В данном случае есть ещё одна возможность убрать фактор отсутствия опыта при трудоустройстве. В крупных городах за пределами столицы, и в сельской местности из-за нехватки специалистов снижены требования. Однако это путь может стать для «вчерашнего» студента территориальным барьером из-за невозможности переехать в другой регион, даже при наличии финансового стимулирования.

Очень подробно в сообществе «Аккредитация стоматологов» обсуждается третий способ преодоления барьера, поиск наставника. «Если найдёте наставника, так и вам будут вначале давать несложные работы и помогать на начале - это сказочный успех». «Не стесняйтесь подходить и спрашивать, что непонятно, советов, помощи у более опытных коллег. Все получится!!!!». «В первый день народу было много, пришло сразу три человека с пульпитами и жутко вонючим периодонтином. Помогали врачи, которые давно работают». «С хирургом нужно подружиться, чтобы материалом снабжал для тренировки». Максимальное погружение ординаторов в профессиональную сферу здравоохранения успешно достигается посредством наставничества, которое обеспечивает освоение врачами-стоматологами необходимых компетенций образовательных стандартов и трудовых функций профессиональных стандартов (Трегубов, Кузнецова, Дорофеев 2021). На практике в настоящее время это достигается не во всех образовательных организациях, исследователями этого вопроса рассматривается необходимость предварительной подготовки наставников (Бодина и др. 2018).

Согласно исследованию до поступления в ординатуру 54,0 % респондентов в среднем по 2 года работали на должностях среднего медицинского персонала, а 12,0 % после успешного прохождения первичной аккредитации специалиста трудились на врачебных должностях до 1 года (Трегубов, Кузнецова, Дорофеев 2021). Это статистические данные о формальном образовании,

но широко распространено неформальное образование, которое является дополнением и/или альтернативой формальному образованию. Кроме наставничества оно, как правило, организуется в форме краткосрочных курсов, мастер-классов или семинаров. Неформальное образование чаще всего ведет к получению квалификаций, которые не признаются квалификациями формального образования (или их эквивалентами), соответствующими национальными или субнациональными органами образования, либо квалификации совсем не присваиваются.

Дальнейшее изучение массива полученных данных позволило нам развить ещё один вектор исследования, а именно положительные и отрицательные стороны практического опыта в государственной стоматологической поликлинике. Единственной положительной стороной, названной участниками обсуждения в сообществе, является устранение страха. «Госка поможет привыкнуть к стрессу и непредсказуемости». «Госка хороша лишь тем, что поток пацов и никакой ответственности, на этом все». «В госке такое разнообразие клинических случаев успеваешь увидеть, людей». «Пойдите в госку на год-другой. Это только для того, чтобы поток пациентов и отсутствие ответственности (чего уж скрывать) приступили страх начала работы. Просто некогда будет бояться. Параллельно ходите на учёбы и смотрите вебинары, их сейчас валом. На втором году работы госке начинайте приискивать хорошую клинику вперёд без страха». «В частную не берут, ибо кто ща твои косяки будет нести ответственность а обучать тебя там, так все туда за деньгами идут, время тратить на обучение специалиста, который при любой удобной лучшей перспективе соберёт вещишки и уйдёт. Тоже сомнительно. Поэтому госка».

Отрицательной стороной является низкий уровень качества работы в государственных медицинских организациях. Оно выражается как в отсутствии современных материалов, с которыми работают врачи-стоматологи в этих учреждениях, так и жёстких рамках временных нормативов на приём больных. «По поводу госполиклиник - потерянное время. Потом тратится уйма времени на переучивание». «Не слушайте никого про госку! Она вас не научит и не набьёт руку. Госка портит врачей, качество и скорость сложно сочетать говоря о том что знаю, прекрасные доктора которые работали в госке либо имели возможность самостоятельно покупать хорошие материал, коффердам и тд, либо уходя в частную переучивались долго и нудно. Я говорю только про терапевтов. 30-40 минут на эндодонтию трехканального зуба это нереально для качества. А уж сколько пациентов из госки я и мои коллеги перелечивали можно со счёту сбиться». «В госке нужно работать не более 6-12 мес, можно в это время подрабатывать

ассистентом, чтобы представлять что представляет из себя частная клиника и ознакомиться с материалами и инструментарием, а уже через 6-12 мес можно устраиваться в частную, научившись общаться с пациентами и знать чем дышит современная стоматология».

Опираясь на теорию капиталов П. Бурдьё, мы пришли к следующим выводам. Врачи-стоматологи после специалитета обладают культурным капиталом (образовательная квалификация) и символическим капиталом (диплом). Этого оказывается недостаточным для того, чтобы две формы капитала трансформировались в экономический капитал. Для профессионализации необходимо приобретение социального капитала (связи, наставничество) наряду с привлечением экономического капитала (коррупция, взятки). Работа в государственной поликлинике – это вклад в культурный капитал (преодоление страха работы), но для профессионализации требуется дальнейшее усовершенствование, которое достижимо, как правило, в частных поликлиниках.

Библиографический список

Neuendorf, K.A. (2017), *The Content Analysis Guidebook*, SAGE, Los Angeles, USA.

Андреева А.А. Контент-анализ письменных заявок на конкурс инноваций в образовании // Современные исследовательские практики в социологии: сборник материалов конференции молодых учёных. Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 32–42.

Антонян Е.А., Поляков М.М. Административно-правовые формы и методы противодействия коррупции в сфере государственного управления здравоохранением // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2022. Т. 8. № 2. С. 131–138. DOI: <http://doi.org/10.33029/2411-8621-2022-8-2-131-138>.

Барт Р. S/Z. Москва: Эдиториал УРСС, 2001, 232 с.

Бодина О.В., Писковацкова А.Э., Макарова М.В., Тишков Д.С. Наставничество как решение задачи повышения профессиональной компетентности врача-стоматолога // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 5. DOI: <http://doi.org/10.17513/spno.27926>.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. Москва: Академический проект, 2007. 335 с.

Бочаров В.Ю. Изменение подходов российской социологии к изучению трудовых отношений // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 41–52. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250019650-8>.

Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. Москва: РОССПЭН, 2004.

Воробьева И.В. Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений // Знание.

Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 100–112. DOI: <http://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.7>.

Кавеева А.Д., Гурин К.Е. Social network analysis в исследованиях онлайн-сообществ «ВКонтакте» // Современные исследовательские практики в социологии: сборник материалов конференции молодых учёных. Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 32–42.

Кичерова М.Н., Ефимова Г.З., Семёнов М.Ю. Неформальное образование как ресурсный потенциал развития человеческого капитала (на примере Тюменской области) // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 98–109. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250010986-7>.

Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 125–133. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7491>.

Креховец Е.В., Шпилев Д.А. Роль неформальных социальных связей при трудоустройстве студентов и выпускников // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 78–89. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250010429-4>.

Кученкова А.В. Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 1. С. 101–120. DOI: <http://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840>.

Лелюхин С.В., Бахова Ж.Х. Модели профессионализации врачей-стоматологов. Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 2(20). DOI: <http://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-2-20/11>.

Попова И.П. Формирование карьерного старта в науке: влияние семьи и социального контекста // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 101–112. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250017245-2>.

Роцин С.Ю., Рудаков В.Н. Совмещение учёбы и работы студентами российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 152–179.

Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. Москва: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.

Сериков В.С. Мотивационные причины выбора специальности стоматологии в качестве профессиональной карьеры и факторы, влияющие на выбор специальности среди студентов выпускного курса стоматологического факультета // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1(34). С. 251–253. DOI: <http://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1001-0057>.

Трегубов В.Н., Кузнецова М.Ю., Дорофеев А.Е. Совершенствование подготовки врачей-стоматологов в ординатуре посредством их мотивации к образовательной деятельности // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2021. Т. 12, № 1. С. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.33029/2220-8453-2021-12-1-81-90>.

Чередниченко Г.А. Первое трудоустройство после вуза (по материалам опроса Росстата РФ) // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 91–101. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250000764-3>.

References

Neuendorf, K.A. (2017), *The Content Analysis Guidebook*, SAGE, Los Angeles, USA.

Andreeva, A.A. (2017), Content analysis of written applications to educational innovation completion, *Modern research practice in Sociology: collection of young scientists' conference materials*, FCTAS RAS, Moscow, Russia, pp. 32–42.

Antonjan, E.A. and Poljakov, M.M. (2022), Administrative legal counter-corruption techniques in the public healthcare administration, *ORG-ZDRAV: novosti, mneniya, obuchenije, HEALTH-CARE Management, Vestnik VSHOUZ, Bulletin of VSHOUZ*, vol. 8, no. 2, pp. 131–138, DOI: <https://doi.org/10.33029/2411-8621-2022-8-2-131-138>.

Barthes, R. (2001), *S/Z*, Editorial URSS, Moscow, Russia.

Bodina O.V., Piskovackova A.E., Makarova M.V. and Tishkov D.S. (2018), Mentoring as the way to develop the dentist's competency, *Sovremenye problemy nauki i obrazovaniya*, DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.27926>.

Baudrillard, J. (2007), *Pour une critique de l'economie politique du signe Paris*, Academ Project, Moscow, Russia.

Bocharov, V.Yu. (2022), Shift in the Russian sociological approaches to the study of labor relations, *Sotsiologicheskie Issledovaniya, Sociological Studies*, no. 7, pp. 41–52, DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250019650-8>.

Bourdieu, P. (2004), The forms of capital, *Western economic sociology*, Chrestomathy of contemporary classics, ROSSPEN, Moscow, Russia.

Vorob'eva, I.V. (2021), Youth precarisation in social and labor relations, *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 100–112. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.7>.

Kaveeva, A.D. and Gurin, K.E. (2017), Social network analysis when studying “VKontakte” communities, *Modern research practice in Sociology: collection of young scientists' conference materials*, FCTAS RAS, Moscow, Russia, pp. 32–42.

Kicherova, M.N., Efimova, G.Z. and Semjonov, M.Yu. (2021), Informal education as the human capital resource potential (using the Tyumen Region as an example), *Sotsiologicheskie Issledovaniya, Sociological Studies*, no. 1, pp. 98–109. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010986-7>.

Konstantinovskij, D.L. (2020), Crossing educational barriers: research and social practice, *Sociologicheskaja nauka i social'naya praktika = Sociological science and social practice*, vol. 8,

no. 3, pp. 125–133. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7491>.

Krekhovets, E.V. and Shpilev, D.A. (2020), Role of informal social contacts when employing students and graduates, *Sotsiologicheskie Issledovaniya, Sociological Studies*, no. 8, pp. 78–89, DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010429-4>.

Kuchenkova, A.V. (2022), Precariatization and subjective well-being of various aged employees, *Sotsiologicheskij zhurnal, Sociological journal*, vol. 28, no. 1, pp. 101–120, DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840>.

Leljuhin, S.V. and Bahova, J.H. (2020), Dentists' profesiolization patterns, *Meditinskaya antropologiya i bioetika, Medical anthropology and bioethics*, no. 2(20), DOI: <https://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-2-20/11>.

Popova, I.P. (2021), Build-up of science career start: family and social context influence, *Sotsiologicheskie Issledovaniya, Sociological Studies*, no. 12, pp. 101–112, DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250017245-2>.

Roshhin, S.Yu. and Rudakov, V.N. (2014), Russian students' study-work integration, *Voprosy Obrazovaniya, Educational Studies*, no. 2, pp. 152–179.

Semenova, A.V. and Korsunskaja, M.V. (2010), *Mass media content analysis: problems and applica-*

tion experience, The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS), Moscow, Russia.

Serikov, V.S. (2021), Motivational reasons for choosing dentistry as the professional career, and factors affecting the occupation choice by dentistry senior students, *Baltiyskiy gumanitarny zhurnal, Baltic humanitarian journal*, vol. 10, no. 1(34), pp. 251–253, DOI: <https://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1001-0057>.

Tregubov, V.N., Kuznecova, M.Yu. and Dorofeev, A.E. (2021), Enhancement of residency and internship dentistry training by educational motivation, *Meditinskoye obrazovaniye i professional'noye razvitiye, Medical education and professional development*, vol. 12, no. 1, pp. 81–90, DOI: <https://doi.org/10.33029/2220-8453-2021-12-1-81-90>.

Cherednichenko, G.A. (2018), Post graduation first employment (based on the polls of the Russian Federal State Statistics Service (ROSSAAT)), *Sotsiologicheskie Issledovaniya, Sociological Studies*, no. 8, pp. 91–101, DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250000764-3>.

Submitted: 03.09.2022

Revised: 20.10.2022

Accepted: 01.12.2022

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 8

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-104-109

Дата поступления: 01.09.2022
рецензирования: 26.11.2022
принятия: 15.12.2022

С.А. Голубков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

**Путеводитель по детству.
Рецензия на монографию М.А. Перепёлкина
«Вокруг “Детства Никиты”»: мир – слово – смысл»**

Аннотация: статья представляет собой рецензию на монографию М.А. Перепёлкина «Вокруг “Детства Никиты”»: мир – слово – смысл» (Самара, 2021). Установив, что свою задачу автор монографии видит во введении в историко-литературный обиход обширного фактического материала и аргументированном комментарии как текстовых, так и иконографических документов, рецензент заостряет своё внимание на тех аспектах, которые представляются ему наиболее важными. К таким аспектам относятся, например, хитросплетения имущественных отношений землевладельцев, одним из которых был отчим А.Н. Толстого – А.А. Бостром, белые пятна в биографии матери писателя – А.Л. Толстой, предметный мир детства самого А.Н. Толстого и детства его литературного героя, круг чтения семьи Толстых и многоликий круг людей, живших или бывавших в сосновском доме Бострома–Толстых. К наиболее принципиальным и содержательным, по мнению рецензента, принадлежит также раздел монографии, посвященный истории увековечения памяти о писателе А.Н. Толстом в Самаре и Самарской области. Всё сказанное позволяет рецензенту сделать вывод о том, что рецензируемая монография тяготеет к жанру книги-комментария, после прочтения которого не только повесть «Детство Никиты», но и произведения «заволжского» цикла, да и целый ряд других толстовских текстов становятся более понятными и фактографически прозрачными.

Ключевые слова: А.Н. Толстой; «Детство Никиты»; история; география; предметный мир; круг чтения; история увековечения; книга-комментарий; метагеография.

Цитирование: Голубков С.А. Путеводитель по детству. Рецензия на монографию М.А. Перепёлкина «Вокруг “Детства Никиты”»: мир – слово – смысл» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 104–109. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-104-109>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Голубков С.А., 2022** – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC REVIEW

S.A. Golubkov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

**Childhood guide.
Review of the monograph by M.A. Perepelkin “Around
“Nikita's Childhood”»: world - word - meaning”**

Abstract: the article is a review of the monograph by M. Perepelkin «Around “Nikita's Childhood”»: world – word – meaning» (Samara, 2021). Having established that the monograph author sees his task in introducing extensive factual material into historical and literary use and reasoned comments on both textual and iconographic documents, the reviewer focuses his attention on those aspects that seem to him the most important. Such aspects include, for example, the intricacies of landowners' property relations, one of which was A. Bostrom - the A. Tolstoy's stepfather, blanks in A. Tolstaya's biography - the writer's mother,

the objective world of A. Tolstoy's childhood and the childhood of his literary hero, the reading circle of the Tolstoy family and the many-faced circle of people who lived or visited the Bostrom-Tolstoy house in Sosnovka. In the reviewer's opinion, the most fundamental and meaningful information comprises also the monograph section devoted to the history of perpetuating the memory of writer A. Tolstoy in Samara and the Samara region. All the above stated allows the reviewer to conclude that the monograph under review tends towards the commentary book genre, and after its reading not only the «Nikita's Childhood» story, but also the «Zavolzhsy» cycle works, and a whole number.

Key words: A. Tolstoy; «Nikita's Childhood»; history; geography; objective world; reading circle; history of perpetuation; commentary book; metageography.

Citation: Golubkov, S.A. (2022), Childhood guide. Review of the monograph by M.A. Perepelkin “Around the “Nikita's Childhood”: world - word - meaning”, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, p. 104–109, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-104-109>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Golubkov S.A., 2022** – Doctor of sciences in Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Монография М.А. Перепёлкина – книга, обладающая большой ценностью историко-литературного и краеведческого характера. Книга-ключ, или даже целая связка звонких смыслоёмких ключей к миру юного Алексея Толстого, к тому пространству, которое могло просто кануть в пучину забвения, но которое благодаря писательскому дару преобразования получило счастливую судьбу реальности, запечатленной в художественном слове. Конечно, труд М.А. Перепёлкина – это и дань нынешнему вековому юбилею лирически проникновенной повести А.Н. Толстого «Детство Никиты».

Ключевое слово в заглавии книги М.А. Перепёлкина – слово «вокруг». Есть разные круги бытия – дом, ближайшие окрестности, город, губерния, страна, мир. Расходящиеся круги безмерного пространства. Переходя из детства в отрочество, в юность и взрослость, человек последовательно осваивает эти манящие круги открывающегося мира. Так уж сложилось, что в жизни писателя А.Н. Толстого будет много различных пространств – и отечественных, и зарубежных. Но это будет потом, а начиналось все именно здесь – в сосновском усадьбном доме. Отсюда вёл своё исчисление тот мир «многих превосходных вещей», который в итоге и сформировал большого писателя.

Основная часть

Автор исследования видит свою основную задачу не только в том, чтобы детально описать историю и географию тех мест, которые из реального пространства перешли в пространство большой литературы, но и в том, чтобы освободить, насколько это возможно, весь корпус изучаемых фактов от накопившихся за многие годы мифов, домыслов, разночтений, историко-литературных ошибок и досадных неточностей. Автор не ограничивается введением в историко-литературный обиход обширного фактического материала, но

и стремится тщательно и аргументированно прокомментировать все попадающие в орбиту его исследовательского внимания документы, как текстовые, так и иконографические, объяснить все значимые в рамках избранной темы подробности минувшей эпохи.

Внушительен источниковедческий фундамент данной книги, хорошо продумана ее композиция, строго подчинённая исследовательской логике. Эта логика включает такие взаимосвязанные компоненты, как терпеливое разыскание (поиск неизвестных доселе документов и фактов) и скрупулезное расследование (установление истинных причинно-следственных связей между событиями и поступками описываемых людей). При обращении к источникам автора интересует многое – и обширная, к счастью, сохранившаяся семейная переписка; и творчество писательницы Александры Леонтьевны Толстой–Бостром, матери А.Н. Толстого; и творчество самого автора произведений цикла «Заволжье» и «Детство Никиты»; и история различных селений бывшего Николаевского уезда, равно как и других сопредельных мест; и судьбы многочисленных их обитателей.

В работе историка литературы и краеведа могут неожиданно встретиться подстерегающие его коварные подводные рифы. Приходится сталкиваться со многими неясностями, даже с некоей непонятной, на первый взгляд, путаницей. Интересна в связи с этим мысль исследователя о существовавшей номинативной вариативности (в названиях мест, в именовании жителей), о которую спотыкаются дотошные исследователи. В реальной же жизни такая вариативность была вполне естественной. Автор пишет: «Как тоже увидит читатель этой книги, нередкой была ситуация, когда у одного и того же человека было сразу как бы две фамилии – официальная, доставшаяся ему от родителей, и – “уличная”, образовавшаяся от прозвища, данного земляками либо именно ему, либо – его предкам, и

также закрепившаяся в памяти односельцев наряду с «настоящей»».

Заметим попутно, что Мариэтта Шагинян в своих произведениях, объединенных в «Лениниану», разбираясь в родословной своего героя, тоже писала о такой вариативности в наименовании предков Ленина по отцу: они писались и как Ульянины, и как Ульяниновы, и как Ульяновы. Причинами этого было и неустойчивое социальное происхождение человека из «низов», и особенности местного делопроизводства (ведь нередкими были и элементарные описки в метрических записях). Кстати, М.А. Перепёлкин высказывает любопытную догадку по поводу житейской поведенческой двойственности иного тогдашнего сельского человека, который мог вполне сознательно вести двуплановое существование: под одним именем одно, под другим (например, прозвищем) – совсем другое. Исследователь интересно пишет и о случаях ономастической игры в творческой практике А.Н. Толстого как автора повести «Детство Никиты».

Опираясь на множество изученных документов, М.А. Перепёлкин находит спорные моменты в работах современных биографов А.Н. Толстого. Так, он опровергает вывод А.Н. Варламова о «безалаберности и непрактичности» (Варламов 2008) А.А. Бострома, почерпнутый современным писателем из суждений самого А.Н. Толстого, а они, эти суждения, могли быть продиктованы непростым послереволюционным временем, вынуждавшим «редактировать» в угоду обстоятельствам некоторые биографические данные. Автор книги погружается в таинственные глубины родословной Алексея Аполлоновича Бострома, находя там множество драматических изломов, канцелярских казусов и поучительных историй. Так, немало нервов потрепала Аполлону Яковлевичу история с поиском утраченных документов о его рождении, о его дворянском статусе, без которых стопорилось решение вопроса о причислении его к Самарскому дворянству. Бюрократические лабиринты в ходе таких хлопот, как показывает М.А. Перепёлкин в книге, только множились. Так будет и потом, скрипучие бюрократические колеса официального бумагооборота неспешно крутились, но часто всё никак не приближали решения многих вопросов в семье Бостромов. Так, только через тридцать три (!!!) года хлопот род Якова Бострома был внесен в родословную книгу Самарской губернии, но дело этим не закончилось, а зашло в тупик.

Желая установить принадлежность имения в Павловке конкретным лицам, последовательно друг друга сменявшим, М.А. Перепёлкин стремится разобраться в хитросплетениях имущественных отношений тогдашних землевладельцев. И в этом расследовании запутанного дела немало от настоящего детектива. Автор книги находит в юридических и финансовых документах землевладельца

А.А. Бострома полное описание имения, в котором провёл свои детские и отроческие годы будущий писатель Алексей Толстой. Казалось бы, имеющие чисто хозяйственное значение детали этого описания (сухие цифры, планы построек, инвентаризационные списки и наименования) далеки от литературы, но они тем не менее вводят нас в пространство, обживаемое наблюдательным ребенком. Автор рассматривает найденные фотографии, рисунки, чертежи дома А.А. Бострома и других строений как смыслоёмкий источниковедческий материал, позволяющий воссоздать далекое время и утраченное пространство (как известно, усадебный дом не сохранился). Автор дотошен в своих документальных поисках и «реконструкторских» усилиях, что позволяет ему, скажем, находить неточности в офортах художника К.Ф. Печуринко, сделанных в 1970-е годы по не совсем надёжным свидетельствам мемуаристов.

В разделе, посвященном Александре Леонтьевне, матери Алексея Толстого, М.А. Перепёлкин останавливается на белых пятнах, существующих и в её биографии, и в осмыслении её творчества, и в изучении её круга общения. Автор книги обращается к дневнику А.Л. Толстой, видя в нём «ценный сопроводительный комментарий к повести А.Н. Толстого, представляющей собой творческую переработку тех же самых событий и тех же обстоятельств». Таким образом, в самых различных материалах М.А. Перепёлкин находит ключи к явным и скрытым граням художественного мира автора «Детства Никиты».

В дневниковых записях Александры Леонтьевны нашли отражение бытовые реалии. И в этом тоже наблюдается своеобразная «рифмовка» восприятия житейской повседневности у матери и сына, который потом, став писателем, будет очень внимателен к различным колоритным бытовым деталям и подробностям. М.А. Перепёлкин справедливо видит в этих записях свидетельство «глубокой погружённости юного Толстого и в мир родительских забот, и в “хозяйственный космос” хутора и его жителей», ведь и он, ещё тогда отрок, вносил в дневник свои записи, был в курсе всех хуторских событий. Он никак не был сторонним этому миру. Поэтому он мог потом вполне оправданно посмеяться над легковесным вертопрахом Смольковым (герой романа «Чудаки»), совершенно вчуже воспринимающим крестьян как каких-то непонятных ему опереточных пейзажей.

В записях Александры Леонтьевны автор книги находит фиксацию различных местных историй, случаев, забавных эпизодов, лошадиных кличек. Записи изобилуют местными фамилиями, именами, прозвищами. Всё это, так сказать, богатый фактический материал для параллельного «уточняющего» чтения наряду с самим текстом повести «Детство Никиты».

В научных и научно-популярных книгах есть такой сюжетный ход, который можно обозначить словосочетанием «по следам литературных героев». Исследователь, человек из другой эпохи, добросовестно и бережно воскрешает многочисленные жизненные реалии давно ушедшего времени, многие из которых оказались даже далеко за пределами литературного произведения и вовсе не упомянуты на его страницах. Тем не менее исследователь стремится именно к полноте целостного представления о воссоздаваемой жизни. Этот мир, который охватывало преобразующее писательское сознание, был значительно более многомерным, чем те отобранные конкретные жизненные картины, которые непосредственно попали в фокус повествователя. Используя ставший расхожим хемингуэвский образ творчества как пресловутого айсберга, можно сказать, что любой художественный текст являет собой лишь видимую часть ледяной глыбы, кочующей по океанским волнам. М.А. Перепёлкин как раз и исследует весь тот массив фактов и дополнительных смыслов, которую скрывает «подводная» часть текста.

Литературно-краеведческой реконструкции подвергается предметный мир детства самого А.Н. Толстого и детства его литературного героя. Предметный мир в литературе всегда многофункционален. Вещь выступает необходимым строительным материалом при создании художественного пространства. Собственно, и в обычной реальной жизни освоение ребёнком пространства как такового начинается со зрительного и тактильного освоения предметов, это пространство маркирующих. Эти вещи затем могут приобретать целый веер взаимосвязанных значений – сакральных, статусных, мемориальных, эстетических. Они становятся знаковыми доминантами, по которым человек, вступивший в пору своей взрослой жизни, может восстановить в памяти чарующий мир счастливого детства. Старый комод, кресла, диван, рояль, игрушки на ёлке, книги в отцовском кабинете – всё это запечатлевает сознание ребенка. Надо заметить, А.Н. Толстой вообще обладал удивительным и редким даром передавать специфическое ментально-эмоциональное состояние маленького человека. Это не каждому дано. С годами мы, взрослые, утрачиваем былую детскую непосредственность восприятия жизненных реалий. А писатель мог легко воссоздавать такое наивное мировидение, смотреть на жизнь незамутненными, чистыми «детскими глазами». И исследователь М.А. Перепёлкин идёт как бы вслед за ним, погружая нас в дремлющие в глубинах души писателя и его героя переживания, потрясения и детские «открытия», которые и составляли те вполне осязаемые чудесные «первоосновы бытия», о чём позднее писал в автобиографии А.Н. Толстой.

Пристальное внимание к предметному миру было вообще характерно для сочной бытописи –

этой неотъемлемой черты мастерства А.Н. Толстого. Предметно-бытовые зарисовки в великом множестве рассеяны по всей его прозе, причём создание их отнюдь не являлось самоцелью, а входило в сложный «химический состав» индивидуальной повествовательной манеры писателя. И корни такой по-художнически цепкой предметной наблюдательности, несомненно, уходили в сферу детских впечатлений самарского периода. Поэтому разыскания, проводимые в книге М.А. Перепёлкина, – это не только дань чисто краеведческому интересу, но и поиск дополнительных ключей к секретам изобразительной манеры А.Н. Толстого.

Отдельную главку М.А. Перепёлкин посвящает кругу чтения семьи Толстых. Самым главным документальным источником, позволяющим давать взвешенную и достоверную оценку читательских вкусов и пристрастий обитателей сосновской усадьбы, является для автора книги их обширная переписка, в которой тема чтения занимала одно из важнейших мест на протяжении многих лет. Заметки о книгах и чтении оставляет А.Л. Толстая и в своих рабочих записях. Весь этот массив развернутых оценок и мимолетных упоминаний тщательно изучается внимательным филологом.

В поле зрения М.А. Перепёлкина попадает и многоликий круг людей, живших или бывавших в сосновском доме Бострома–Толстых. Среди них учителя Лёли – Подбельский, А.И. Словохотов, Э. Рейсс; тетя Маша – сестра Алёшиной матери Мария Леонтьевна Тургенева, кстати, оставившая мемуарное свидетельство о своей поездке в Сосновку; другие родственники и знакомые. Автор книги, опираясь на документы, досконально восстанавливает всю разветвлённую цепь межличностных связей давно ушедших в иной мир людей и наполняет живым дыханием их биографии. Эти страницы книги напоминают портретную галерею в старинном доме, где мы неспешно переходим от одного портрета к другому. Так, автор даёт подробный экскурс в историю рода Свечиных и уделяет внимание тому из них, «с кем теснее всего общались родители А.Н. Толстого, и он сам, бывали друг у друга в гостях, поддерживали добрососедские и приятельские отношения». У некоторых из посетителей сосновского дома Бострома–Толстых неожиданные повороты судеб могли бы стать сюжетом настоящего романного повествования, как замечает автор, например, по поводу истории происхождения незаконнорожденного Дмитрия–Фредерика Гардинга.

А еще есть «людская» – неперемнная принадлежность дворянской усадьбы, своеобразный мостик между дворянским и крестьянским мирами. В книге М.А. Перепёлкина читаем: «В отличие от “космического” и пронизанного культурой домашнего пространства, людская – природна и в некотором смысле – хаотична. Это хтоническое лежбище,

“берлога”, где “хорошо пахнет бараниной и печёным хлебом”». Эти миры – сообщающиеся сосуды, и потому автор книги достаточно подробно описывает дворовых людей, с которыми общался будущий писатель. Характеры и судьбы этих людей по-разному отразились в переписке Бострома–Толстых, но эта сохранившаяся информация интересна автору книги, поскольку свидетельствует о том, как жизнь народная в ее будничном и непрерывном течении исподволь входила в сознание Алексея Толстого. Точно так же незаметно, но на всю оставшуюся жизнь входили в писательский архив памяти и природные реалии Самарского Заволжья. Конечно, хутор Сосновка и окрестные села не остались на веки вечные такими, какими они открывались глазам А. Толстого-ребёнка. У них была своя непростая судьба в советский период отечественной истории, свои порой драматичные и радикальные изменения. Менялись и бывшие друзья детства Алёши Толстого. Автор книги приводит документальные свидетельства, пытается, меняя «оптику», двойко взглянуть на далёкую реальность – и глазами тогдашнего современника, и глазами сегодняшнего дотошного краеведа. Это, бесспорно, интересный и продуктивный исследовательский ракурс, который позволяет воочию увидеть, какой след в памяти односельчан оставила сосновская усадьба, ее обитатели, да и сам будущий автор повести «Детство Никиты». Выстраивается сложная система своеобразных зеркал, перекрёстных отражений. Автор книги при этом обращается не только к документам, записям в метрических книгах, публикациям в местных газетах, но и непосредственно ведёт беседы со старожилами Павловки, в чьей зыбкой старческой памяти так или иначе сохранились и абрис событий давнего времени, и облик всех тех, о ком идёт речь в этой книге. Такие рассказы очевидцев – по сути своей смыслоёмкие человеческие устные «документы-свидетельства», те самые «микроистории», из которых по кирпичику создается здание общей гражданской истории отечества.

Содержателен раздел, посвященный старинному приятелю А.Н. Толстого Николаю Девятову и его потомкам. В центре внимания автора книги воспоминания самого Н.В. Девятова «Из далекого прошлого», ценные как свидетельство непосредственного очевидца интересующих нас событий из жизни Бострома–Толстых.

М.А. Перепёлкин знакомит читателя своей книги и с исторической судьбой окрестностей Сосновки, упоминаемых в литературном архиве Бострома–Толстых. В поле зрения исследователя-краеведа попадают села Колокольцовка, Хомяковка, Марьевка, Губернаторовка, Колдыбань, Самаровка, Каменный Брод и другие. Мы совершаем занимательное путешествие по старинным документам, приоткрывающее завесу времени, за

которой таятся забытые события, забавные случаи, интриги и конфликты, судебные разбирательства, словом, всё то, из чего состоит ткань повседневного человеческого бытия. Мы обнаруживаем, что провинциальная действительность при ближайшем рассмотрении была многомерной, в неё вовлекалось огромное множество людей, принадлежащих к разным социальным слоям и профессиональным группам. Автор пишет о земских служащих, о священниках, докторах, ветеринарах, почтовых работниках, кузнецах, мельниках, торговцах, и нет числа всем этим историям и упоминаниям.

Помимо локальных местных событий в повседневную жизнь Самарского Заволжья вторгались серьёзные события большой истории – голод в Поволжье, эпидемии, звучали тревожные отголоски военных и революционных потрясений. Исторически-грандиозное и случайно-мелкое (местные криминальные происшествия, судебные тяжбы), переплетаясь, образовывали сложную событийную вязь текущей действительности.

Содержателен раздел, посвященный истории увековечения памяти о писателе А.Н. Толстом в Самаре и Самарской области (организация школьного музея и установка памятника писателю в Павловке, воистину подвижническая деятельность директора Куйбышевского литературно-мемориального музея им. М. Горького М.П. Лимаровой по созданию самостоятельного музея-усадьбы А.Н. Толстого). Таким образом, героями этой книги М.А. Перепёлкина, помимо семьи Толстых, их широкого самарского окружения, становятся и музейные работники второй половины XX века, которые увлеченно занимались поисками не только документов (писем, рукописей, официальных бумаг, фотографий), но и предметов усадебной мебели, столь необходимых для формирования полноценной литературно-мемориальной экспозиции. По-своему увлекательны страницы, посвященные таким конкретным разысканиям музейных работников. История поисков обретает увлекательную сюжетность, каждый мемориальный предмет предстаёт со своей уникальной «биографией». Предметы мебели, описываемые в книге, открывают читателю свою долгую и многособытийную жизнь, как, скажем, стоящее ныне в музее бюро, за которым когда-то прилежно работала Александра Леонтьевна, потом трудился Алексей Николаевич Толстой, а потом за этим же бюро Ю.А. Крестинский написал первую биографию писателя (Крестинский 1960). Так один факт тянет за собой цепочку других фактов, и всё это складывается в непростую и занимательную историю создания музея-усадьбы А.Н. Толстого. И эти согретые благодарным чувством автора страницы о деятельности музейных работников, истовых «собирателей» и «хранителей» былого, придают всей книге глубокий этический смысл.

Привлекает в книге М.А. Перепёлкина и ярко выраженный эмоциональный момент, свидетельствующий о личной причастности автора к жизни описываемых мест. Как уроженец села Красноармейское (объединившее бывшие Колдыбань и Самаровку), исследователь соотносит в своём повествовании историко-краеведческие факты и обстоятельства, базирующиеся на документах, с собственными непосредственными впечатлениями человека, выросшего в другое время в этом же уголке Самарского Заволжья. Строки повести А. Толстого «Детство Никиты» постоянно отзываются в сознании автора горячими памятливыми импульсами собственного детского мироощущения. Это делает исследователя по-хорошему вдвойне пристрастным, отражая субъективное заинтересованное отношение и к «земляку» – писателю Алексею Толстому, и к миру своего детства.

Есть разные типы литературоведческих книг – книги-биографии, книги-творческие портреты, книги-свидетельства, книги-истолкования, книги-комментарии. Думается, труд М.А. Перепёлкина тяготеет к жанру авторитетной книги-комментария. Комментарий исчерпывающего и всеобъемлющего, после прочтения которого не только повесть «Детство Никиты», но и произведения «заволжского» цикла, да и целый ряд других толстовских текстов становятся более понятными и фактографически прозрачными.

Заключение

В современной гуманитаристике есть введенное Д.Н. Замятиным понятие «метагеография» (Замятин 2004), восходящее и к трудам французского ученого Г. Башляра о поэтике пространства, и к работам о многофункциональном «культурном тексте» (исследования В.Н. Топорова (Топоров 2003), Ю.М. Лотмана (Лотман 2002)). Под «петербургским» или «московским текстом» понимается некая устойчивая система взаимосвязанных мифологем, идеологем, образов, метафор, символов, мотивов, ключевых слов, топонимов, связанных с конкретным пространством. Сформировалась геопэтика как самостоятельная область художественного мышления и объект литературоведческой рефлексии. В научной литературе мы среди прочих пространственных «культурных текстов» встречаем не только столичный, но и «провинциальный текст», «уездный текст». И это не случайно, ведь уездная жизнь тоже обладала некоей знаковой целостностью. В данной связи можно сказать, что исследование М.А. Перепёлкина – это не только книга о конкретном детстве писателя А.Н. Толстого и отражении его ранних впечатлений в последующем творчестве, но и книга о локальном варианте российской провинциальной культуры. Такой проблемный разворот дополнительно расширяет значимость данного исследования. Мы в последние десятилетия буквально по

крупницам собираем многогранный и многоликий портрет отечественной провинции, кардинально меняющейся в связи с масштабным процессом интенсивной урбанизации. Сельская глубинка, уездные городки, увы, становятся порой своеобразной «Атлантидой», безвозвратно уходящей в пучину вод неотвратимых цивилизационных метаморфоз. Поэтому очень актуален интерес к закреплению в общественном сознании памяти об ушедшем и уходящем облике отечественных пространств, обладавших когда-то своей культурной узнаваемостью, своей мифологией, своей исторической конкретикой, своими уникальными социокультурными смыслами. Добротная книга М.А. Перепёлкина способствует именно такому закреплению и предостерегает от исчезновения из коллективной памяти тех или иных локусов российской провинции.

Материалы и исследования

Перепёлкин М.А. Вокруг «Детства Никиты»: мир – слово – смысл. Самара: Научно-технический центр, 2021. 701 с.

Библиографический список

Варламов А.Н. Алексей Толстой. Москва: Молодая гвардия, 2008. 591 с.

Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. Москва: Аграф, 2004. 506 с.

Крестинский Ю.А. А.Н. Толстой. Жизнь и творчество: (Краткий очерк). Москва: Изд-во АН СССР, 1960. 314 с.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. Санкт-Петербург: Акад. проект, 2002. 542 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Санкт-Петербург: Искусство – Санкт-Петербург, 2003. 616 с.

References

Varlamov, A.N. (2008), *Alexey Tolstoy*, Young guard, Moscow, Russia.

Zamyatin, D.N. (2004), *Metageography: Space of images and images of space*, Agraph, Moscow, Russia.

Krestinsky, Yu.A. (1960), *A.N. Tolstoy. Life and work: (Short essay)*, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Russia.

Lotman, Yu.M. (2002), *Articles on the semiotics of culture and art*, Acad. project, St.-Petersburg, Russia.

Toporov, V.N. (2003), *Petersbur text of Russian literature*, Art – SPb., St.-Petersburg, Russia.

Submitted: 01.09.2022

Revised: 26.11.2022

Accepted: 15.12.2022

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах .jpg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностранные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.100-2018 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200161674> (дата обращения: 27.01.2021).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.

Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабинов, А.В. Мантатова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубехина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательств и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:

part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper– Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... – 1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig. ; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparyan, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

*Примеры оформления в References**журнальная статья*

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye, (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/EHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

